

ПРЕДИСЛОВИЕ

20 февраля 2019 года в Одинцовском филиале МГИМО прошла первая научно-практическая лингвистическая конференция «Язык. Культура. Перевод», которая вызвала большой интерес у известных ученых, преподавателей, переводчиков и студентов-лингвистов еще на стадии подготовки. Конференция была подготовлена Факультетом лингвистики и межкультурной коммуникации, созданном в Одинцовском кампусе МГИМО в 2016 году на базе традиций языковой подготовки МГИМО и современных направлений в фундаментальной и прикладной лингвистике.

Конференции предшествовал Межвузовский семинар 2018 года. За год количество заявок на выступления с докладами, проведение круглых столов и мастер-классов выросло в 3 раза. Заявки поступи-

ли от специалистов-теоретиков и практиков: терминоведов, лингвокультурологов, экспертов по когнитивной лингвистике, теории дискурса, методике преподавания иностранных языков и русского как иностранного, от слушателей магистратуры и аспирантуры московских и региональных вузов. Активное участие в работе конференции приняли переводчики-практики и профессорско-преподавательский состав МГИМО-Одинцово.

Докладчики Пленарного заседания задали основные векторы научных дискуссий: прозвучали выступления Почетного профессора МПГУ М.Я. Блоха, главного научного сотрудника Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН С.Д. Шелова и старшего научного сотрудника кафедры французского языка МГИМО МИД России, профессора Л.Г. Ведениной. На 6 секциях и 3 мастер-классах прозвучали более 50 докладов. В данный сборник вошли 45 статей участников Конференции, отражающих тематику их научных исследований.

Цель Конференции — стать площадкой для научно-практической работы в области языкознания, прикладных исследований, практики перевода и преподавания иностранных и родного языков

и культур. Хочется надеяться, что, став ежегодной, Конференция позволит заявить о новой точке на карте России как о форуме для обсуждения проблем языковой политики, межкультурной коммуникации, лингвистических методов обработки цифровых запросов в сети и других проблем современной лингвистики.

Факультет лингвистики и межкультурной коммуникации Одинцовского филиала МГИМО динамично развивается и привлекает внимание как слушателей программ бакалавриата и магистратуры, так и представителей ведущих направлений современного языкознания. От 45% до 65 % дисциплин на лингвистических программах факультета преподаются на иностранных языках, что обеспечивает конкурентоспособность выпускников и их готовность к переводческой, экспертной и научной работе в международной среде.

Сотрудничество в области лингвистики с ведущими научно-исследовательскими институтами Российской академии наук, Университетами Курска, Перми, Владивостока, Москвы и другими известными научными школами, а также бизнес-партнерами, разрабатывающими лингвистические цифровые технологии и продукты, обогащает образовательную среду Кампуса МГИМО-Одинцово, дает бесценный опыт участникам форума. Планируется, что в 2020 году Конференция станет международной.

СОДЕРЖАНИЕ

М.Я. Блох

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМУ ПОТЕНЦИАЛУ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА.....	10
--	----

С.Д. Шелов, Т.Д. Четверикова

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: НОВОЕ В РУССКОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ.....	19
--	----

А.А. Горностаева

ИРОНИЯ В ПОЛИТИКЕ: НАПАДЕНИЕ И ЗАЩИТА.....	26
--	----

Раздел 1.

ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКИ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Ю.Г. Кокорина

РАСПОЛОЖЕНИЕ ТЕРМИНОВ В СЛОВАРЕ «ПО СМЫСЛУ»: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)	35
--	----

С.Л. Мишланова, Н.В. Бисерова

ДЕФИНИЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ МИГРАЦИОННОГО ПРАВА.....	40
--	----

Т.П. Некрасова

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ	45
---	----

Е.П. Попова

МОДЕЛИ КОМПОЗИТОВ В СОВРЕМЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	51
---	----

Ю.Б. Цверкун

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕДИНИЦ, ВХОДЯЩИХ В ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США.....	57
--	----

В.А. Иконникова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАСЛЕВЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЙ	64
--	----

Раздел 2.

**ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Л.М. Босова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	<i>Е.В. Власова</i> 71
---	---------------------------

М.А. Кузина

РУССКИЕ МОТИВЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РОМАНАХ ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ ИНДИИ, КЕНИИ, НИГЕРИИ И ПАКИСТАНА.....	77
--	----

Н.В. Русинова

РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ФЛОРА И ФАУНА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА АВСТРАЛИИ	82
--	----

Н.Д. Паршина

КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	87
---	----

О.В. Полевая

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ АРГО МОЛОДЕЖИ.....	93
---	----

В.Ю. Краснова

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ ЯПОНСКОГО ФОЛЬКЛОРА И ИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ КОРЕЛЯТЫ	101
--	-----

Раздел 3.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Е.М. Какзанова

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА ИНТЕРЛЮДИИ «ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО ФОРСАЙТА» ДЖ. ГОЛСУОРСИ (из серии «Сага о Форсайтах»).....	109
--	-----

А.В. Карецкая

АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕКСТОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА	115
---	-----

**Раздел 4. СОВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

М.М. Поляхина

ВОПРОС О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ.....	121
---	-----

Н.С. Титова

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ

Я.П. ПОЛОНСКОГО И В.А. ШУФА..... 129

Т.Б. Шишкина

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА 135

Н.А. Гусейнова

К ВОПРОСУ ОБ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ

В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

(НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПРОФЕССИЙ) 141

Раздел 5.

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Л.С. Чикилева

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

МАГИСТРАТУРЫ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ..... 147

Е.С. Колягина

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННОЙ

И УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ 153

Н.В. Синицына, П.А. Почкун

РОЛЬ И ЗАДАЧИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПРИ АДАПТАЦИИ

СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ..... 159

Н.С. Вовченко

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ МОДУЛЯ

ПРАКТИЧЕСКОГО КУРСА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА ТЕМУ

“¿TRABAJAR PARA VIVIR O VIVIR PARA TRABAJAR?” 166

М.В. Голощапова

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ

ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ..... 172

А.Л. Морозова, Т.А. Костюкова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ РЕСУРСОВ

ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 176

О.А. Гринько

ДИСЛЕКСИЯ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ 180

Раздел 6.

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Ю.М. Сергеева

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ИНДИВИДА КАК ФАКТОР ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ДИСКУРСА	186
---	-----

Е.А. Дюжилова

ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНАЯ АРХИТЕКТОНИКА АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ	191
---	-----

В. С. Лукьянова

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕТСКОМ АНИМАЦИОННОМ ФИЛЬМЕ	200
---	-----

О.А. Колоскова

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВКРАПЛЕНИЙ В ДЕТСКОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНИМАЦИОННОМ ФИЛЬМЕ	205
--	-----

Т.П. Петерс

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ КАК ИНСТРУМЕНТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ (ИЗ ОПЫТА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	210
--	-----

М.Я. Блох

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия*

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМУ ПОТЕНЦИАЛУ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье высказывается и обосновывается положение о том, что язык вместе с наукой, которую он выражает, является главной производительной силой человека и общества. Это следует из того, что язык путем объединенного действия всех своих подсистем реализует речемыслительное действие, находящееся во главе любой деятельности, как умственной, так и практической. Поэтому теоретическое языкознание должно быть введено как общеуниверситетский предмет для всех специальностей, входящих в учебные программы. Это касается, прежде всего, такого полностью самодостаточного государства, как Россия.

Ключевые слова. Речемыслительная деятельность, теоретическое языкознание, вечный двигатель, рассуждение, глобализация, самодостаточное государство.

Abstract. A thesis is put forward that language together with the whole sphere of science that it expresses makes the main productive force of human society. It follows from the fact that language by means of the integrated action of all its subsystems realizes speech-thinking act which is directing any activity, both theoretical and practical. That is why theoretical linguistics should be introduced in the capacity of academic discipline for all the specializations included in the standard list of university programs. This concerns first of all such a totally self-dependent state as Russia.

Key Words. Speech-thinking activity, theoretical linguistics, perpetual motion, consideration, globalization, self-dependent state.

Научное мышление как высший тип получения знания и распоряжения этим знанием в созидательной деятельности **выражено языком**. В этом качестве наука составляет **главную производительную силу личности, общества и государства**. Главную силу, потому что любая деятельность, особенно же фундаментальная деятельность по общественному и государственному назначению, **задумывается, планируется, регулируется и оценивается соответствующими речемыслительными актами сознания** [Блох 2018a].

Поскольку наука есть мыслительная деятельность высшего типа, и она выражена языком, обратимся к языку как средству выражения науки и к языкознанию как учению о строе и функционировании языка.

Речемыслительный процесс включает три основных этапа. Первый: выделение объекта сознанием вместе с присвоением ему имени (или уточнением его уже существующего лексического имени). Второй: обследование объекта с целью раскрытия его природы и возможного использования в полезной деятельности. Третий: организация деятельности, соответствующим образом использующей или включающей этот объект.

Указанный третий этап работы мысли со всей неопровержимостью демонстрирует вышеотмеченную важнейшую истину о том, что язык вместе с мышлением (точнее, мышление, выраженное языком) составляет **главную производительную силу** человека. Язык, встроенный в сознание, является инструментом всех видов деятельности.

Важно неукоснительно сознавать, что положение о главной производительной силе и, следовательно, деятельности в лице речемыслительного процесса сохраняет свою верность в течение всей истории (или, как любят говорить ученые жены и мужи, «за всю историю») становления и развития человека. Эта верность может быть продемонстрирована на развивающихся средствах, инструментах, орудиях любого типа и вида деятельности. Взглянем непредвзято на поступательное преобразование некоторых из них. Метаморфоза наземного транспорта: от первобытной повозки до реактивного самолета; метаморфоза водного транспорта: от плавучего бревна

и плота до атомного теплохода; метаморфоза жилья: от пещеры и шалаша до небоскреба из стекла, стали и пластика; метаморфоза орудий вооруженной борьбы: от палки, стерлы и пращи до автомата Калашникова и межконтинентальной боевой ракеты; метаморфоза информационного процесса: от наскальной пиктограммы до компьютера и интернета; и так далее до бесконечности. За всеми подобными и неподобными артефактами лежит речемыслительная деятельность, то есть мыслительная деятельность, осуществляемая **средствами языка** и представляющая собою главную творчески-производительную **деятельность** человека.

Это значит, что **вечный двигатель**, который тщетно искали средневековые философы-мыслители, а вместе с ними и шарлатаны всех мастей, был найден «явочным порядком» задолго до их тщетных усилий, и существо, нашедшее или создавшее его в ходе необозримо многотысячелетних поисков в условиях естественной борьбы за жизнь, оказалось не кем иным, как **прямоходящим предком человека**; что называется, невероятно, но факт: универсальный инструмент всех и всяких инструментов всех и всяких видов деятельности, то есть **реальный вечный двигатель — перпетуум мобиле** в лице человеческого «естественного» языка как орудия мысли был найден нашим далеким неговорящим предком, отважно ставшим на задние конечности, выпрямившимся и взявшим в руку палку для исполнения жизненно важных надобностей, каковы, прежде всего, добывание удаленных на размах палкой плодов, защита от враждебных существ, а также нападение на противостоящих существ по различным мотивациям.

Язык — это **вечный инструмент** всех инструментов, **не потребляющий, а порождающий энергию мысли** в ходе своего действия, а человеческий мозг — **вечное зарядное устройство** этого вечного инструмента, вместе с языком порождающее **энергию рассуждения** [Блох 2018б; Кривоносов 2012]. В объединенном виде высший тип мышления в лице науки, выраженной языком, функционирующим как перпетуум мобиле в качестве главной производительной силы в осуществлении поименованной деятельности, требуют **первоочередной заботы в условиях обеспеченной свободы творчества** со стороны общества,

если оно озабочено своей сохранностью и гармоничным развитием на долгие годы вперед. По этой причине не могут не вызвать крайнее недоумение, а говоря без обиняков, возмущенное отторжение такие шаги в организации некоторых обществ, которые влекут за собой ослабление рассматриваемой главной производительной силы любой деятельности. Учитывая, что конечным отрицательным результатом подобных шагов может (а продолжая говорить без обиняков, должен) наступить распад соответствующего общества в условиях современного глобализационного развития человечества, обществу следует остановить эти шаги и по возможности (нет, не по возможности, а по настоятельной необходимости) радикально ликвидировать их отрицательные последствия.

В этой связи я хотел бы особо остановиться на положении о самодостаточности государства вообще и государства Российского в частности, поскольку жизнеспособность такого государства на современном витке истории обеспечивается в первую очередь научной деятельностью.

Что такое самодостаточное государство? В соответствии с содержанием толковательного термина самодостаточное государство есть государство, которое обладает такими ресурсами жизни, которые могут обеспечить его существование в полной изоляции от остального мира, вне обмена как умственными, так и материальными ценностями с иными государствами. Это не означает, что такое государство всегда должно жить в политической, культурной и экономической изоляции. Отнюдь. Действительная изоляция некоторого общества — нации, этноса, племени — в перспективе бытия поведет его к упадку. Речь идет лишь о потенциальной возможности такой изоляции, скажем, с целью защиты и сохранения государства и его народа на некотором ограниченном отрезке времени в силу определенным образом сложившейся международной конъюнктуры. Пример — неблагоприятная мировая конъюнктура сегодняшнего дня с ее экономической рецессией, международным терроризмом, рецидивами тирании в разных политико-экономических ареалах и, конечно, трагическими украинскими событиями, непосредственно затрагивающими нашу страну.

Самодостаточность реализуется двумя главными комплексами факторов. Первый комплекс факторов — природные ресурсы государства (все они получаются в конечном счете из земли, даже те ресурсы, которые непосредственно порождаются воздухом: почва — злаки, фрукты и овощи, лес, вода, животные белки и т.д.; слои пониже — металлы черные и цветные; слои еще пониже — нефть и горючий газ и т.д. и т.п.). Второй комплекс факторов — профессиональная подготовка населения вместе с инструментарием, необходимым для реализации соответствующей деятельности. Ибо никакое изобилие материальных средств не может перейти в состояние использования без человека, вооруженного нужными средствами труда.

По этим двум признакам Россия является **идеальным примером полностью самодостаточного государства**. По критерию самодостаточности эта страна, наша страна, во много раз превосходит даже те самодостаточные государства, которые стоят по существенным показателям лишь на одну ступеньку ниже России, каковы Соединенные Штаты Америки и Китай. Высочайшая самодостаточность России легко и убедительно исчисляется в средних цифрах жизненных ценностей на душу населения: при высоком проценте населения с высшим образованием, при высоком проценте населения, включенного в научную работу, при указанных процентах, отнесенных к общей численности населения приблизительно в 140 миллионов человек на территории, более чем в два с половиной раза превышающей территорию Китая с его населением, уже недалеком от полутора миллиардов, Россия является недостижимым образцом потенциальной самодостаточности государства. И странно, и тошно слушать суждения официальных лиц, обладающих высокими дипломами и степенями, о низком уровне научной работы в России. Равнясь без всяких на то оснований на Запад, критерии успешной научной работы они видят в разного рода весьма мало значащих с точки зрения оценки профессионализма рейтингах и индексах цитирования, количества премий Нобеля, разного рода грантов и т.д., забывая о том, что некоторые лучшие научные работники России переселялись в другие страны, где они благожелатель-

но принимались (благожелательно не из соображений альтруизма или гуманизма, а из прагматики производственной целесообразности — необходимости в них как высококлассных специалистов!), где им создавались удобные условия для творчества, обогащающего научный потенциал тех обществ, которые противостоят России в конкурентной глобализационной борьбе.

Напомню, что отечественная наука и образование, которые в настоящее время проходят «оптимизационное переустройство» по не совсем ясным мотивам, выдержали проверку временем в Советскую эпоху истории России.

Эти аспекты деятельности государства выдержали проверку прежде всего в таком испытании, как поля сражений Великой Отечественной Войны, которая закономерно превратилась в «войну моторов». Ведь «моторы» эти в огромной степени создавались «на бегу», в процессе появления боевой потребности в них, учеными России, а студенты высших учебных заведений в те же самые времена проходили ускоренную подготовку к продолжению работы этих ученых, — студенты тех заведений, эвакуированных в Зауралье и неэвакуированных, которые не только не прекращали своей научно-образовательной деятельности, но, наоборот, с особым энтузиазмом сотрудников продолжали ее в труднейших условиях военного положения. А выпускники этих заведений, вместе со своими старшими коллегами, не подвергающимися остракизму на основании антинаучных и антиздоровосмысленных возрастных цензов, ковали дальнейшую, послевоенную мощь самодостаточного государства в виде, во-первых, смен поколений профессионалов из разных областей созидательного творчества, а во-вторых, в виде новых ресурсов жизни и защиты жизни этого государства, воплощенных в создании водородной бомбы, развитии атомного производства, проведенного штурма космоса (перенесшего человечество в новую эпоху существования!), разработки методов нейрохирургии, анализа структуры и функционирования знаковых систем, исследований по разным направлениям гуманитарных наук, без которых никакой технический и информационный прогресс невозможен.

Последний тезис весьма важен для его усвоения администраторами и руководителями всех высоких рангов. Наука не должна ранжироваться по важности на «производственную» (перворазрядную) и «непроизводственную» (второразрядную). Свободная наука непредсказуема по характеру своих результатов. В самом деле, передовой фронт современной науки сместился от непосредственной деятельности по изготовлению физических изделий разного рода и назначения на программирование посредством информационных языков, что и дало результат в виде научно-технической революции нового исторического времени. Опять, как говорится, невероятно, но факт.

Отсюда объективно утверждается особое место, которое должно занять языкознание в современной системе наук и в современной системе образования. Конечно, многие необходимые знания по практической лингвистике даются школьнику в рамках преподавания родного и иностранных языков. Однако владение принципами теоретического языкознания должно передаваться учащимся на общеуниверситетской ступени обучения безотносительно к их специализации на верхних ступенях обучения. Ведь всякий творческий специалист имеет дело со своим профессиональным языком — языком для специальных целей. Это область терминологии, но далеко не только. Вспомним простую, но почему-то подзабытую истину о том, что две кардинальные функциональные части языка — это совокупность названий и совокупность средств выражения мыслей: словарный состав называет вещи и явления, а грамматика строит мысли из названий, то есть создает речь как последовательность мыслей, выраженных языком [Hinzen 2006]. В самом деле, грамматика есть логика языка, и любой творец нового в любой области теоретической и практической деятельности должен хорошо ею владеть и понимать ее не по букве, а по духу ее строевого речеобразовательного назначения — владеть и понимать для того, чтобы шлифовать и оттачивать свою творческую мысль.

Итак, — равноприемность и поощрение всех и всяких отраслей науки, если они оперируют главным орудием науки вообще

в лице **логического рассуждения** разных типов, выражаемым языком, начиная с открыто-словесного, неудачно называемого «содержательным», в гуманитарных науках, и кончая символично-формализованным, «теорематическим», в точных науках (вкуче с экспериментальной работой различного рода). А к науке в деле развития мышления как такового примыкает и искусство во всех своих ипостасях, и прежде всего художественная литература — языковое искусство, в высокой степени реализующее обобщение образно-чувственного впечатляющего действия на потребителей произведений искусства, чем и совершенствуется со своей стороны, совместно с иными отраслями искусства, аналого-синтетический умственный аппарат человека, в том числе и научного работника. Думаю, что в никакой специальной защите высокое российское искусство не нуждается.

Итак, формируя мысль, язык играет особую и неотчуждаемую роль во всем объеме деятельности человека, и в первую очередь в научно-творческой деятельности. Между прочим, эта роль высветилась во всю свою мощь в приснопамятной общесоюзной дискуссии по вопросам языкознания 1950 года. Эта роль была глубоко понята и участниками дискуссии, и всей научной и образовательной интеллигенцией страны. Посвященная изучению языка, дискуссия вылилась в невероятный взлет науки и образования в советской действительности. Ученый человек был выдвинут на верхний уровень общественного статуса. И замечательные результаты такого передвижения не заставили себя ждать.

Обратимся же и сегодня к действенному осознанию этой роли, чтобы, преодолевая издержки в организации науки и образования, идти в ногу со временем и опережая время в условиях научного прогресса человечества, упрямо поспешающего через все конъюнктурные неурядицы.

Литература

1. *Блох М.Я.* Язык как универсальная основа жизнедеятельности личности и общества // Язык: категории, функции, речевое дей-

ствие. Материалы XI международной научной конференции. — Москва-Коломна, 2018.

2. *Блох М.Я.* Учение о тексте // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации. Материалы международной научно-практической конференции, посвящений 70-летию Института иностранных языков. МПГУ, М., 2018. С. 16 - 22.

3. *Кривоносов А.Т.* Философия языка. — М.—Н.—Й., 2012.

4. *Hinzen, W.* Mind design and minimal syntax. —Oxford University Press, 2006.

С.Д. Шелов, Т.Д. Четверикова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: НОВОЕ В РУССКОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ

Аннотация. В статье представлен обзор новых отечественных терминологических словарей и справочников, образующих самостоятельный тип лексикографических изданий. Эти словари включают специальную лексику самых различных и порой весьма далеких друг от друга областей деятельности и профессиональных занятий или лексику всего универсума специальных знаний, которая может заинтересовать не профессионала, а человека среднего уровня образования и компетенции. Подчеркивается актуальность таких словарей и сообщается о разработке словаря лексики русского языка терминологического и профессионального характера, разрабатываемого в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Ключевые слова. Терминологический словарь, новый тип терминологических словарей, толкование термина, терминологическая лексика, профессиональная лексика.

Abstract. The article presents overview of some domestic terminological dictionaries and reference books, forming a separate type of lexicographic publications. These dictionaries cover special vocabulary of strikingly different disciplines and areas of professional activities sometimes very distant from each other or vocabulary of the entire universe of special knowledge that may be of vivid interest not only for a specialist, but also for a layman of middle-level education and competence.

Development of a dictionary of the Russian terminological and professional lexis as it adopted in the common Russian is an-

nounced. The dictionary is being developed at the Institute of the Russian language of the Russian Academy of Sciences.

Key words. Terminological dictionary, new types of terminological dictionaries, term definitions, terminological and professional lexis

Когда специалист слышит словосочетание «терминологический словарь», то у него немедленно возникает вопрос о той области знания, которую этот словарь представляет. В самом деле, имеются десятки тысяч терминологических словарей, которые, независимо от их назначения, языка или языков входных (заголовочных) слов, адресной ориентации, круга решаемых задач и т.п., тематически «привязаны» к той или иной дисциплине, сфере деятельности, профессии, специальная лексика которой и собрана в этом словаре, ср. «Современный философский словарь», «Краткий словарь лингвистических терминов», «Карточная терминология и жаргон», «Англо-русский строительный словарь», «Большой юридический словарь» и т.п. (приведены формулировки реальных названий некоторых терминологических словарей).

Однако в последнее время наблюдается тенденция создания словарей терминологической и профессиональной лексики, которые, во-первых, охватывали бы самые различные области знания и сферы деятельности и, во-вторых, предназначались бы не профессионалам и специалистам, а самой широкой публике и, в частности, даже тем читателям, которые по своим знаниям и интересам весьма далеки от любой из областей знания, охваченных словарем, см., например, издания [Словарь специальной лексики русского языка 2014; Словарь современных понятий и терминов 2002]. Сюда же можно отнести словари серии «Давайте говорить правильно», выполненные на единой методической основе и в своей совокупности представляющие самые разные области знания, см., например, словари [Ваулина, Белик 2008; Ваулина, Вербицкая, 2014; Севастьянова, Чепурных 2008]. Основная идея этих изданий дать описание лексики научного и профессионального характера любой области знания, которая в известной мере

проникла в общий русский язык, и научить ею правильно пользоваться. Несколько условно подобные словари можно было бы назвать **универсальными терминологическими словарями общего назначения**, при этом они, по всей вероятности, имеют большое будущее, широкое практическое применение и представляют немалый лингвистический интерес.

Вместе с тем последовательному решению задачи составления подобных словарей, несмотря на наличие некоторого количества публикаций на эту тему, не хватает должного научного обоснования, когда нерешенными или неудовлетворительно решенными оказываются вопросы формирования словника, источника и правил толкования языковых единиц, включенных в словарь, назначения и разграничения использования таких элементов аппарата словаря, как пометы и ремарки, источников языковых иллюстраций. Прояснению этих вопросов и разработке на этой основе Словаря лексики русского языка терминологического и профессионального характера посвящены работы [Шелов, Цумарев 2012; Цумарев 2014; Шелов 2014; Шелов, Цумарев 2015; Цумарев 2017]. В качестве принципиальных моментов этих решений отметим: а) ориентация на языковые данные Национального корпуса русского языка, которые активно используются в двух отношениях — в качестве поставщика иллюстративного материала (другой материал для этих целей просто не используется) и для количественной оценки внедренности того или иного специального слова или словосочетания в общий русский язык на базе учета его встречаемости и принятия решения о включении или невключении его в словник, б) использование в качестве «поставщиков» специальной лексики словарей [МАС; СШ; СНС; Словарь специальной лексики; Словарь современных понятий и терминов], в которых она получает характерную маркировку, в) принятие в качестве основы классификации специальной лексики работ ее группы, предложенные в работах [Шелов, Лейчик 2012а; Шелов, Лейчик 2012б], где она подразделяется на термины, профессионализмы, лексические единицы профессионального просторечия, профессиональные жаргонизмы и специальные арготизмы (характеризмы); г) распределение помет и ре-

марок для различных функций описания как оно рекомендуется в работах [Цумарев 2014; Цумарев 2017; Шелов, Цумарев 2012]; д) представление в Словаре в целях сравнения данных других изданий [МАС; СШ; РЭ].

Сказанное проиллюстрируем двумя примерами словарных статей из упомянутого Словаря.

ЛЕГИТИМНЫЙ, -ая, ое.

[лат. *legitimus* — законный, правомерный; фр. *légitime* < лат. *lēgitimus* законный]

Юрид., хар. Законный, находящийся в соответствии с действующим в данном государстве законом.

*Екатерина же Алексеевна, пятый **легитимный** член совета, слышавшая в молодости либералкой и переписывавшаяся с Фернейским пастухом, в зависимости от своего сердечного в данный момент благорасположения, переходит из лагеря в лагерь* [Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина (2008)]. *Запрошенные номера были тут же продиктованы: в условиях социалистической демократии было бы нелепо скрывать номера **легитимной** власти* [Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)].

*Полтора часа депутаты спорили: **легитимно** ли их собрание и насколько принятые решения на нем будут законны* [Р. Вареник. Мурманские депутаты не смогли выбрать сити-менеджера // Комсомольская правда, 2010.11.13]. *Зарубежные наблюдатели признали голосование открытым и **легитимным*** [В. Александров. Сергей Багапш остается // Известия, 2009.12.14].

МАС: Законный. *Легитимная власть.*

СШ: (спец.). Признаваемый законом, соответствующий закону и общепризнанный.

РЭ:

ДИСЛОЦІРОВАТЬ, -рую, -руешь.

[нем. *dislozieren*, восх. к лат. — см. *дислокация*]

Воен. О военных объектах, войсках и т.п.: разместить (ещать), расположить (лагать).

*Майор и кавалер, хромой старик Васильев, командир корпуса, получил приказание **дислоцировать** в крепости Петра и Павла отборных фельдъегерей [Ю. Давыдов. Дорога на Голодай (1992)]. Из самых различных источников поступали в Центр достоверные сведения о том, что уже на исходе 1940 года гитлеровская Германия открыто **дислоцировала** свои армейские группы вблизи границ Советского Союза [В. Кожевников. Щит и меч (1968)].*

*В ближайшие два-три месяца будут приняты решения о том, какие именно воинские части и подразделения **дислоцировать** на полуострове, после этого будет решаться кадровый вопрос [Мария Макутина, Степан Опалев, Алиса Штыкина, Иван Петров, Максим Гликин. Крым станет российским за 200 дней // РБК Дейли, 2014.03.19]. В Японии, в частности, базируется Седьмой флот США, а на авиабазах Мисава и Кадена **дислоцированы** более сотни истребителей [Н. Киеня, В. Воропаев, А. Максимов. Камрань надо возвращать // Известия, 2010.10.08].*

МАС: *Воен.* Произвести (производить) дислокацию (в 1 знач.).

СПШ: (спец.). Разместить (ещать), расположить (лагать). *Д. войска.*

РЭ:

Литература

1. Ваулина Е.Ю., Белик В.В. Давайте говорить правильно! Специальная лексика точных наук: Краткий словарь-справочник. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 408 с.

2. Ваулина Е.Ю., Вербицкая О.Н. Новейшая физическая терминология: нанотехнологии: краткий словарь. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. — 352 с. — (Слова, которые следует знать).

3. Ермаков Ю.М. Технические термины бытового происхождения /Около 3000 терминов. — М.: Изд. дом «Техника — молодежи», 2008. — 184 с.
4. МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд. стереотип. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
5. РЭ — Большая российская энциклопедия. — М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2011.
6. СНС — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века/ Сост. Т.Н. Буцева, Е.А. Левашов, Ю.Ф. Денисенко и др.; Отв. ред. Т.Н. Буцева. — Ин-т лингвистических исследований РАН. — СПб: Дмитрий Буланин, 2009 — 2014. — Т. 1 — 3.
7. Севастьянова Н.Д., Чепурных Н.О. Давайте говорить правильно! Актуальная медицинская лексика: Краткий словарь-справочник. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 286 с.
8. Словарь специальной лексики — Словарь специальной лексики русского языка /Под ред. А.С. Герда, У.В. Буторовой; авт.-сост. У.В. Буторова. — СПб.: Русская коллекция, 2014. — 255 с.
9. Словарь современных понятий и терминов — Словарь современных понятий и терминов /4-е изд., дораб. и доп.; Бунимович Н.Т. и др.; общ. ред. Макаренко В.А. — М.: Республика, 2002. — 527 с.
10. СШ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / 2-е изд., испр. и доп. — М.: Азъ, 1995. — 928 с.
11. Цумарев А.Э. Об усовершенствовании маркирования специальной лексики в толковых словарях // Терминология и знание: Мат-лы IV Межд. симпозиума. — М., 2014. — С. 268 — 282.
12. Цумарев А.Э. Какой быть словарной статье словаря социально значимой специ-альной лексики // Терминология и знание: Мат-лы V Межд. симпозиума. — М., 2017. — С. 255 — 273.
13. Шелов С.Д. О различии в толковании специальной лексики в терминологических и филологических словарях // Терминология и знание: Мат-лы IV Международного симпозиума (Москва, 6 — 8 июня 2014 г.). — М., 2014. — С. 185 — 201.
14. Шелов С.Д., Лейчик В.М. О классификации профессиональной лексики // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. — 2012. — Т. 71. — № 2. — С. 3 — 16 (а).

15. Шелов С.Д., Лейчик В.М. Терминология и профессиональная лексика: состав и функции: учеб. пособие. — СПб., 2012. — 82 с (б).

16. Шелов С.Д., Цумарев А.Э. Пометы как элементы описания языковых единиц терминологического и профессионального характера (на материале Малого академического словаря русского языка) // Русский язык в культурно-историческом измерении. Посвящается 200-летию Я.К. Грота. Тезисы докл. III Межд. конф. «Культура русской речи». — М.: ИРЯ РАН, 2012. — С. 224 — 228.

17. Шелов С.Д., Цумарев А.Э. Теория и практика определений специальной лексики в истории академических толковых словарей русского языка // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 11. — СПб., 2015 — С. 29 — 49.

ИРОНИЯ В ПОЛИТИКЕ: НАПАДЕНИЕ И ЗАЩИТА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению функций иронии в современном политическом дискурсе. Особое внимание уделяется таким функциям, как нападение и защита. Анализ проведен на материале высказываний британских, американских и российских политиков.

Ключевые слова: ирония, политический дискурс, функции, нападение, защита.

Abstract. The article is devoted to the functions of irony in modern political discourse. The main attention is paid to such functions as attack and defense. The analysis is based on the speeches of British, American and Russian politicians.

Key words: irony, political discourse, functions, attack, defense.

Введение

В современной политической лингвистике вопрос о допустимости иронии и юмора находится в стадии обсуждения. В конце прошлого столетия в отечественной науке появилось понятие «политический юмор» [Дмитриев 1996], основная функция которого в дальнейшем была определена как осуществление желания человека уйти от неприятной ему реальности, освободиться не только от внешней цензуры, но прежде всего от внутреннего цензора, от страха перед авторитарным запретом, перед властью [Иванюшкин 2006]. Современные исследователи юмора и иронии отмечают большое значение этих явлений в жизни современного общества, а также возрастающий интерес к ним как к научным объектам [Bilig 2005]. Лингвисты говорят о них как о риторических приемах, ко-

которые помогают справиться с разнообразными сценариями — от предвыборной кампании до сложных и не всегда гладких интервью с журналистами [O’Connell, Kowal 2005], ирония и юмор рассматриваются как оружие в межличностном общении между различными типами участников, которым наиболее искусно владеют умелые и харизматичные ораторы: “Laughter and irony are two other interpersonal weapons that are commonly used in relations with different types of interlocutors, especially among the more skillful and charismatic politicians” [Arroyo 2010: 417].

Ирония наиболее эффективна в конфликтных жанрах политического дискурса, таких как парламентские или предвыборные дебаты [Arroyo 2010]. Ироничный оратор вызывает больше симпатии, чем его лишенный иронии оппонент, благодаря своему умению критиковать, пародировать и высмеивать.

Целью данной работы является рассмотрение таких функций иронии в политическом дискурсе, как нападение и защита, на материале высказываний британских, американских и российских политических деятелей.

Функции иронии в современном политическом дискурсе

Прагматическое воздействие иронии отличается двойственным характером: с одной стороны, она обеспечивает возможность для выражения негативного отношения к адресату или предмету речи в завуалированной, скрытой форме, для дискредитирования оппонента, при этом соблюдая рамки, установленные этикетом и максимами вежливости и такта; с другой стороны, ирония может создать особую позитивную психологическую атмосферу, располагающую коммуникантов к взаимодействию и сотрудничеству [Храмченко 2009]. Ирония служит эффективным тактическим приемом реализации коммуникативной стратегии, способствуя, при адекватном ее использовании, осуществлению коммуникативной цели и реализации намерения автора, а при неадекватном использовании — уклонению от исходной коммуникативной цели.

Ирония занимает все более важное место в имидже государственного деятеля современности. Следует отметить, что речевые

портреты современных политиков формировались под влиянием культурно-исторической обстановки и требований, предъявляемых аудиторией. Они в корне отличаются от манеры политического дискурса прошлого. Исследователи отмечают, что переворот в стиле общения политика с аудиторией совершили американские президенты Джон Ф. Кеннеди, Рональд Рейган, Билл Клинтон. Их манера политического выступления отличалась свободной непринуждённостью, позицией равенства с аудиторией, а лексико-прагматические характеристики их выступлений максимально приблизились к разговорной общеупотребительной речи, утратив стилевую принадлежность политического выступления к профессиональному сленгу [Young 2007]. В настоящее время эта тенденция развивается и демонстрирует все новые проявления.

Принимая во внимание роль и место иронии в современном политическом дискурсе, представляется возможным классифицировать ее функции в соответствии со следующими противоположными тенденциями:

А. Парадигма «взаимодействие»: нападение — защита.

Б. Парадигма «дистанция»: сближение — дистанцирование.

В. Парадигма «самовыражение»: самовозвышение — самопри-
нижение.

Г. Парадигма «конфликтность»: сглаживание конфликтов — обо-
стрение конфликтов [Горностаева 2018].

Поскольку ирония — явление противоречивого характера, эти пары, хотя и содержат противоположные друг другу элементы, создают единое целое. В этом заключается многоплановая и трудно-
объяснимая природа иронии.

В данной работе будет рассмотрена парадигма «взаимодействие», полюсами которой являются нападение и защита.

Ирония и нападение

Агрессивную сторону иронии отмечают многие исследователи, такие как: О.П. Ермакова [2005], И.А. Шаронов [2004], L. Hutcheon [2005], А.А. Горностаева [2014, 2017] и др. Ирония, выполняющая функцию нападения, часто остросоциальна, направлена на

акцентирование недостатков общественного устройства и сходна по функциям с сатирой, обличающей и клеймящей. Традиционно ирония использовалась как оружие, направленное доминирующей стороной против подавляемого оппонента, чтобы указать ему его место: “irony’s transideological nature has meant that it has often been used as a weapon of dominant cultures to keep the subservient in their place” [Walker 1990: 22]. Ирония – это оружие презрения, часто более действенное, чем прямое обвинение. Такая ирония призвана провоцировать и обвинять.

Обратимся к примерам.

Критическая ироническая метафора в адрес оппонентов весьма эффективно используется в речах политиков для дискредитации своих противников. Так, Дэвид Кэмерон называет Гордона Брауна аналоговым политиком в эпоху цифровых технологий (*analogue politician in a digital age*) [<http://www.telegraph.co.uk>], подчеркивая его устаревшие и недалёковидные взгляды; актер и комментатор Дэвид Митчелл сравнивает политика Эда Миллибанда с мороженым, лишенным вкуса или даже с дурным вкусом: *unflavoured... or evil-flavoured* [YouTube. David Mitchell on tax avoidance, 20.02.2015], намекая на несоответствие его обещаний истинным намерениям.

Высказывание Дэвида Кэмерона *Too many twits might make a twat* [<http://www.telegraph.co.uk>], основанное на игре слов и содержащее обсценную лексику, содержит резкую критику политиков-любителей социальных сетей.

Во время предвыборных дебатов в США в 2016 году ирония в функции агрессии использовалась повсеместно. Один из примеров – высказывание Дональда Трампа о Хиллари Клинтон: *You’ll notice Hillary’s not laughing. That’s because she knows the jokes and all the jokes were given to her before the dinner by Donna Brazile* [YouTube. Al Smith dinner, 20.10.2016]. Говоря о том, что Хиллари Клинтон не смеется, потому что все шутки были даны ей заранее, Трамп подчеркивает неумение своего оппонента мгновенно реагировать и понимать юмор, а также делает упор на том, что сценарий дебатов проработан заранее спичрайтерами госпожи Клинтон.

На российской политической арене язвительные иронические высказывания также популярны. Например: *блондинка в шоколаде* (В. Соловьев — о К. Собчак) *человек с доброй улыбкой и усами как у Сталина* (К. Собчак — о П. Грудинине); *последняя гастроль артиста* (П. Грудинин — о В. Жириновском, в очередной раз балотирующемся в президенты), *не надо «Дом 2» сюда приводить* (В. Жириновский — о К. Собчак). [YouTube. Дебаты. Лучшие моменты и скандалы. 10.03.2018]; *плохой лживый Золушок* (А. Навальный — о депутате от «Единой России», у которого обнаружилось поместье во Франции); *старик Обещалкин* (А. Навальный — о политике, не держащем своего слова) [Цит. по: Строителева 2016].

Все эти высказывания содержат ироническую подоплеку, насмешку и критику и рассчитаны на подготовленную аудиторию, владеющую фоновыми знаниями и обладающую экстралингвистической информацией.

Для защиты от агрессии политических противников также может использоваться ирония, как одно из наиболее эффективных средств.

Ирония и защита

Одна из наиболее важных функций иронии — защитная. Умелые ораторы знают, как уклониться от неприятной темы, ответить на критику или предотвратить ее, при этом сохранив лицо. Самоирония играет при этом важную роль.

Так, в ходе беседы с американским комментатором и шоуменом Дэвидом Леттерманом министр иностранных дел Великобритании (в прошлом мэр Лондона) Борис Джонсон мастерски обходит сложные вопросы:

Letterman. *Is there a possibility of being Prime Minister?*

Johnson. *I think that is vanishing. I have a much better chance of being reincarnated.*

Letterman. *But you could if you wanted.*

Johnson. *I could be president of the United States. I was born in New York. I try to conceal it from the citizens of London* [YouTube. Mayor of London Boris Johnson on David Letterman. 25.02.2014].

Говоря о том, что у него больше шансов на реинкарнацию, чем на пост премьер-министра, Джонсон переводит в шутку вопрос о своем политическом будущем. Поскольку интервьюер продолжает настаивать, он, опять же с помощью иронии, уводит тему в другую плоскость и надевает ироническую маску хитреца, публично признаваясь, что скрывает от жителей Лондона, что был рожден в США, поэтому теоретически имеет возможность стать президентом этой страны.

Этот остроумный политик использует самоиронию и для того, чтобы предотвратить возможную критику. Известный своими резкими выпадами, Джонсон заявляет в приветственной речи, обращенной к гражданам Манчестера, что он еще не успел оскорбить их город, но собирается сделать это: *It's absolutely wonderful to be here in Manchester – one of the few great British cities I have yet to insult* [YouTube. Tory Party conference: Boris Johnson's funny bits, 05.10. 2009]. Таким образом, любая критика его поведения становится бессмысленной.

Умение сохранить лицо важно, когда прогнозы политика не сбываются, и ему приходится оправдываться перед публикой за свою недалёковидность. В такой ситуации оказался Барак Обама, поддерживающий в предвыборной борьбе 2016 года Хиллари Клинтон и выражающий уверенность в ее победе. Когда Клинтон, неожиданно для многих, проиграла, Обама использует иронию для утешения граждан: *I said to the American people, regardless which side you are on in the election, regardless whether your candidate won or lost, the sun would come up in the morning. And that's one bit of prognosticating that actually came true. The sun is up* [YouTube Watch President Obama speak on Trump presidential victory, 09.11.2016]. Ирония в данном случае функционирует в механизме открытия очевидного («Вне зависимости от того, кто победит на выборах, солнце взойдет в любом случае»), и это помогает политику не потерять лицо и оправдать свою позицию («Этот прогноз сбылся – солнце взошло»).

Ирония в защитной функции достаточно часто используется и российскими политиками. Потребность в ней остро чувствуется именно сейчас, когда необходимо комментировать санкции Запада. Так, реагируя на вопрос о возможной изоляции России прези-

дент В.В. Путин иронически говорит: *Да у них моторесурса и бензина не хватит, чтобы все наши границы объехать. Какая изоляция такой страны, как Россия?* [Инвестиционный форум «Россия зовет», 12.10.2016]. Ироническая реплика главы государства вместе с защитной функцией содержит насмешку, вызывающую в памяти аллюзию о москве, лающей на слона. Такой механизм — сочетание защиты и нападения — весьма продуктивен в современной политической речи.

Заключение

В современном политическом дискурсе ирония используется наряду с другими стилистическими приемами для воздействия на собеседника, а также для поддержания интереса аудитории. Иронический политический дискурс заставляет аудиторию активно участвовать в процессе переосмысления и интерпретации информации.

Ирония в политическом дискурсе предназначена не только прямому адресату высказывания. Ее роль шире — воздействие на адресата косвенного, то есть аудиторию, которую необходимо заинтересовывать и держать в напряжении. Употребление иронии делает речь говорящего более яркой, образной, усиливает эффект сказанного. Ироничность является отличительной чертой умелого оратора.

Ирония выполняет ряд функций. Одной из важных парадигм прагматического значения иронии представляется дихотомия нападение — защита, которая играет важную роль в установлении имиджа оратора, передаче отношения к оппоненту или обсуждаемому вопросу, сохранении лица. Ирония дает возможность говорящему самовыразиться и самоутвердиться, а также оказать влияние на собеседника и аудиторию, достичь желаемого результата.

Литература

1. Горностаева А.А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? // Вестник РУДН, серия «Лингвистика», №3 2014. — С. 64 — 74.

2. Горностаева А.А. Двоякая природа иронии в политическом дискурсе: инструмент агрессии и способ оптимизации отношений // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ). №3(19). Москва, 2017. — С. 24–30.

3. Горностаева А.А. Прагматика иронии в современном политическом дискурсе (на примере русского и английского языков) // Филология и культура №2(52) 2018. — С. 24–30.

4. Дмитриев А.В. Социология юмора. — М.: Издательство РАН, 1996.

5. Иванюшкин А. А. Политический юмор как фактор взаимодействия общества и власти. Дисс. ... канд. полит. наук, 2006. [Электронный ресурс] // URL : <http://cheloveknauka.com>] (дата обращения: 21.05.2018).

6. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. — Калуга, КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. — 204 с.

7. Строителева М.С. Лексические средства выражения авторского «Я» в публицистике Алексея Навального. [Эл. ресурс. <http://www.scienceforum.ru/2016>] (дата обращения: 04.09.2018).

8. Храмченко Д.С. Ирония как средство активизации синергичных процессов прагма-семантической самоорганизации английского делового дискурса. // Вестник Самарского государственного университета №67, 2009. — С.175–180.

9. Шаронов И.А. Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония// Агрессия в языке и речи. Сборник научных статей/ Под ред. И.А. Шаронова. М. РГГУ, 2004. — С. 38–53.

10. Arroyo J.L. Interpersonal issues in political discourse. Interpersonal Pragmatics. Handbook Ed. by Locher, Miriam A. / Graham, Sage L. 2010. P.405-434.

11. Bilig M. Laughter and ridicule. Towards a social critique of humour. Nottingham Trent University, Sage Publications, UK, 2005. — 273 p.

12. Hutcheon L. Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony/L. Hutcheon. — New York: Routledge, 2005. — 248 p.

13. O'Connell D.C., Kowal S. Laughter in Bill Clinton's My Life 2004 interviews // *Pragmatics* 15(2–3) 2005: P. 275–299.

14. Walker N. Feminist Alternatives: Irony and Fantasy in the

Contemporary Novel by Women, Jackson and London: University Press of Mississippi, 1990.

15. *Young S.* Political and Parliamentary Speech in Australia. Parliamentary Affairs, Vol. 60 No. 2, 2007, P. 234–252.

Видеоресурсы

[<http://www.telegraph.co.uk>]

[YouTube. David Mitchell on tax avoidance, 20.02.2015]

[<http://www.telegraph.co.uk>]

[YouTube. Al Smith dinner, 20.10.2016]

[YouTube. Дебаты. Лучшие моменты и скандалы. 10.03.2018]

[YouTube. Mayor of London Boris Johnson on David Letterman. 25.02.2014]

[YouTube. Tory Party conference: Boris Johnson's funny bits, 05.10. 2009]

[YouTube Watch President Obama speak on Trump presidential victory, 09.11.2016]

[Инвестиционный форум «Россия зовет», 12.10.2016].

Раздел 1. ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКИ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Ю.Г. Кокорина

Московский политехнический университет

Москва, Россия

РАСПОЛОЖЕНИЕ ТЕРМИНОВ В СЛОВАРЕ «ПО СМЫСЛУ»: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме расположения терминов в специальном толковом словаре в соответствии с логикой построения терминосистемы науки или области знания. Теоретически эту проблему рассмотрел в своей новой монографии С.Д. Шелов. Практика применения данного принципа в археологических словарях указывает на зависимость структуры словаря от его адресата и авторской установки составителя.

Ключевые слова: термин, лексикография, специальный словарь, археологическая терминология.

Abstract. This article is devoted to the problem of terms arrangement in a special explanatory dictionary in accordance with the

logic of the construction of the terminological system of science or field of knowledge. Theoretically, this problem is considered in his new monograph S.D. Shelov. The practice of application of this principle in archaeological dictionaries indicates the dependence of the structure of the dictionary on its addressee and the author's installation of the compiler.

Key words: term, lexicography, special dictionary, archaeological terminology.

Проблема выбора макроструктуры терминологического словаря, представляющего терминосистему той или иной науки или области знания, несмотря на неоднократное обращение к ней отечественных ученых, остается актуальной для современной лексикографии. Напомним, что на необходимость классификации понятий и обозначающих их терминов указывали классики отечественного терминоведения: «Для того, чтобы иметь возможность установить, какие понятия являются действительно необходимыми, а какие — лишними и вредными, целесообразнее всего предварительно создать соответствующую классификацию понятий той или другой области по одному или нескольким важным признакам» [Лесохин 1994:172], «Зная термин, знаешь место в системе, зная место в системе, знаешь термин» [Реформатский 2007:89], если «система понятий... представляет собой логическую модель знаний или деятельности, то терминосистема — ее лингвистическую модель» [Лейчик 2012:20]. В ходе представления терминосистемы в словаре задача предварительной систематизации терминов является обязательной [Гринев-Гриневиц 2009:102]. Теоретической разработке проблемы выбора последовательности, в которой следует приводить термины в словаре, посвятил главу в своей новейшей монографии С.Д. Шелов [Шелов 2018:311-324].

С.Д. Шелов рассмотрел возможности решения задачи выбора той или иной нумерации (линеаризации) терминов, поставил задачу «показать, что вполне строгая систематизация (в том числе классификация понятий) не определяет однозначно нумерацию терминов, называющих эти понятия: многое зависит от задачи и практической ориентации составителя словаря, от того, какой

фактор или какие факторы он считает наиболее важными (от чего может меняться формальная постановка вопроса, и, соответственно, ее решение)»[Шелов 2018:313]. Поэтому так остро осознается исследователем необходимость дальнейших работ в области изучения расположения терминов в терминологическом словаре [Шелов 2018:322-323]. Анализу возможных вариантов расположения терминов «по смыслу» в специальных русскоязычных археологических словарях посвящена данная работа.

В параллельном четырехязычном словаре Й.Граудониса принята попытка введения кодирования в построении словаря [Graudonis 1994]. Так, термины распределены по группам, каждая из которых обозначена буквой латинского алфавита: А — Общие термины, В — Археологические памятники, С — Древности и т.п. Внутри групп выделены подгруппы: А1 — Археологические исследования, А2 — Хронология, А3 — Археологические культуры и т.п. Внутри подгрупп термины пронумерованы в соответствии с их алфавитным расположением в литовском языке. Термины, входящие в терминологические словосочетания, которые, как пишет автор словаря, «подчиняются основному термину какой-либо группы терминов»[Graudonis 1994:16], даются под этим термином с абзаца: С10-78 — *бусы*, С10-83 — *бусина*, С10-84 — *бронзовая бусина*. Внутри подгрупп термины расположены по гнездовому принципу.

Четырехязычный толковый словарь по археологии палеолита, составленный коллективом авторов [Васильев и др. 2007], по логике своего построения имеет сходство со словарем Й.Граудониса. Словарь включает шесть разделов: 1 — *Полевая археология*, 2 — *Геолого-геоморфологический анализ памятников*, 3 — *Комплексный палеографический анализ*, 4 — *Каменная индустрия*, 5 — *Изделия из органических материалов, украшения и произведения мобильного искусства*, 6 — *Интерпретация и реконструкция, периоды и культуры*. Внутри разделов расположение словарных статей алфавитно-гнездовое: Так, во втором разделе за терминами *абразия*, *аккумуляция*, *алеврит* следует терминологическое гнездо, открываемое термином *аллювий* — *аллювий балочный* — *аллювий инстративный* — *аллювий констративный* — *аллювий перигляциальный* — *аллювий перстративный* — *аллювий*

пойменный — аллювий русловой, далее терминологическое гнездо *базис аккумуляции — базис денудации — базис эрозии* и т.п.

Структура авторского «Словаря археологического вещеведения» [Кокорина 2017], построенного по идеографическому принципу, различна в каждом из пяти его разделов. Разделы словаря, содержащие терминологию *проникающих орудий и оружия, конского снаряжения, украшений* и древних *сосудов*, отражают партитивные родовидовые и отношения между понятиями, что обусловлено обозначенной выше установкой словаря. Открывается каждый раздел словаря терминами, обозначающими конструкцию каждой группы артефактов в соответствии с принципом единой ориентации вещи в пространстве, обоснованным Ж.-К. Гарденом [Гарден 1989]. Так, раздел терминологии *проникающих орудий и оружия* открывают термины, обозначающие элементы режущего оружия: *навершие*. Приводится грамматическая информация о нем — род, родительный падеж: *навершия*, дается дефиниция и этимология термина в английском, немецком и французском языках, синонимы *головка* и *набалдашник* с пометами нрк и рк, а также с указанием статуса термина *набалдашник* — устаревший термин. Далее по такой же логике — словарные статьи терминов *держатель* и его видовых понятий (*рукоять, древко*), *клинок* и его элементов (*конец, лезвие, полотно*). По аналогичной системе приведены термины колющего оружия

«Видовые понятия по отношению к термину *стрела*:

1.2. Стрелы с креплением в виде стержня (*черешка*).

Видовые понятия:

1.2.1. Стрелы с рабочей частью в виде пластины (*пера*).

1.2.1.1. *Срезни* — стрелы с пером из одной пластины, максимальная ширина которых находится по верхнему краю.

1.2.1.1.2. *Срезни треугольные* — срезни с пером, в продольном сечении имеющие форму равнобедренного треугольника основанием вверх. Крепление в виде черешка.

1.2.1.1.3. *Срезни секторовидные* — срезни с пером, в продольном сечении имеющие форму сектора круга. Наибольшая ширина расположена в верхней части. Крепление в виде черешка.

Синоним: *наконечник стрелы секторный*» [Кокорина 2017:48].

Таким образом, расположение терминов в словаре «по смыслу» диктуется различной авторской установкой составителей словаря, которая, в свою очередь, обусловлена разным его адресным назначением. Так, первый из рассмотренных словарей рассчитан не только на археологов-профессионалов, но и на переводчиков, второй — на археологов, занимающихся только палеолитоведением, третий — как на ученых-практиков, так и на составителей баз данных по археологии. Разные разделы словарей отличаются по структуре, что обусловлено различием в структуре терминируемых реалий. Однако все три словарных продукта содержат попытку представить терминосистему определенного сегмента археологического знания, что и обуславливает отказ авторов от алфавитной структуры издания. Анализ такого опыта составления словарей, хочется надеяться, окажется полезным для лексикографической теории и практики.

Литература

1. *Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А. и др.* Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — 264 с.
2. *Гарден Ж.-К.* Теоретическая археология— М.: Прогресс, 1989. — 295 с.
3. *Гринев-Гриневич С.В.* Введение в терминографию. Как просто и легко составить словарь. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 224 с.
4. *Кокорина Ю.Г.* Словарь археологического вещеведения. М.: Новый Хронограф, 2017. 544 с.
5. *Лейчик В.М.* Терминоведение: понятие, метод, структура. 5-е изд. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 264 с.
6. *Лесохин А.Ф.* Единицы измерений, научно-технические термины и обозначения // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: В 3 т. Т. 1. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. — М.: Московский лицей, 1994. — С. 166—190.
7. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. 5-е изд., испр. — М.: Аспект-Пресс, 2007. — 536 с.
8. *Шелов С.Д.* Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. — М.: ПринтПро, 2018.— 427 с.
9. *Graudonis J.* Arheoloģijas terminu vārdnīcā. — Rīga: Zinātne, 1994. — 450 p.

С.Л. Мишланова, Н.В. Бисерова
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Пермь, Россия

ДЕФИНИЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ МИГРАЦИОННОГО ПРАВА

Аннотации. В данной статье представлен фрагмент исследования терминологии, вербализующей понятийную категорию «субъект миграционного права». Основу дефиниционного моделирования данной терминологии составляет компонентный и семантико-когнитивный анализ дефиниций.

Ключевые слова: терминология, дефиниция, миграционное право

Abstract. The article presents a fragment of the study of terminology, verbalizing the conceptual category «subject of migration law». The definitional modeling of the terminology is based on the component analysis, semantic and cognitive analysis of definitions.

Key words: terminology, definition, migration law

В условиях миграционного кризиса 2015 года происходит интенсивное развитие миграционного права, в связи с чем возникает необходимость в уточнении большого количества новых понятий данной предметной сферы, а также упорядочения ее терминологии. Терминология определяется в работе как стихийно сложившаяся совокупность терминов, а термин, в свою очередь, представляет собой слово (или словосочетание) специальной сферы, выражающее специальное понятие и имеющее дефиницию.

Развитие терминологии сопровождается изменением дефиниций терминов, поэтому особое внимание нужно уделять исследованию дефиниций и поиску эффективных методов дефиниционного анализа. Дефиниционный аспект термина активно разрабатывается в работах С.Д. Шелова [Шелов 1995; 2003], Ю.С. Смирновой [Смирнова 2011].

Исследователи рассматривают дефиницию термина как многоаспектное явление, требующее интегративного подхода к изучению. Например, в исследовании Ю.С. Смирновой дефиниция рассматривается, во-первых, как «значение термина», во-вторых, как «особый вид текста, включающий термин и определяющее выражение». В третьих, дефиниция рассматривается как «структура знания» [Смирнова 2011: 5]. Принимая во внимание такое определение дефиниции, целесообразно применить метод компонентного анализа для выяснения плана содержания терминов, а также дополнить его семантико-когнитивным анализом, с целью выявить то, каким образом семантические компоненты дефиниции отражают компоненты понятия. Наконец, представить полученные дефиниционные модели.

Настоящее исследование посвящено дефиниционному анализу терминов миграционного права, репрезентирующих понятийную категорию «субъект миграционного права». Данная понятийная категория является одной из ключевых категорий данной предметной области и определяется как совокупность индивидуальных и коллективных участников миграционных отношений, объединенных взаимными правами и обязанностями по поводу территориального перемещения [Хабриева 2007; Wihtol de Wenden 2008].

Дефиниционное моделирование предполагает разработку методики, основанной на анализе имеющихся дефиниций, раскрывающих содержание изучаемой понятийной категории. С этой целью необходимо предварительно изучить экспертные источники миграционного права на основе анализа современных отраслевых словарей, справочных пособий, отчетов международных организаций, монографий, научных статей и построить фрейм — структурированное понятие «субъект миграционного права». Структура данного понятия отражает междисциплинарный характер предметной сферы миграционное право и включает два облигаторных компонента: миграционный компонент (далее — МК) и правовой компонент (далее — ПК).

Далее, компоненты фрейма можно представить в виде тематических групп номинаций субъекта миграционного права. В итоге, формируется корпус номинаций субъекта миграционного права, а также их системных и контекстуальных дефиниций для дальней-

шего анализа. Более подробно данные этапы исследования описаны в опубликованных ранее научных статьях. [Мишланова С.Л., Бисерова Н.В. 2016 : 152-155].

На следующем этапе осуществляется дефиниционное моделирование изучаемой терминологии на основе семантико-когнитивного анализа дефиниций, отражающего соотношение семантической структуры терминологической единицы и структуры понятия. Выделенные компонентным анализом семы дефиниций соотнесены с элементами фрейма и сгруппированы в семантико-когнитивные модели дефиниций в виде буквенно-численного кода.

Представим пример дефиниционного моделирования термина *apatride* (апатрид), зафиксированного в отраслевом словаре. Дефиниция термина *apatride* (апатрид) имеет следующий вид: *individu sans nationalité, soit qu'il n'en ait jamais eu, soit qu'en ayant eu une, il l'ait perdue sans en acquérir une autre. L'état d'apatridie prive l'individu des droits — et supprime les devoirs — attachés à la nationalité à savoir, notamment, le droit à la protection diplomatique et le droit de revenir dans son pays d'origine. En droit international général, la Convention relative au statut des apatrides (1954) organise la condition juridique des apatrides et leur accorde un certain nombre de droits, notamment en matière économique et sociale* [Glossaire de la migration 2007: 8]. Составим контекстуальную дефиницию данной номинации: *субъект миграционного права, который не является гражданином государства и не имеет прав, присущих гражданину: дипломатической защиты от государства, неотъемлемого права пребывания в стране проживания и права на возвращение; имеет ряд экономических и социальных прав в Конвенции о статусе апатридов (1954)*. Из дефиниции методом компонентного анализа выделим семы: 1) лицо без гражданства 2) страна происхождения 3) без права на возвращение 4) без дипломатической защиты 5) конвенция о статусе апатридов 6) социально-экономические права. Путем семантико-когнитивного анализа последовательно соотнесем семантические компоненты дефиниции с трехуровневой структурой фрейма. В результате анализа семы дефиниции, соотносимые с ПК фрейма (4 семы) преобладают над количеством сем МК фрейма (2 семы), то есть в дефиниции данного термина в большей степени выражен ПК

фрейма, чем МК. Из этого следует, что правовой компонент имеет большую значимость в данном понятии. Представим семантико-когнитивную модель дефиниции в виде буквенно-численного кода: *a1.1 (иностранный гражданин)*, *b2.3 (страна назначения)*, *c1.2 (нарушение нормы прав)*. Далее, полученные семантические компоненты дефиниции термина *apatride* (апатрид) соотносятся с более обобщенным уровнем фрейма. Модель дефиниции имеет следующий вид: *a1 (индивидуальные субъекты)*, *b2 (пространство)*, *c1 (норма прав)*. Наконец, семантические компоненты дефиниции термина *apatride*/апатрид соотносятся с самым общим уровнем фрейма и могут быть закодированы следующим образом: *A (субъекты)*, *B (объекты)*, *C (права)*. В итоге модель дефиниции термина *apatride*/апатрид может быть репрезентирована в виде полной формулы, отражающей все уровни фрейма: *Aa1(a1.1)Bb2(b2.3)Cc1(c1.2)*. Из формулы видно, что дефиниционная модель термина *apatride*/апатрид не полностью реализует потенциал фреймовой модели, отражая три семантические категории из четырех. В модели представлены семантические категории А (субъекты), В (объекты), С (права) и не представлена семантическая категория D (обязанности).

В итоге, разработанная методика дефиниционного моделирования терминологии позволяет выявить соотношение понятийных (фрейм) и семантических (компоненты значения дефиниции) компонентов изучаемой терминологии. Данную методику возможно применять не только при анализе терминосистемы в лексикографических источниках, но и при функционировании терминологии в разных типах дискурса, в том числе, медийном, художественном и т. д. Наконец, дефиниционное моделирование может выступать промежуточным этапом исследования терминологии в аспекте критического дискурс-анализа.

Литература

1. *Смирнова Ю.С.* Дефиниционное моделирование в терминологическом поле сепсис : когнитивно-дискурсивный аспект : дис. ... канд. филол. наук. — Пермь, 2011. — 182 с.

2. *Хабриева Т.Я.* Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права. — 2007. — №11. — С. 3-16.

3. *Шелов С.Д.* Опыт построения терминологической теории: значение и определение терминов : автореф. дис. ... д-ра фил. наук. — М., 1995. — 35 с.

4. *Шелов С.Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения. — Спб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2003. — 280 с.

5. *Wihl de Wenden C.* Démographie, Immigration, Intégration (2ème partie). — Fondation Robert Schuman, 2008. — P 1-10.

6. Glossaire de la migration. Droit international de la migration. — Organisation internationale pour les migrations, 2007. — 102 p.

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация. В данной статье терминологическая синонимия рассматривается в аспекте юридического перевода, в рамках которого это явление, оставаясь проблемой теоретического терминоведения, позволяет решить другую лингвистическую проблему — проблему установления межъязыковых терминологических соответствий.

Ключевые слова: термин, перевод, синонимы, юридический, английский.

Abstract. The article looks at synonymous legal terms, which, while posing a theoretical problem of language studies, provide a key to solving another linguistic problem — that of establishing bilingual term pairs.

Key words: term, translation, synonyms, legal, English.

Терминологическая синонимия обычно рассматривается как явление нежелательное. Позицию, состоящую в том, что «термин не должен иметь синонимов» [Граудина, Ширяев 2009: 199], разделяет большинство исследователей. А.А. Реформатский отмечал, что «слово, становясь термином, обычно теряет свои прежние лексические связи с синонимами...» [Реформатский 2008: 118]. Однако ученый скорее моделирует идеальную ситуацию, чем описывает реальную терминологическую картину. Реальность далека от идеала, в том числе и в такой сфере, как право.

Проверяя как-то английский перевод доверенности на судебное представительство, я засомневалась в корректности формулировки одного процессуального термина. В русском тексте доверенности одно из полномочий было сформулировано следующим образом:

... предоставляет ... право подписи и подачи/предъявления в суд заявления о пропуске срока исковой давности.

В переводе это выглядело так:

... *to claim expiry of the statute of limitations with the right to sign and submit/lodge relevant claims and motions.*

Сомнения вызывал описательный перевод названия документа. Крен в сторону описательности представлялся в данном случае слишком сильным и неоправданным. Логика выстроенной в переводе описательной конструкции была, в общем, понятна. Если в качестве базового выражения взять *to claim expiry of the statute of limitations*, то в переводе названия соответствующего документа должно фигурировать существительное *claim*. Поскольку далеко не все связанные с судопроизводством заявления именуются *claims*, в перевод, для своего рода лингвоправовой подстраховки, были добавлены *motions*. Переводческая мысль здесь двигалась, возможно, интуитивно, в правильном направлении. Опорным словом в английском наименовании этого документа в итоге оказалось именно *motion*. Несмотря на возможность синонимичного употребления существительных *заявление* и *ходатайство* в юридическом русском, традиционное устойчивое соответствие в судебном контексте *motion* образует все-таки не с *заявлением*, а с *ходатайством*. Но, для того чтобы отбросить *claims* и остановиться на *motion*, понадобились весьма значительные поисковые усилия.

Имеющиеся русско-английские юридические словари здесь мало помогают. Столь «изысканную» правовую терминологию переводчик зачастую вынужден разыскивать самостоятельно по другим источникам. В данном случае начинать нужно было с проверки на сочетаемость конструкции *to claim expiry of the statute of limitations*. Поиск по интернет-источникам не дал ни одной ссылки на аутентичные материалы. По ходу проверки обнаружилась другая сочетаемость (*missed statute of limitations claims*), в которой наметились контуры возможного переводческого решения. Однако эта комбинаторика выводила на ложный след. При ближайшем рассмотрении *missed statute of limitations claims* оказались исками, которые предъ-

являют клиенты своим бывшим адвокатам в случае пропуска ими срока подачи клиентского иска.

Из доверенности однозначно не следовало, будет ли адвокат представлять клиента как истца или как ответчика. Она была составлена универсальным для юридического представителя образом. Однако для целей перевода бывает очень важно понимать, от какой стороны исходит тот или иной документ, особенно в рамках судебного разбирательства. Желательно также представлять себе, пусть в самом общем виде, его правовую природу.

Заявление о пропуске срока исковой давности подает ответчик, стремясь таким образом отбиться от исковых требований и утверждая, что истец пропустил срок подачи иска. То есть с точки зрения правовой природы такое заявление — это *defence tool* (*инструмент защиты*). Именно эта идея задавала верное направление дальнейших поисков, подкрепленных сознанием того, что в данной ситуации не может не быть английского соответствия. У каждой судебной системы, естественно, свои установки и своя специфика. Могут отличаться и сроки исковой давности, и характер требований, на которые они распространяются, но логика защиты от иска с опорой на аргумент о пропуске противной стороной срока, отведенного для его подачи, должна иметь универсальное применение. И англоязычные справочно-правовые источники это подтвердили:

Statutes of limitations are designed to aid defendants.

<http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/Tolling+the+Statute>

Может иметь свою специфику и название документа, в котором находит отражение эта логика, но функциональный аналог все равно должен быть. Стоило добавить в поисковые запросы *defense*, причем именно в американском написании, как практически сразу обнаружилась концепция, которая существует в англоязычном правовом пространстве в рамках той же логики — *statute of limitations defense* (*защита со ссылкой на пропуск срока исковой давности*). Но это концепция, а не название процессуального документа. Если посмотреть на глаголы, которые вписываются в эту конструкцию, то чаще

всего фигурируют *to plead*, *to assert* и *to raise*. Среди разнообразных английских *pleas* есть и те, что содержательно соответствуют нашим заявлениям о пропуске срока исковой давности: *statute of limitations plea*, или просто *plea of limitations*. The Law Dictionary (<http://thelawdictionary.org>) определяет этот термин как “*a plea in answer to a charge that tries to get the state’s protection of a statute of limitations.*” Однако такие *pleas* и *pleadings* — это явная отсылка к англосаксонскому общему праву, и использовать специфичные для него термины в английском переводе процессуального документа, регулируемого российским правом, весьма рискованно.

Никаких подсказок для нахождения нужного номинативного термина не дают ни *to raise the statute of limitations defense*, ни *to assert the statute of limitations defense*. *Statute of limitations assertion* — это не сам процессуальный документ, а утверждение, которое может в него включаться. Найденная в Интернете ссылка на англоязычное судебное разбирательство говорила о том, что название этого документа расходится с русским довольно сильно, по крайней мере внешне:

Tacket did not respond to the defendant’s statute of limitations assertion in its Response To Defendant’s Motion to Dismiss.

Tacket v. General Motors Corp., 830 F. Supp. 468 (S.D. Ind. 1993)

<http://law.justia.com/cases/federal/districtcourts/FSupp/830/468/2292335>

С точки зрения формы, с термином российского права не проглядывалось вообще никаких точек пересечения, что затрудняло весь процесс выстраивания межъязыкового терминологического соответствия. Для использования *motion to dismiss* в качестве функционального аналога *заявления о пропуске срока исковой давности* тоже требовались более веские основания. Однако дальше по ходу поисков на одном российском адвокатском интернет-ресурсе весьма кстати встретился синоним проблемного русского термина — *ходатайство о применении срока исковой давности*, а это уже непосредственный мостик к *motion*. Очень скоро выяснилось, что *заявление*

и *ходатайство* могут меняться в этих конструкциях местами. Это дает еще два синонима — *заявление о применении срока исковой давности* и *ходатайство о пропуске срока исковой давности*.

Терминолог-теоретик забил бы здесь тревогу, но терминологическая синонимия, представляющая собой одну из давних проблем терминоведения, оказалась в данном случае ключом к решению переводческой проблемы. Как только установились все эти синонимические связи, в англоязычных источниках нашелся термин, идентичный по смысловому наполнению и не отягощенный излишней правовой спецификой, причем даже в нескольких вариантах:

motion to dismiss based on the statute of limitations (defense);
motion to dismiss for statute of limitations.

Поясним, почему англоязычное ходатайство, в котором акцент сделан на глагол *to dismiss*, неизменно присутствующий во всех этих вариантах, все-таки можно считать адекватным соответствием русским терминам. Судя по всему, это тот редкий случай, когда традиционно эксплицитный русский оказывается более имплицитным, чем обычно бывает английский. В глагольном и действенном английском ответчик сразу требует отказать истцу в удовлетворении исковых требований и указывает основание — пропуск истцом срока исковой давности. По абстрактно-номинативному названию русского документа о сути изложенного в нем требования остается только догадываться. Однако эквивалент глагола *to dismiss* обязательно будет присутствовать в той части заявления/ходатайства, в которой ответчик после всех полагающихся процессуальных «реверансов» изложит суть своего обращения в суд и попросит суд «*применить последствия пропуска истцом срока исковой давности, отказа в удовлетворении исковых требований*» либо «*на основании истечения срока исковой давности в исковых требованиях ... отказать в полном объеме*».

Подводя итоги проведенного терминологического поиска, рискнем утверждать, что такое явление, как терминологическая синонимия, не всегда является однозначно отрицательным, поскольку тер-

мины-синонимы могут оказать неоценимую услугу и в понимании смысла правовых конструкций, и в установлении межъязыковых терминологических соответствий.

Литература

1. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. — М.: Норма, 2009. — 549 с.
 2. Реформатский А.А. Введение в языковедение. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 536 с.
 3. Legal Dictionary. [Электронный ресурс] // URL: (дата обращения: 22.02.2019).
 4. The Law Dictionary. [Электронный ресурс] // URL: <http://thelawdictionary.org> (дата обращения: 22.02.2019).
 5. Судебное дело Tacket v. General Motors Corp., 830 F. Supp. 468 (S.D. Ind. 1993).
<http://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/830/468/2292335>
-

МОДЕЛИ КОМПОЗИТОВ В СОВРЕМЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Композиты с правовой семантикой отражают общую тенденцию английского языка к экономии языковых средств и его способность к использованию имеющихся внутренних ресурсов для номинации новых реалий и переосмыслению исторического языкового опыта для современных нужд. В статье делается обзор наиболее распространенных моделей сложных слов, употребляемых в современном английском юридическом языке. Классификация структурных формул производится с соответствующих нормативных позиций.

Ключевые слова. Словообразование, композит, юридическая лексика, терминология

Abstract. Compound words with legal semantics reflect the general tendency of the English language to comply with the economy principle and its ability to use available internal resources for nominating new realities and rethinking of historical language experience for current needs. The article provides an overview of the most common models of compound words used in modern Legal English language. The classification of structural formulae is made from the corresponding standard positions.

Key words: compounding, compound words, Legal English, terminology

Лексический состав английского юридического языка, как и общеупотребительная лексика, отзывчив на изменения во внеязыковых реалиях и задействует все доступные языковые средства для своевременного восполнения недостаточной номинации.

Новые языковые формы призваны не только закрепить отношение языковой личности к ранее не существовавшим явлениям, но и отразить изменяющееся отношение к уже привычным понятиям или фактам, соединяя новый опыт со старым. В своей словотворческой деятельности носитель юридического английского языка привлекает к использованию не только традиционные словообразовательные модели, но и новые формы и модели номинативных единиц.

В корпусе юридического английского языка наблюдаются три традиционных морфемных типа слов: простые, производные и сложные. Простые слова состоят из основы, представленной корневой морфемой, при этом возможно наличие формообразовательных суффиксов. Структура производного слова, или деривата, включает один или более одного словообразовательного суффикса. Сложное слово, или композит, предполагает наличие в морфемной структуре более одной основы. Сложно-производные образования выделяются в самостоятельный структурный тип или рассматриваются в составе сложных слов [Ильиш 1968: 75].

При рассмотрении наиболее распространенных моделей композитов в английском юридическом языке имеет смысл сочетать классификацию моделей «основа+основа» с классификацией, заимствованной современными специалистами у древнеиндийских лингвистов, базирующейся на нормативных позициях словообразования в санскрите. Так выделяют: бахуврихи, татпуруша, камадхарая и двандва.

К типу «бахуврихи» (санскр. «богатый рисом») относят посессивные композиты, которые называют человека или предмет по характеризующим его признакам, например, по части тела или по одежде [Бенвенист 1974: 250–253]. Выделяют бахуврихи эндоцентрические (план содержания в них представлен эксплицитно во всей поверхностной структуре) и экзоцентрические (морфемная информация не отображает семантику композита, а лишь указывает на признаковую характеристику носителя).

Тип «татпуруша» (санскр. «его человек, его слуга») объединяет сложные слова, первый член которых является определением второго, при этом не изменяется грамматического значения всего

слова, которое является существительным (или прилагательным), если вторая основа имеет значение существительного (или прилагательного). Первая основа такого композита находится в падежном отношении ко второму [Oxford English Dictionary].

Тип «камадхара» (санскр. «дело несущий») является обширным классом определительных сложных слов, первая основа которых является ближайшим определением второй основы.

К типу «двандва» относятся копулятивные (соединительные) сложные слова, компоненты которых состоят в отношениях координации, напр.: лат. *duo-decim* — «двенадцать».

В юридическом английском языке словосложение является весьма продуктивным способом словообразования, который ведет свою историю с древних времен [Попова 2017: 68]. Композиты современного юридического английского языка являются преимущественно эндоцентрическими (их значения представляют простую сумму значений составляющих основ). В составе англоязычной правовой лексики можно выделить субстантивные бахуврихи соответствующие структурной формуле *adj+n* или *n+n*. Для многих из композит-бахуврихи постоянным морфолого-семантическим признаком является посессивный характер по отношению к денотату [Омельченко 1985] (*manslaughter* «непреднамеренное убийство» < *man* «человек» + *slaughter* «забой; убой (скота)», *gunman* «вооруженный человек» < *gun* «оружие, ружье» + *man* «человек», *knight-marshal* «судья королевского двора» < *knight* «рыцарь, кавалер одного из высших орденов» + *marshal* «чиновник суда», *damage-feasant* «незаконно пасущийся на чужом земельном участке» < *damage* «ущерб» + *feasant* «тот, кто делает; причиняющий») [Oxford English Dictionary].

Реже встречаются экзоцентрические композиты, которые используются для метонимической номинации по какой-либо черте или признаку, присущим самому объекту и лежащим в основе названия объекта (*long-robe* «юрист» < *long* «длинный» + *robe* «мантия», *alderwoman* «женщина, член совета графства» < *alder*, уст. *older* «старейшина» + *woman* «женщина», *law-borrow* «расписка-обязательство о не причинении вреда другому лицу или его собственности» < *law* «закон» + *borrow* «поручительство») [Oxford English Dictionary].

Заслуживают особого внимания и примеры метафоры, которые иллюстрируют возможность образного выражения конкретной правовой ситуации посредством словосложения: *windfall* «неожиданное (в т.ч. неосновательное) приобретение» < *wind* «ветер» + *fall* «падение». Данное существительное образовано путем семантического сдвига (переноса признака одного объекта на другой). Впервые слово зафиксировано в основном значении в XV в. «то, что упало из-за ветра (напр.: фрукт или ветка дерева)», а впоследствии закрепилось в профессиональной речи юристов в качестве термина, указывающего на неожиданное обогащение, например, незаконное взимание дополнительных средств при оказании какой-либо услуги (*windfall*) [Oxford English Dictionary].

Спорным остается статус словообразовательного элемента —*man*, который уже в древнеанглийский период обнаруживает тенденцию к превращению из второго элемента композитов в суффикс, что доказывает серийность образований с его участием (*twelfhyndman* «человек высокого общественного положения, за убийство которого полагалась выплата в тысячу двести шиллингов» < *twelf* «двенадцать» + *hynd* «сотня» + *-man*, *lahmann* «законник, сведущий в законах человек» < *lah* «закон» + *-man*) .

Субстантивные композиты используются как для указания на принадлежность или связь с социальной группой, так и детерминации опорного компонента, ср.:

1) n+n (бахуврихи) — сложение двух именных основ (*kingcraft* «искусная дипломатия короля» < *king* «король» + *craft* «искусство»), ср.: *priestcraft* и *statecraft*;

2) n+n (татпуруша) — сложение двух именных основ, первая из которых представлена формой косвенного падежа существительного (*court-fee* «судебные издержки» < *court* «суд, судебный» + *fee* «оплата», *court-paper* «официальный документ, содержащий информацию для судебного заседания» < *court* «суд, судебный» + *paper* «документ»), *women's rights* < *women's* «женщин» + *rights* «права»;

3) adj+n (камадхара) — сложение адекативной и именной основ (*wrong-doer* «правонарушитель» < *wrong* «неверный, неправильный» + *doer* «лицо, совершившее действие»; *safeguard* «мера предосторож-

ности» < *safe* «безопасный» + *guard* зд. «осторожность»); *white-paper* «правительственный информационный документ по какому-л. вопросу» < *white* «белый» + *paper* «бумага, документ».

Адъективные композиты преимущественно характеризуются сочинительным типом отношений между компонентами и образованы по следующим моделям:

1) *adv+v+ed* — сложение адвербиальной и глагольной основ (*well-earned* «заслуженный» < *well* «хорошо» + *earn* «зарабатывать, заслуживать» + *ed*, *well-instructed* «детально ознакомленный с обстоятельствами дела» < *well* «хорошо» + *instructed* «ознакомленный с обстоятельствами дела», *blood-guilty* «виновный в убийстве» < *blood* «кровь» + *guilty* «виновен»);

2) *n+adj* — именной и адъективной основ (*rent-free* «свободный от оплаты за аренду, без арендной платы» < *rent* «аренда, плата за аренду» + *free* «свободный, освобожденный», *law-abiding* «законопослушный» < *law* «закон» + *abiding* «соблюдающий»);

3) *adj+n* — адъективной и именной основ (*red-handed* «на месте преступления (напр. поимка)» < *red* «красный (переносн.: кровавый)» + *hand* «рука» + *-ed*) .

В корпусе современного юридического английского языка также можно наблюдать присутствие глагольных композитов, напр.: *to court-martial* «предавать военному суду» < (образован путем конверсии от сложного существительного) *court* «суд» + *martial* «военный»; *to kidnap* «похитить человека» < *kid* «ребенок» + *nap* «схватить». Интересно, что в XVII веке слово *to kidnap* явно принадлежало к эндоцентрическим композитам (оно означало похищение детей с целью пополнения рабочей силы на Американских плантациях или штата слуг), но со временем актуальность первого компонента была утрачена — к XIX веку так стали номинировать похищение любого лица, независимо от возраста.

В юридическом английском языке словосложение играет существенную роль при необходимости уточнения информации, так как способствует сужению семантического объема опорного компонента: *court-room* «зал судебного заседания» < *court* «суд» + *room* «комната, зал». При этом происходит уточнение семантики второй основы:

law-book «кодекс; свод законов» < *law* «закон» + *book* «книга»; *tax-payer* «налогоплательщик» < *tax* «налог» + *payer* «плательщик».

Модель «двандва», в которой оба компонента равноправны и ни один не несет функции, определяющей или сужающей семантику слова, в юридическом английском языке представлен более скудно, чем в общеупотребительном языке. Так, если в словаре общего английского языка можно найти слова *Austro-Hungarian*, *tragicomic*, *bittersweet*, *Anglo-Saxon* и др., то слова со специализированной правовой семантикой чрезвычайно редки: *secretary-treasurer* «министр-казначей», *sociopolitical* «общественно-политический».

В целом очевидно широкое присутствие именных, адъективных и глагольных композитов в юридической лексике английского языка. Этот вид словообразования оказался устойчив к историческим лингвистическим и экстралингвистическим изменениям и сохранил свою продуктивность. Композиты с правовой семантикой демонстрируют стремление к аналитизму и речевой компрессии, а значит, отражают общезыковую тенденцию к экономии языковых средств.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. — 568 с.
2. Ильиш Б.А. История английского языка. — М.: Высшая школа, 1968. — 420 с.
3. Омельченко Л.Ф. Тип «бахуврихи» в словосложении английского языка // ФН, 1985, № 3. С. 20-28.
4. Попова Е.П. Становление английской юридической терминологии: Монография — М.: РГУП, 2017. — 132 стр.
5. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс] // URL: <http://www.oed.com> (дата обращения: 25.01.2019).

Ю. Б. Цверкун
МГИМО МИД России, Одинцовский филиал
Одинцово, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕДИНИЦ, ВХОДЯЩИХ В ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена изучению специфики функционирования единиц, входящих в терминосистемы образования Великобритании и США. Данные термины исследуются в рамках концепции культурного компонента значения терминологических единиц. Проводится лексико-семантический анализ терминов с культурным компонентом значения, входящих в терминосистемы образования Великобритании и США. Автор выявляет уровни функционирования терминов, входящих в указанные терминосистемы.

Ключевые слова: термины с культурным компонентом значения, терминосистема образования США, терминосистема образования Великобритании, уровни функционирования терминов.

Abstract. The article reports on the functioning peculiarities of the British and USA education system terms. The given units are studied within the concept of terms with the cultural component of meaning. The comparative analysis of the USA and British education system terms in the lexical-semantic aspect is given. In the article the education term functioning levels are determined.

Key words: terms with the cultural component of meaning, the USA education terminological system, the British education terminological system, term functioning levels.

Современное образование характеризуется не только интеграционными процессами, происходящими на международном уровне, но и сохранением культурного своеобразия локальных

образовательных систем. На уровне терминологических единиц, использующихся в данной области, эти тенденции проявляются в унификации соответствующих терминологий, с одной стороны, и в стремлении к активному использованию терминов с культурным компонентом значения, с другой стороны.

В данной работе единицы, входящие в терминосистемы образования Великобритании и США, исследуются в рамках концепции культурного компонента значения, разработанной В. А. Иконниковой на материале англоязычной юридической терминологии [Иконникова 2014].

По аналогии с исследованием англоязычной терминологии права под терминами с культурным компонентом значения понимаются «единицы, в значение языкового субстрата которых входит информация об историко-территориальных ценностях, представлениях, особенностях и реалиях культуры определенного историко-территориального сообщества» [Там же: 11].

Цель данной работы состоит в выявлении особенностей функционирования единиц, входящих в терминосистемы образования Великобритании и США.

Корпус исследования составляет около 6000 терминологических единиц, входящих в терминосистемы школьного и высшего образования Великобритании и США, отобранных из различных лексикографических и текстовых источников. При анализе терминов образования Великобритании и США использовались словари современного английского языка [Cambridge Dictionary; Collins English Dictionary], специальные словари [A Dictionary of Education; The Education week guide to K-12 terminology; The Glossary of Education Reform]. В качестве материала исследования использовались также глоссарии, представленные на официальных сайтах Министерства образования Великобритании, Уэльского и Шотландского департамента образования, Департамента образования Северной Ирландии, Министерства образования США, и глоссарии, опубликованные на официальных сайтах учебных учреждений Великобритании и США.

Ниже представлены данные, рассчитанные на основе анализа корпуса исследования [Иконникова 2017; Цверкун 2017; Цверкун 2018]:

Таблица 1.

**Содержание терминов с культурным компонентом значения
в терминосистемах образования Великобритании и США**

Терминосистема	Количество терминов	Термины с культурным компонентом значения
Терминосистема школьного образования Великобритании	1500	20%
Терминосистема высшего образования Великобритании	1500	25%
Терминосистема школьного образования США	1500	13%
Терминосистема высшего образования США	1500	16%

Далее обратимся к классификации исследуемых единиц по лексико-семантическому признаку, разработанной на материале международной англоязычной терминологией права [Иконникова 2014: 151-152]: а) явление терминологической *вариантности*; б) *безэквивалентные* термины.

а) явление *вариантности* проявляется в двух аспектах:

1. *Синонимия*. Рассмотрим явление синонимии, реализующейся в рамках терминосистемы высшего образования США [Collins English Dictionary; <https://www.virginia.edu/>]:

Таблица 2.

**Термины, использующиеся для номинации студентов, обучающихся
на разных курсах высших учебных заведениях США**

The meaning of the term	The USA	The University of Virginia
Студент I курса	<i>a freshman</i>	<i>a first-year student</i>
Студент II курса	<i>a sophomore</i>	<i>a second-year student</i>
Студент III курса	<i>a junior</i>	<i>a third-year student</i>
Студент IV курса	<i>a senior</i>	<i>a fourth-year student</i>

Поясним, что единицы *freshman*, *sophomore*, *junior*, *senior* в указанном в таблице значении представлены в словаре современного

английского языка с пометой **US** [Collins English Dictionary]. Таким образом, данные термины функционируют в рамках терминосистем всех высших образовательных учреждений в США, что подтверждается также дефинициями рассматриваемых единиц, опубликованных на официальных сайтах американских университетов. Однако на сайте Университета Виргинии «обращает на себя внимание использование, например, термина *fourth-year student* вместо *senior*, ввиду того, что последний из названных терминов предполагает достижение учащимся завершающего этапа обучения» [Цверкун 2018: 186]. Т. Джефферсон, 3-й президент США, основатель и первый ректор Университета Виргинии, считал это невозможным, поскольку обучение представляет собой процесс, длящийся всю жизнь [<https://www.virginia.edu/>]. «Сохраняя и продолжая концепцию Т. Джефферсона, руководство университета не использует термины *freshman*, *sophomore*, *junior*, *senior*, употребляемые во всех остальных учреждениях высшего образования США» [Цверкун 2018: 186].

2. *Полисемия*. Для иллюстрации явления терминологической полисемии приведем дефиниции термина **academy**:

academy — 1) **US** *a private secondary or high school* [Collins English Dictionary]; 2) **a**. *a publicly funded independent school in England, set up as a trust and supported by a sponsor such as a business, a university, a charity, a religious body, or another successful school*; **b**. *a specialist school or college, usually providing training in the arts or in a specific profession; for example, a music academy or a military academy*; **c**. *a generic term used to describe comprehensive schools in Scotland* [A Dictionary of Education].

Итак, рассматриваемый термин используется в четырех значениях. Первое значение единицы является территориально маркированным — **US**. Следовательно, употребление термина ограничивается терминосистемой школьного образования США. Второе значение содержит информацию о территориальной специфике использования термина — *in England*, ограничивающую его употребление терминосистемой школьного образования Англии. Четвертое значение содержит отсылку к терминосистеме школьного образования Шотландии — *in Scotland*. Несмотря на отнесенность третьего

значения термина *academy* к сфере высшего образования, подчеркнем, что данное значение является общеанглийским. Следовательно, термин *academy* является многозначным, что иллюстрируется функционированием данной единицы в различных значениях в разных терминосистемах: 1) терминосистема школьного образования США; 2) терминосистема школьного образования Англии; 3) общеанглийская терминосистема высшего образования; 4) терминосистема школьного образования Шотландии.

б) *уникальные* терминологические единицы:

magnet school (US) – *a school that places special emphasis on academic achievement or on a particular field such as science, designed to attract students from elsewhere in the school district* [The Education week guide to K-12 terminology];

Sixth Form College (England and Wales) – *an educational institution, eligible for the receipt of public funding through the Learning Skills Council, which deals principally with the delivery of academic provision to 16-19 year olds* [<http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130103124836/http://www.education.gov.uk/edubase/glossary.xhtml>];

tripos (Cambridge University) – *the formal university examinations in which undergraduates are required to obtain honours in order to qualify for the degree of Bachelor of Arts* [<https://www.cam.ac.uk/>].

Результаты проведенного исследования, показали, что британские термины системы образования функционируют на четырех уровнях: 1) общеанглийская терминосистема образования; 2) терминосистема образования Великобритании; 3) на уровне одной административно-территориальной единицы (например, терминосистема образования Англии, терминосистема образования Шотландии) или нескольких административно-территориальных единиц (например, терминосистема образования Англии и Уэльса); 4) терминосистема определенного образовательного учреждения.

Американские термины системы образования функционируют на двух уровнях: 1) общеанглийская терминосистема образования; 2) терминосистема образования США. На первом уровне функционируют общеанглийские и унифицированные единицы. Отсутствие вариантности терминологических единиц на уровнях штата, округа

и определенного образовательного учреждения объясняется унифицированностью терминологии, зафиксированной в текстах официальных сайтов и глоссариях учебных заведений.

Литература

1. *Иконникова В. А.* Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии (на материале терминосистем Англии, Шотландии, США) / В. А. Иконникова. — М.: МПГУ, 2014. — 496 с.
2. *Иконникова В. А.* Взаимодействие центробежной и центростремительной тенденций развития терминосистемы школьного образования Англии / В. А. Иконникова, Ю. Б. Цверкун // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2017. — № 2. — С. 23–33.
3. *Иконникова В. А.* Особенности терминологических единиц с культурным компонентом значения (на материале лексики сферы образования) / В. А. Иконникова, Ю. Б. Цверкун // Терминология и знание. Материалы V Международного симпозиума (Москва, 3 – 5 июня 2016 г.) / Ответственный редактор докт. филол. наук С. Д. Шелов. — М., 2017. — С. 132–149.
4. *Цверкун Ю. Б.* Особенности терминов высшего образования США (лингвокультурологический аспект) / Ю. Б. Цверкун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2018. — № 5. Ч. 1. — С. 185–190.
5. *Цверкун Ю. Б.* Особенности терминологических единиц, входящих в терминосистемы высшего образования Великобритании / Ю. Б. Цверкун // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2017. — №4. — С. 80–86.
6. A Dictionary of Education. 2nd edition / ed. by S. Wallace. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 368 p.
7. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс] // URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 07.02.2019).
8. Cambridge University. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cam.ac.uk/> (дата обращения: 07.02.2019).

9. Collins English Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 07.02.2019).

10. Glossary / Department for Education. [Электронный ресурс] // URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130103124836/http://www.education.gov.uk/edubase/glossary.xhtml> (дата обращения: 07.02.2019).

11. The Education week guide to K-12 terminology / ed. by Mary-ellen Phelps Deily. – 1st ed. – Education Week Press and Jossey-Bass, 2009. – 144 p.

12. The Glossary of Education Reform. [Электронный ресурс] // URL: <http://edglossary.org/> (дата обращения: 07.02.2019).

13. University of Virginia. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.virginia.edu/> (дата обращения: 07.02.2019).

В.А. Иконникова
МГИМО МИД России, Одинцовский филиал
Одинцово, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАСЛЕВЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЙ

Аннотация. Статья посвящена описанию лингвокультурологического подхода к исследованию отраслевых терминологий на материале английского языка. Многолетняя работа по изучению терминологий и терминосистем англоязычной юриспруденции, системы образования, некоторых религиозных конфессий, истории и др. показала необходимость и обоснованность привлечения положений современной лингвокультурологии к терминологическому исследованию.

На примере элементов отдельного семантического анализа в статье иллюстрируются положения антропоцентрического подхода к терминоведению. Данный подход учитывает роль взаимодействия языка и культуры профессионального сообщества, использующего ту или иную терминологию. В статье приведен пример изучения семантических особенностей терминологических единиц, заимствованных из русского языка, в англоязычных текстах по Истории России.

Ключевые слова: лингвокультурология, терминоведение, теория терминологического знака, терминологические единицы, реалии, историко-территориальная маркированность термина.

Abstract. The article describes a sociocultural approach to the study of special terminologies on the material of the English language. It took more than a decade to carry out a research of Anglo-American legal, educational, religious, historical and some other terminologies and terminological systems, which revealed the ne-

cessity and justified the application of modern (socio)cultural Linguistics ideas to a terminological investigation.

On the example of a semantic analysis of a specific terminology the author illustrates the anthropological approach to Terminology Science, which takes into consideration the interrelation of language and culture of a professional community that uses the terminology. The article provides an example of a study of semantic peculiarities of terminological units borrowed from Russian into the Anglo-American texts on Russian History.

Key words: Sociocultural / Cultural Linguistics, Terminology Science, theory of terminological sign, terminological units, realia, historically and territorially marked terms.

Как показало проведенное исследование [Иконникова 2018], лингвокультурологический подход в терминоведении обоснован при анализе отраслевых терминологий, элемент условности в которых достаточно высок.

Так, концепция культурного компонента значения терминологических единиц как компонент теории лингвокультурологического направления в терминоведении выражается в следующих основных положениях. (1) Элемент условности в терминологиях с культурным копонентом достаточно высок и зависит от территориально-культурного и историко-культурного факторов. (2) Культурный компонент значения входящих в указанные терминологии и терминосистемы едиинц формально выражен лексикографическими пометами «англ.», «амер.», «шотл.», «в некоторых штатах США», «в графстве Кент до 1925 г.» и т.д., либо отсылками к таким (историко-) территориальным терминосистемам, содержащимся в словарных дефинициях или в контекстах. Были установлены такие особенности терминологий с культурным комопонентом значения, как «условность содержания терминологических единиц общественных наук, зависимость содержания от факторов времени и территории, определяющих культуру сообщества, «договаривающегося» о содержании терминологических единиц» [Иконникова, Цверкун 2017: 133].

Культура в данном исследовании понимается как совокупность правил поведения (в области права, политики, экономики, искусства, общения, праздников и т.д.), принятых на определенной территории в определенный исторический период.

В соответствии с теорией В.М. Лейчика [Лейчик 2009] предложена следующая методика анализа терминологических единиц с культурным компонентом значения: (1) изучается этимология, семантика, словообразование языкового субстрата терминологического знака; (2) исследуется история, содержание, системные связи логического суперстрата этого знака + теория науки / области знания, понятие которой обозначается термином. Подобный комплексный подход наряду с системным терминоведением способствует выявлению (а) культурного компонента в составе семантики терминологических единиц как лексем естественного языка; (б) культурного компонента отраслевых терминосистем, характеризующихся конвенциональностью, как структурного элемента данных совокупностей терминов. Фактор конвенциональности (условности) особенно ярко проявляется в англоязычных (британских) терминологиях права и образования и определяет сохранение локальной специфики содержания входящих в них единиц.

В данной статье приводится описание некоторых особенностей англоязычной терминологии истории России на материале текстов британских историков-специалистов по российской истории [Hosking, Lincoln, Sixsmith].

Остановимся на термине-историзме *votchina*, представляющем собой пример транскрибирования русских историзмов на английском языке, наряду с такими единицами как *mestnichestvo*, *ukaz*, *gostinyi dvor*, *aptekarskii prikaz*, *posolsky prikaz*, *posad* etc.).

Идентичная энциклопедическая информация (понятийный субстрат терминологического знака) содержится в следующих англоязычных словарных дефинициях:

Votchina (Russian: вóтчина) or *otchina* (óтчина – from word *Father*) was an East Slavic land estate that could be inherited. The term «*votchina*» was also used to describe the lands of a *knyaz*.

The term originated in the law of Kievan Rus. An owner of votchina (votchinnik, вотчинник) not only had property rights to it, but also some administrative and legal power over people living on its territory. These people, however, were not serfs, as they had a right to freely move to different votchinas.

Later the administrative and legal powers of the votchina owners were severely limited, and then completely revoked. In the mid-15th century, the right of certain categories of peasants in some votchinas to leave their master was limited to a period of one week before and after the so-called Yuri's Day (November 26).

Public Domain This article incorporates text from a publication now in the public domain: Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary (in Russian). 1906 [The Free Dictionary].

Любопытно проследить разницу между приведенным выше текстом и русскоязычной дефиницией из того же источника. Как видно, англоязычная версия пользуется данными более чем столетней давности. Кроме того, если в англоязычной версии присутствует указание на культурный (историко-территориальный) компонент значения (East Slavic, Kievan Rus, Moscow), то русскоязычная версия он-лайн энциклопедии приводит более широкое европейское понятие.

Вотчина (от слова отец...) — наследственное земельное владение.

Вотчина составляла комплекс, состоящий из земельной собственности (земли, построек и инвентаря) и прав на холопов. Синонимы вотчины — аллод, бокленд. С VIII—IX веков вотчина являлась господствующей формой землевладения в большинстве стран Западной Европы. В процессе формирования вотчины создавался аппарат властного управления (суд, администрация и так далее). Крестьяне сохраняли свою общинную организацию (община, коммуна, альменда), что наряду с обязательным потомственным характером владения отличало вотчину от бенефиция, манора и поместья... [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

Далее в он-лайн энциклопедии приведены отдельные дефиниции данного исторического термина, содержащие культурный компонент значения: «в Древней Руси», «в удельный период», «в Великом

княжестве Литовском», «в Великом княжестве Московском». В специальном историческом словаре имеется отсылка только к вотчине в России: «вотчина — древнейший вид феодальной земельной собственности в России, родовое имение, переходящее по наследству. Возникла в XI в. (княжеская, боярская, монастырская). В XIII—XV вв. — господствующая форма землевладения...[Словарь исторических терминов]».

Отметим, что языковой субстрат проанализированной единицы *votchina* в русском языке представлен историзмом, обозначающим реалию определенного исторического периода развития Российского государства. Такие единицы обладают культурным компонентом (содержанием, маркированным в историко-территориальном плане, например, в Московском княжестве в XIV веке). В специальных текстах по истории России указанная лексика терминологизируются, причем в англоязычном тексте внешняя форма таких единиц представляет собой транскрибированное заимствование.

В тексте [Lincoln] особого внимания заслуживают имена собственные, обозначающие единичные культурные реалии или термины (*from the Varangians to the Greeks, Kremlin's Dormition Cathedral, Suzdalia* etc.), а также номенклатурные обозначения.

Так, например, во всех текстах [Hosking, Lincoln, Sixsmith] часто используется единица *prince*. В дефинициях единицы *prince* вне контекста по Истории России приведены широкие значения:

1. an important male member of a royal family, especially a son or grandson of the king or queen:

Prince Edward

Prince Juan Carlos of Spain became king in 1975.

2. a male ruler of a country, usually a small country:

Prince Albert II is the ruling prince of Monaco [Cambridge Dictionary].

В исследуемых англоязычных текстах по Истории России единица *prince* входит в состав номена (номенклатурного обозначения наследственного правителя определенной земли, обычно в Средневековье), приобретающий культурологические коннотативные значения в словосочетаниях *The Prince of Novgorod, Moscow's Princes*. В дефинициях таких единиц обязательно присутствует отсылка

к территории и историческому периоду (в период Киевской Руси, в Московском княжестве XIII-XV вв. и т.д.). В обратном переводе анализируемых текстов на русский язык в приведенных словосочетаниях *prince* – «князь» (не «принц»).

Отдельно отметим, что содержание единицы *prince*, как и сходного номенкатурного обозначения *baron* в Англии, значительно менялось в зависимости от эпохи (от титула удельного правителя-феодала в средневековье до аристократического титула в новое время).

Итак, описанная в данной статье методика работы с терминографическими дефинициями и специальными текстами используется для анализа содержания терминологических единиц, обозначающих понятия и реалии Истории России в англоязычных текстах. Особого внимания заслуживает вопрос о передаче содержания терминологических единиц, обозначающих культурно-исторические реалии России, в англоязычных текстах по истории.

Литература

1. Иконникова В. А., Цверкун Ю. Б. Особенности терминологических единиц с культурным компонентом значения (на материале лексики сферы образования) // Терминология и знание. Материалы V Международного симпозиума (Москва, 3 – 5 июня 2016 г.) / Ответственный редактор докт. филол. наук С. Д. Шелов. М., 2017. С. 132-149.
2. Иконникова В.А. Роль фактора конвенциональности в развитии культурного компонента англоязычных терминологий // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 1. С. 57-62.
3. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура М.: Либроком, 2009. – 256 с.
4. *Словарь исторических терминов* // Вокабула: энциклопедии, словари, справочники – онлайн. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/словарь-исторических-терминов/вотчина> (дата обращения: 01.02.2019).

5. *Hosking, Geoffrey*. Russia and the Russians. From Earliest Times to the Present. Second Edition. London: Penguin Books, 2012. 728 p.

6. *Lincoln, W. Bruce*. Between Heaven and Hell. The Story of a Thousand Years of Artistic Life in Russia. Viking Press 1998. 528 p.

7. *Sixsmith, Martin*. Russia. A 1000-year chronicle of the Wild East as heard on Radio 4. BBC books. 2012. 611 p.

8. *Cambridge Dictionary*. — Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 02.02.2019).

9. *The Free Dictionary* [Электрон. ресурс] // URL : <https://encyclopedia.thefreedictionary.com>

Раздел 2.

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Л.М. Босова

*МГИМО МИД России, Одинцовский филиал
Одинцово, Россия*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается межкультурная коммуникация как важный и актуальный вопрос междисциплинарного исследования, так как, несмотря на тенденции глобализации, мир все еще сталкивается с многочисленными культурными конфликтами. Процесс межкультурной коммуникации протекает в рамках «чужой культуры» на основе языка этой культуры. Успешность и эффективность межкультурной коммуникации обеспечивается соответствующим уровнем лингвокультурной компетенции, характеризующейся многоаспектностью своей структуры.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, язык, культура, лингвокультурная компетенция, лингвокультурный код, языковое сознание.

Abstract. The article discusses intercultural communication as an important and topical object of interdisciplinary studies; alongside with globalization tendencies, the world still displays a lot of

cultural differences. It is said in the article that communication is embedded in the frame of a foreign culture and is based on its language; and it is the corresponding level of a linguistic-cultural competence that makes an intercultural communication process successful and effective. The linguistic-cultural competence characterized by its multifold structure is considered to be a priority factor of intercultural communication processes.

Key words: intercultural communication, language, culture, linguistic-cultural competence, linguistic-cultural code, language cognition.

Тема межкультурной коммуникации, которая характеризуется специфичностью, самобытностью и различием культур разных народов, становится особенно актуальной в настоящее время. Глобальные изменения в политике, экономике и культуре углубляют разобщение культур и народов, вызывают у некоторых наций стремление к культурному самоутверждению, самоидентификации и желание сохранить собственные культурные ценности. Именно межкультурная коммуникация выступает важным фактором упорядочения как внутренней жизни, так и взаимоотношений между странами.

Известны, по крайней мере, два подхода к определению сущности межкультурной коммуникации: лингвистический и культурно-антропологический. Сторонники лингвистического подхода (К. Кнапп, А. Кнапп-Potthoff, J-R. Ladmiral, E. Lipiansky, Е.М. Верецагин, В.Г. Костомаров, В.А. Маслова, С.Г. Тер-Минасова и др.) отмечают первостепенное значение языка в процессах межкультурной коммуникации, относящейся по своей природе к речевой деятельности. По их мнению, в основе межкультурного общения лежит корректная расшифровка языковых кодов, характерных для всех членов каждой культуры. Представители культурно-антропологического подхода (Е.Т. Халл, F.R. Kluckhohn, F.L. Strodbeck, W.B. Gudykunst, G. Maletzke, А.А. Залевская, Е.Ф. Тарасов и др.) утверждают, что коммуникативные конфликты в межкультурном общении происходят из-за различий национальных сознаний коммуникантов [Куликова 2004: 6].

Несмотря на расхождения в трактовках сущности межкультурной коммуникации, мнения большинства исследователей совпадают в том, что межкультурная коммуникация есть взаимовлияющий и взаимодействующий процесс, который имеет место между представителями разных культур. Все исследователи отмечают также сложность и многоаспектность процесса межкультурной коммуникации, структура которого включает вербальные, невербальные и паравербальные компоненты. Отсюда, для эффективного межкультурного общения недостаточно иметь только языковые знания (владеть словарным запасом изучаемого иностранного языка, знать грамматические правила и фонетический строй, синтаксические, стилистические и коммуникативные особенности иностранного языка и т.д.). Успешное межкультурное общение требует еще и понимания различий в выражении эмоций, знаках, сигналах и символах, а также фоновые знания о культурных и социокультурных различиях.

Таким образом, представители обоих направлений сходятся на том, что в процессе межкультурной коммуникации ведущими факторами являются язык и культура, которые тесно взаимосвязаны между собой, сосуществуя друг в друге. Язык, будучи универсальной формой осмысления реальности и культуры, формирует личность человека; именно через язык человек воспринимает менталитет, традиции и обычаи своего народа. «Через многообразие языков для нас открывается многообразие мира и многообразие того, что мы познаем в нем, и человеческое бытие становится в нем шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [Гумбольдт 1985: 376]. Культура - это сложный феномен, в широком смысле она включает в себя как материальные и социальные явления, так и различные формы индивидуального поведения и организованной деятельности. Передается и развивается культура через коммуникацию, посредством которой осуществляется формирование общества и обеспечение взаимопонимания между его членами. В культуре «отстается все, что нормируется, канонизируется, институционализируется и пр. Через культуру как через фильтр идет обратный процесс

обогащения индивидуального сознания за счет сознания общественного» [Дридзе 1980: 208]. Наличие национальных культур не означает, что они изолированы друг от друга. Они взаимосвязаны между собой своим прошлым и настоящим и активно взаимодействуют. Культурное разнообразие оказывает влияние на отбор информации в процессе общения, выбор мотивационных стратегий, стилей урегулирования конфликтов, личностей, социальных отношений и навыков взаимодействия.

«Язык отражает не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова 2000: 27]. Человек видит мир так, как он говорит. Поэтому люди, говорящие на разных языках, видят мир по-разному. Таким образом, между реальным миром и языком стоит мышление, слово отражает не сам предмет или явление окружающего мира, а то, как человек видит его, через призму той картины мира, которая существует в его сознании и которая определена его культурой. Ведь сознание каждого человека формируется как под воздействием его индивидуального опыта, так и в результате общения, в ходе которого он овладевает опытом предшествующих поколений.

Из вышесказанного следует, что эффективность и успешность межкультурной коммуникации определяется наличием у участников знаний и опыта общения с представителями иной культуры на языке этой культуры с учетом языковых, культурных, коммуникативных и когнитивных аспектов, которые являются составляющими особого вида компетенции — лингвокультурной. Именно лингвокультурная компетенция является ведущим фактором межкультурной коммуникации. Под лингвокультурной компетенцией понимается многоуровневая структура знаний и навыков представителей общения, предопределяющая действенность и продуктивность межкультурной коммуникации. При этом необходимо подчеркнуть сложность и многогранность соотношения языка и культуры, тесная взаимосвязь которых абсолютно очевидна.

Важно заметить, что взаимодействие языка и культуры лежит и в основе лингвокультурологии, научной дисциплины, которая изучает «проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, что непосредственно связано с «изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 12]. То есть, лингвокультурология, также как и межкультурная коммуникация, предполагает общение, опосредованное языком в связи с культурой той или иной общности [Ларина, Леонтович 2015: 10]. Находясь на стыке двух наук, лингвокультурология, несомненно, тесно связана с когнитивной лингвистикой, которая исследует процессы концептуализации действительности (восприятие, осмысление, оценивание и именованье). Еще одна научная область близкая к лингвокультурологии – лингвосемиотика, в основе которой лежат понятия кода и знака. Язык и культура имеют общее семиотическое пространство, то есть семиосферу [Лотман 1999: 163].

Для обозначения результата взаимодействия языка и культуры как семиотических систем С.В. Иванова использует термин «лингвокультурный код», отмечая, что «и язык, и культура взаимообуславливают друг друга, составляя единое знаковое пространство», которое реализуется в лингвокультурном коде [Иванова 2017: 19-20]. Он обеспечивает полноценную коммуникацию в пределах данного семиотического пространства, так как непосредственно связан с языковым сознанием как ментальным репрезентатом. Языковое сознание представляет собой совокупность образов, представлений, мыслительных структур, которые выражаются языком и отражают процессы «социального познания» [Иванова 2017: 21].

Итак, межкультурная коммуникация во всех ее ипостасях неразрывно связана с лингвокультурологией, которая объясняет и обеспечивает связь языка и культуры и формирует лингвокультурную личность как национально-культурный прототип носителя определенного языка готового к успешной межкультурной коммуникации. Успешность и эффективность межкультурного взаимодействия обеспечивается соответствующим уровнем лингвокультурной компетенции, она включает не только владение языком, но и зна-

ние культуры, которая отражается в сознании людей, формирует их мировидение, определяет специфику поведения, в том числе коммуникативного, являющегося компонентом их национальной культуры. Лингвокультурная компетенция, в свою очередь, реализуется в лингвокультурном коде как едином знаковом пространстве межкультурной коммуникации.

Литература

1. Гумбольдт В. Фон. Язык и философия культуры. — М., 1985. — 376 с.
2. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. — М.: Либроком, 2009. — 328 с.
3. Иванова С.В. Интердисциплинарность и полипарадигматизм как методологическая платформа исследования взаимодействия языка и культуры // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы. Материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 14-15 ноября 2017 г. М.: РУДН, 2017. С.16 — 24.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
5. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур.: монография. — Красноярск: РИО КГПУ, 2004. — 196 с.
6. Ларина Т.В., Леонтович О.А. Преграды и мосты: значимость исследований в сфере межкультурной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 19. № 4. С. 9-16.
7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст - семиосфера — история. М.: «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово / Slovo, 2000. — 624 с.

М.А. Кузина
Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия

РУССКИЕ МОТИВЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РОМАНАХ ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ ИНДИИ, КЕНИИ, НИГЕРИИ И ПАКИСТАНА

Аннотация. Настоящая статья представляет собой попытку показать, как писатели-мультикультуралисты стереотипизируют образ России в 25 произведениях на английском языке, используя положительно и отрицательно маркированные русизмы, слова-реалии и эмоциональные описания незнакомой им, а, следовательно, экзотической страны.

Ключевые слова: экзотизм, заимствование, стереотипизация, мультикультурная литература, русицизм.

Abstract. The present article aims at revealing how Russia is stereotyped in multicultural literature. African and South Asian writers use various means — direct loanwords from Russian, culture-loaded lexemes, emotional descriptions of the unknown and exotic country — both to the positive and negative effect.

Key words: exoticisms, loanwords, stereotypization, multicultural literature, Russicism.

Многими исследователями отмечается роль мультикультурных художественных произведения писателей из бывших колоний Британской Империи как источников экзотической лексики и экзотических прецедентных имён. Это объясняется тем, что страны Южной Азии и Африки представляются европейцам как экзотические и дикие. Так, главный герой романа А. Десаи «Бомбей Баумгартнера» бежит из нацистской Германии в Индию, где ему суждено прожить полвека как успешному бизнесмену, как заключённому лагеря военнопленных, как приютившему десятки кошек одинокому старику: *He had lived in this land for fifty years — or if not fifty*

then so nearly as to make no difference – and it no longer seemed fantastic or exotic; it was more utterly familiar now than any other landscape on earth [Desai 1988:19]. С другой стороны, носители африканских и южно-азиатских культур оценивают быт и традиции европейцев и американцев как экзотические: *During my school days, the rest of us had been constantly oppressed by children whose parents could afford to take them away to England and America on holiday. They came back several shades lighter in complexion and never stopped yammering on about their exotic experiences, complete with nasal accents* [Nwaubani 2009:40].

Целью настоящего исследования является выяснить, насколько экзотическими для писателей-мультикультуралистов представляются русские, советские, российские реалии. Актуальность обусловлена непрекращающейся стереотипизацией образа России в современной англоязычной литературе и англоязычных СМИ. Рядом исследователей амбивалентный образ России («страна великой культуры, но тиранической власти; глубокой духовности, но низкой политической и бытовой культуры») объясняется как результат пропагандистских усилий эмигрантов-интеллигентов, которые приспособили автостереотип к запросам своей новой родины [Хабибуллина 2014:174]. Новизна предпринятого исследования заключается в рассмотрении образа России в романах и коротких рассказах авторов из стран, традиционно не являющихся конечной целью мигрантов из России, что позволяет говорить о независимости, самобытности русских мотивов в англоязычных романах писателей из Индии, Кении, Нигерии и Пакистана.

Из 26 произведений авторов африканского (Ch.N. Adichie, T. Dangarembga, H. Habila, L. Mabura, A.T. Nwaubani, Ch. Obioma, C. Teju, N. wa Thiong'o) и южноазиатского (A. Adiga, A. Desai, K. Desai, J. Lahiri, V.S. Naipaul, A. Roy, S. Rushdie, K. Shamsie, S. Sahota) происхождения были отобраны десятки контекстов, создающих тот или иной образ России. Они могут быть классифицированы на основании структурно-семантического критерия, критерия маркированности, критерия регулярности употребления, критерия источников стереотипных представлений.

С точки зрения структурного оформления и семантического наполнения все выявленные случаи обращения к образу России можно разделить на 3 группы.

К первой группе отнесем прямые лексические заимствования из русского языка: *apparatchik*, *babushka*, *Bolshevist*, *borscht*, *czar*, *czarina*, *fedora*, *Kalashnikov*, *Soviet/the Soviets*, *voivode* и другие. Примечательно, что некоторые из приведённых заимствований употреблены в нетипичных контекстах: например, английский эквивалент матрёшки используется автором для описания сцены гибели индийского космонавта и его жены в Москве: *Thus they had died under the wheels of foreigners, amid crates of babushka nesting dolls* [Desai 2006:14].

Вторую группу составляют стереотипизированные реалии советской и российской действительности: А. Akhmatova, Anna Karenina, Baba Yaga, the Bolshoi, A. Chekhov, F. Dostoevsky, Galinka (Kalinka), N. Gogol, M. Gorbachev, M. Kalashnikov, KGB, N. Khrushchev, Laika, A. Litvinenko, N. Mandelstam, O. Mandelstam, G. Markov, V. Molotov, V. Nabokov, A. Pavlova, I. Pavlov, Potemkin village, S. Prokofiev, Ras-kolnikov, the Reds, Red Army, the Romanovs, Russian roulette, Russian astronaut/satellite/space programme, N. Roerich, D. Shostakovich, J. Stalin, Stalingrad, Swan Lake, L. Tolstoy, L. Trotsky/Trotskyist, Vasilisa the Fair, Dz. Vertov. В типичном случае эти реалии получают объяснение в тексте романа на английском языке, что демонстрирует хорошее познание русской истории у африканских и южно-азиатских писателей: *You know, he told the councillor's son, the man who invented that gun, Mikhail Kalashnikov, was given an award that is in honor of St Andrew, the first apostle of Jesus* [Mabura 2012:91]. Чуть менее половины из них используются как прецедентные имена, например, в романе А.Т. Нваубани «Я вряд ли вернусь» (2009), посвящённому мошенничеству по типу «нигерийских писем», современная столица Нигерии Абуджа лаконично характеризуется как «потёмкинская деревня»: *No need telling him that this was all film tricks; our beautiful Abuja was a Potemkin village. Mr Winterbottom would probably never have to cross the River Niger to Igbo land, where poverty and disarray would stare eyeball to eyeball* [Nwaubani 2009:210].

Третья группа представлена описаниями Советского Союза, России, в которых не задействованы реалии, но важную роль играет эмоциональное восприятие и воображаемая составляющая. Так, в романе Нгуги ва Тхионго «Кровавые лепестки» (1977) крестьяне кенийской деревни Илморог устали от непосильного труда на неплодородной земле, которую они арендуют, и они обсуждают социальное положение и условия труда крестьян в других странах, в частности в России: *It was there that he heard it whispered how in a land called Russia, peasants had taken spears and seized guns and drove out the enemy* [Thiongo 2977:385]. В романе К. Десаи «Наследство разорённых» (2006) шестилетняя Саи узнаёт, что её родители погибли в Москве под колёсами автобуса, и в своём воображении она рисует этот город: *Sai imagined a sullen bulky architecture, heavyset, solid-muscled, bulldog-jowled, in Soviet shades of gray, under gray Soviet skies, all around gray Soviet peoples eating gray Soviet foods. A masculine city, without frill or weakness, without crenellation, without a risky angle* [Desai 2006:15].

Классификация на основе маркированности позволяет выделить отрицательно маркированные апелляции к русской действительности (с подчеркиванием пьянства русских мужиков, тирании вождей, неэффективного использования природных ресурсов) и положительно маркированные описания русского народа как сильного, отважного, сражающегося за свою землю до последнего, осваивающего космос, а также описания необъятности русских земель и непревзойденного мастерства людей искусства.

С точки зрения регулярности употребления, все прямые заимствования из русского языка, а также около 90% реалий следует рассматривать как узуализмы. К числу окказиональных реалий справедливо отнести: G. Markov, V. Molotov, N. Roerich, Dz. Vertov, так как каждая из них встречается только на страницах одного произведения одного автора. Например, С. Рашди на страницах романа «Золотой дом» (2017) обращается к образу Дзиги Вертова (1895-1954), кинорежиссёра, сценариста, теоретика документального кино.

Что касается выделения источников стереотипных представлений о России, то их можно свести к дискурсу путешествия, колонизаторскому (цивилизаторскому) дискурсу, дискурсу культуры

и политическому дискурсу, причём только культурный дискурс, т. е. апелляции к русским прозаикам, композиторам, танцорам, учёным, режиссёрам, положительно маркированы и обладают потенциалом изменить стереотипное представление России в англоязычной литературе [Хабибуллина 2014:174].

Литература

1. *Хабибуллина Л.Ф.* Специфика стереотипизации образа России в современной английской литературе. - Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: «Филология. Искусствознание». — № 2 (3). — Н.Новгород, 2014. — С. 170-174.
 2. *Desai A.* Baumgartner's Bombay. London:Vintage, 1988. 230p.
 3. *Desai K.* The Inheritance of Loss. London: Penguin, 2006. 324 p.
 4. *Mabura L.* Where I Have Come From. London:Pearson, 2012. 94p.
 5. *Nwaubani A. T.* I Do Not Come to You by Chance. London:Phoenix, 2009. 343p.
 6. *Thiong'o wa N.* Petals of Blood. New York: Penguin Books, 2002. 410p.
-

Н.В. Русинова
МГИМО МИД России, Одинцовский филиал
Одинцово, Россия

РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ФЛОРА И ФАУНА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА АВСТРАЛИИ

Аннотация. В статье рассматриваются лексемы, относящиеся к национально-маркированной лексике (денотативной, коннотативной и фоновой), которые относятся к семантической группе “флора и фауна Австралии”. В ходе исследования из лингвострановедческих словарей были отобраны лексемы, имеющие значение для австралийской культуры. Помимо названий эндемичных животных и растений, в статье рассматриваются коннотации, необходимые для понимания вторичных значений и фразеологизмов.

Ключевые слова: лингвострановедение, язык и культура, австралийский английский

Abstract. The article treats culturally significant vocabulary denoting flora and fauna of Australia. The words of particular importance to Australian culture selected from cultural literacy dictionaries in the course of the research. Besides the names of endemics, the article investigates their connotations which may become the basis for idioms and further meaning of the words.

Keywords: australian English, culture studies, language and culture

В самом общем виде языковая картина мира представляет собой языковую реализацию набора представлений, сложившихся в определенной культуре. При этом, в отличие от понятий, о которых люди могут договориться, концепты, которыми оперируют при рассмотрении картины мира, могут быть только реконструированы с определенной степенью достоверности. Ис-

следование картины мира определенного этноса предполагает рассмотрение и анализ когнитивно-эмоциональных компонентов в структуре этнического самосознания, которые в языке реализуются в форме национально-маркированной или культурно значимой лексики.

Традиционно собственно национально-маркированную лексику принято делить на денотативную (безэквивалентную), коннотативную и фоновую лексику (Ощепкова, Томахин). К денотативной лексике относятся лексические единицы, не имеющие соответствий в сопоставляемых языках вследствие отсутствия самой реалии, функционального различия похожих реалий или различных лексем для обозначения подобных явлений. К **коннотативной лексике** относятся слова, имеющие различия в культурно-исторических и эмоционально-эстетических ассоциациях, закреплённых «в отношении языкового коллектива к признакам обозначаемого словом предмета и отражающих ценностную ориентацию коллектива» (Ощепкова, 2004:96). В рамках данного исследования особое внимание уделяется коннотации концепта: в выборку денотативной лексики отнесены лексемы, обладающие культурно значимыми коннотациями, а к коннотативной лексике были отнесены слова, значения которых коннотацией обусловлены.

В ходе исследования методом сплошной выборки из лингвострановедческих и общих словарей были отобраны лексемы, культурно значимые для австралийского варианта английского языка, в результате чего были выявлены основные группы концептов:

- культура аборигенов (слова и выражения, заимствованные в австралийский вариант английского языка, культурные ассоциации и коннотации);
- культура и традиции буша;
- исторические реалии и связанные с ними коннотации;
- географические и климатические особенности,
- названия эндемичных для Австралии растений и животных.

Наиболее крупной группой культурно коннотированной лексики является денотативная. Лексемы, входящие в нее можно классифицировать по двум основным признакам - семантике и эмоциональной окраске коннотаций (эмоционально окрашенная: негативно или положительно окрашенная; эмоционально нейтральная). Семантический анализ денотативной лексики австралийского варианта английского языка показал, что из девяти лексических подгрупп “флора и фауна” является самой большой (25% всех лексем). Интересно отметить, что некоторые эндемики были названы колонизаторами по ассоциации с известными им растениями и животными родных стран, прежде всего, Великобритании. Например, *ashes* “группа эвкалиптов со светлой легкой древесиной” получила название в честь привычного европейцам ясеня.

Значительная группа денотативных лексем, важных для изучающих и исследующих культуру Австралии, обозначает животных и, реже, растения, свойства и характеристики которых хорошо известны носителям культуры и могут использоваться в устойчивых сравнениях. Так, тасманский дьявол считается раздражительным, а бандикут - быстрым и трусливым. Другие лексемы связаны с появившимися в стране поверьями (например, считается, что веточка акации, внесенная в дом, приносит несчастья).

Немногочисленную, но важную группу представляют лексемы, являющиеся реалиями-символами. В группе “флора и фауна” к таким можно отнести “кенгуру”, “эму”, “коала”, “утконос”, “эвкалипт”; это - национальные символы.

Анализ **коннотативной лексики**, включённой в культурологические словари, позволяет нам увидеть, из каких семантических групп чаще всего оказываются «востребованными» для переноса значения лексемы, а также какую стилистическую окраску носят эти слова. В таблице указано количество лексем со значениями, основанными на коннотациях к основным значениям и процентное соотношение с полным списком лексем.

Таблица 1.

Соотношение лексем группы “флора и фауна” с основными значениями и лексем со значениями, основанными на коннотациях

	Описание качеств человека (<i>bandicoot, bot, warrigal, galah, koala</i>)		Описание стиля жизни человека (<i>emu, rosella</i>)		Лексемы, обозначающие специфически австралийские явления (<i>galah sessions</i>)		Лексемы, обозначающие общие явления (<i>wandoo, boomer</i>)	
Флора и фауна (<i>dingo, bandicoot, galah, mulga</i>)	9	16,6%	3	5,5%	6	13%	7	13%

В большинстве языков мира животные (и иногда растения) наделяются свойствами, на основе которых образуются новые значения. Сложность в адекватном понимании речевого высказывании носителя чужой культуры при этом составляет, главным образом, то, что эти свойства, приписываемые животным, например, будут различаться от одной культуры к другой (ср. рус. «лисий»/«лисиный» – хитрый; Eng “foxu” – сексуальный), а также одни и те же качества в разных культурах могут приписываться различным животным (рус. «лисой прикидываться», Eng “to fawn”, “to be toady”).

Среди вариантов английского языка редко встречаются различия в коннотациях к одним и тем же животным; однако в случаях, когда животные или растения эндемичны для одной определённой страны, региона, местности, культурные коннотации могут не быть знакомы носителям других культур. Особенно большое количество единиц (16,6%) представляют собой характеристику человека через название животного (*drongo, mopoke, galah*). Примечателен тот факт, что все представленные в работе реалии этой группы (флора и фауна – свойства человека) носят ярко выраженный пейоративный характер:

mopoke - *infl* someone who is stupid or looks very unhappy,

galah - *infl* a stupid person,

drongo - *infl* idiot, a stupid person.

Необходимо отметить, что помимо появления новых значений у существительных, от них образуются другие части речи, например, глаголы: *to bandicoot* “воровать картошку, подрывая корни и оставляя куст”, *to koala* “сильно и нередко неожиданно обнимать человека, как правило, всеми конечностями”. Также появляются фразеологизмы, значения которых основаны на особенностях определенных животных, например, *gala session* (перерыв в эфире радио для того, чтобы дать возможность выйти в эфир жителям внутренних районов Австралии для общения друг с другом; значение основано на схожести общения людей и криков попугаев); *emu parade* (уборка территории школы; фигуры людей, собирающих мусор, похожи на страусов), *kangaroo route* (воздушный путь между Сиднеем и Лондоном; из-за долгого перелета с пересадками, похожего на прыжки кенгуру).

Выделенные группы лексем важны для понимания культуры страны: сталкиваясь с австралийским вариантом английского языка, неносители этой культуры нередко испытывают затруднения в интерпретации полученной информации, не только из-за незнания реалий, но и в связи с неполным или неправильным пониманием сопутствующих коннотаций. Лексическая группа “флора и фауна” является одной из самых больших среди групп культурно коннотированной лексики и заслуживает особого внимания.

Литература

1. *Ощепкова В.В.* Слова-реалии австрализмы как образные наименования // Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь. Под общ. руководством В.В. Ощепковой и А.С. Петриковой. М., 1998. — С. 21–24.
2. *Ощепкова В.В.* Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М., СПб., 2004. — 336 с.
3. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур // Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах. Материалы VI Международной школы-семинара. Иваново, 12–14 сентября 2005 г. Иваново, 2005. — С. 284–286.

КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье затронуты основные причины возникновения коммуникативных барьеров в современном деловом мультикультурном сообществе. В статье также представлены классификации основных мировых культур с точки зрения их отношения ко времени, планированию, конфликтам, власти и деловым партнерам.

Ключевые слова: полиактивные культуры, моноактивные культуры, реактивные культуры, невербальная коммуникация, культурный шок, стереотип, коллективное программирование.

Abstract. The articles covers the main reasons for communicative barriers in a modern multicultural business society. The core world cultures are represented in the light of their attitude to time, planning, conflict, power and business partners.

Key words: multiactive cultures, reactive cultures, linearactive cultures, nonverbal communication, culture shock, stereotype, collective mental programming.

За последнее десятилетие в современном мире произошел невероятный технологический скачок в сфере коммуникации, сделав процесс передачи информации максимально быстрым, удобным и доступным. Мы без каких-либо очевидных трудностей имеем возможность транслировать сообщения практически из любой точки земного шара желаемому адресату, который в свою очередь может находиться абсолютно в противоположном конце света. Эпоха глобализации и интеграции позволяет нам относительно свободно

и беспрепятственно передвигаться по миру, заводить новые знакомства, обмениваться опытом и знаниями, налаживать деловые контакты и строить деловые отношения. Все эти тенденции современного общества накладывают отпечаток, а зачастую и формируют характер деловых отношений. В современном бизнесе многонациональные команды являются уже абсолютно привычным и обыденным явлением, даже в тех случаях, когда речь идет о компаниях монополистах отдельно взятой страны.

На сегодняшний день существует огромное количество разнообразных работ, содержащих полезные универсальные стратегические рекомендации по построению деловых отношений, в том числе в мультикультурных компаниях. Однако, на наш взгляд, все эти установки не будут результативными, если отправной точкой в успешной деловой коммуникации не станет, прежде всего, опора на специфику культуры деловых партнеров. И прекрасное знание языка не является гарантией отсутствия непонимания между коллегами, так как причина этого непонимания кроется в другом. Причина коммуникативных барьеров связана с непониманием особенностей мышления говорящего.

Как бы избито и банально это ни звучало, но, тем не менее, все культуры уникальны и неповторимы. Не может существовать универсальных правил, какие были бы актуальны для американца, русского, японца, немца и итальянца. Представители разных культур пользуются одними понятиями, но вкладывают в них разное значение. Казалось бы, люди говорят об одном и том же, используют один и тот же язык, а желаемый результат общения не достигается.

Вслед за многими лингвистами мы склонны разделять теорию Бенджамина Уорфа, что язык, на котором говорит представитель той или иной культуры, определяет тип его мышления. Поэтому деловые партнеры, принадлежащие к разным культурам, могут делать отличные выводы и заключения из одной и той же ситуации.

На сегодняшний день существует большое разнообразие определения термина культура. Нам же представляется наиболее акту-

альным, емким и отражающим всю специфику затронутой проблематики определение, предложенное нидерландским социологом Гертом Хофстеде. Известный социолог определяет культуру как коллективное программирование мыслей, которое отличает одну категорию людей от другой. [Hofstede 2015:279] Таким образом, получается, что в ситуации мультикультурной деловой коммуникации встречаются партнеры изначально «по-разному запрограммированные», и, чтобы достичь желаемого результата, необходимо знать эту, так называемую, программу.

Традиционно выделяется пять основных причин возникновения коммуникативных барьеров в процессе международного общения.

Во-первых, это различие языков, и в данном случае, на наш взгляд, это наиболее легко устранимый барьер. Наибольшей интерес представляют остальные упомянутые преграды, к которым относится некорректное восприятие другой культуры и суждение о ней по принципу «правильной», «неправильной». Казалось бы, что в современном мире эгоцентристский подход является культурным пережитком. Однако до сих пор современный человек оценивает другую культуру с точки зрения своей собственной. Свою культуру, традиции и обычаи он воспринимает как правильную и естественную, поэтому все отличные проявления он считает чем-то чужеродным и странным. И, чем больше отличий, тем больше растет непонимание, трансформируясь иногда в культурный шок, который также считается одним из барьеров общения. [Hofstede 2015:3]

Еще одной причиной непонимания является стереотипное представление о другой культуре. По мнению большинства ученых, стереотипы возникают из желания и необходимости категоризировать и упростить имеющуюся информацию о чем-то. [Steel 1995: 7]

Также препятствием на пути к успешной коммуникации является невербальное общение. К невербальным средствам общения традиционно относят фонационные средства. Паузы, паузы-хезитации, темп речи, вздохи. Пространственно-временные средства, к ним можно отнести расположение собеседников во время переговоров и дистанцию между ними, а также полихромное или

монохромное отношение участников коммуникации ко времени, т.е. возможность выполнения одного или нескольких задач за один и тот же промежуток времени. Тактильные средства коммуникации, в частности, прикосновения к собеседнику являются важным аспектом в деловом общении. Так, например, особенности рукопожатия будут отличаться у представителей разных культур. Знако-символические средства — окружающие предметы, пища, напитки, табуированность которых широко представлена у разных народов. Оптико-кинетические средства — жесты, мимика представляют одну из наиболее широко применяемых областей невербальной коммуникации в любой культуре.

Известный лингвист и специалист в области межкультурной коммуникации Ричард Льюис подразделяет все наиболее многочисленные этнические культуры на три основные группы: реактивные, моноактивные и полиактивные. Каждая группа, по его практическому наблюдению, обладает относительно схожими чертами поведения, которые необходимо учитывать при взаимодействии представителей разных культур. Свою модель он представляет в виде треугольника, вершинами которого являются наиболее яркие представители данной классификации. За основу Р. Льюис берет отношение представителей той или иной культуры к планированию, к бизнесу, ко времени, к способу решения конфликта, рассматривают степень их эмоциональности.

К реактивным культурам Р. Льюис относит азиатские народы, жителей островов Тихого океана. В подавляющем большинстве, представители данного типа культуры являются молчаливыми слушателями, которые крайне редко иницируют обсуждение, высказывают свою позицию. Реактивные культуры сначала внимательно, не перебивая и не задавая вопросов, выслушивают мнение других, затем очень деликатно, выдержав паузу, выражают свое. Пауза в свою очередь демонстрирует уважение к собеседнику. Иногда высказыванию собственного мнения предшествуют несколько вопросов уточняющих еще раз позицию собеседника. Такое поведение представителей реактивных культур является достаточно типичным, так как они, прежде всего, ориентированы на партнера.

Они неагрессивны в своем поведении, избегают визуального контакта, в речи предпочитают использовать безличные местоимения, пассивные конструкции, а также реже, чем европейцы, используют имена.

К полиактивным культурам Р. Льюис относит испанцев, итальянцев, арабов и латиноамериканцев. Для таких деловых партнеров типична высокая степень эмоциональности, относительно открытое проявление чувств, у них полихромное отношение ко времени, и они привыкли выполнять несколько задач одновременно, у них отсутствует четкое планирование, которому они бы следовали, планы могут меняться в зависимости от текущей ситуации. В полиактивных культурах, как и в моноактивных, основным способом коммуникации является диалог.

К моноактивным культурам Р. Льюис относит немцев, скандинавов, кроме финнов, американцев, англичан, австралийцев, новозеландцев. У представителей данного типа культуры монохромное бережное отношение ко времени, так время воспринимается как угроза, спешащий и дорогостоящий поезд событий, на который нужно успеть и максимально использовать. Им присуще четкое планирование, которому они следуют. Рациональность и логика представляется как безошибочная прямая последовательность причин и следствий. В деловом общении не проявляют эмоций, мимика и жесты сдержаны, партнеры данной культуры ориентированы на оперативное и эффективное решение вопросов и результат, который должен быть достигнут максимально быстро. Индивидуализм и уважение к власти также характерны для моноактивных культур.

Стоит принимать во внимание, что всевозможные попытки классификации различных культур по типичным признакам являются достаточно общими и весьма гибкими. Однако именно подобное знание задает нам вектор в понимании и нахождении общего языка с деловыми партнерами. Отталкиваясь от общего, мы приходим к частному, к отдельно взятому представителю данной, культуры и пытаемся понять его мировоззрение и позицию с точки зрения культурной специфики.

Литература

1. Аллан Пиз. Язык телодвижений. – Нижний Новгород: Ай Кью, 2012. – 262 с.
2. Мясоедов С.П. Основы кросскультурного менеджмента: - М.: Дело. 2014. – 256 с.
3. Hofstede G.H. Cultures and organizations: software of the mind. Mc Graw Hill. – 2015. – 279 p.
4. Jonson Lucy C.&C. Neil Macrae. Changing social stereotypes: the case of the information seeker. European Journal of Psychology. – London 2009
5. Richard D. Lewis. When Cultures Collide. Leading across Cultures. – London: Nicholas Brealey International, 2006
6. Seelye H.N., Seely-James A. Cultural Clash: Managing in a Multicultural World. NTC Business Press, USA. – 2016. – 198 p.
7. Steel C.M., & Arson J. Stereotype threat and the intellectual test performance of African-American. – “Journal of Personality and Social Psychology” <http://www.psychwiki.com>
8. Walmsley J. Preface/ Walmsley J. Brit-Think, Ameri-Think. A transatlantic Survival Guide. – London: Penguin Books, 2003

О.В. Полевая
МГИМО МИД России, Одинцовский филиал
Одинцово, Россия

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ АРГО МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные эволюционные тенденции, которые наблюдаются во французском языке на примере сленга студенческой и молодежной среды. Автор проводит анализ факторов, влияющих на формирование специфического языка молодежи и его отражения в развитии лексико-семантических структур франкофонии. В статье исследуются характерные обороты и фиксированные выражения, присущие языку современной французской молодежи. Данная статья поможет расширить представление о специфике национального менталитета французов.

Ключевые слова: эволюционные тенденции, студенческий сленг, фактор влияния, фиксированные обороты.

Abstract. The article is concerned with the problem of modern evolutionary tendencies in French language. Much attention is given to the example of specific communication in student circle. The text gives valuable information on a detailed analysis of factors influencing on the formation of student slang and on lexico-semantic structure of French language in generally. The article is of great help to understand and translate more common fixed expressions from French into Russian.

Key-words: evolutionary tendencies, student slang, factors of influence, fixed expressions.

В современном мире и эпоху цифровых технологий во многих государствах идет интенсивный процесс активной трансформации живого разговорного языка. В данной статье рассматривается

язык только одной возрастной категории членов социума - это сленг современной французской молодежи. Следует отметить, что язык подростков и студенческой молодежи во все времена существенно отличался от классического, общепринятого языка в обществе (в частности, языка официальных, публичных выступлений или речь дикторов телевидения и радио). Стремление подрастающего поколения скорее повзрослеть, уйти от опеки старших, стать самостоятельными и независимыми, а значит не быть подконтрольными. «Разговаривая на особом “модном” языке, молодые люди стремятся отличиться от взрослых носителей языка или завуалировать смысл произносимого» [Жаркова 2005 : 11]. На практике проще всего реализовать подобные чаяния оказалось возможным, создав свой сленг, непонятный взрослым и окружающим. А при наличии всевозможных “запароленных” гаджетов задача секретности передачи информации решается просто и быстро.

Ученые-лингвисты неоднократно обращались к анализу лексико-семантических особенностей языка молодежной среды. Этот интерес к исследованию семантических структур франкофонии обуславливается тем, что сленг молодежной прослойки общества, зачастую, является лингвистическим авангардом языка. Сленг изменчив, и подвержен влиянию новых модных тенденций, а посему лексико-семантические единицы языка молодежи недолговечны и постоянно обновляются. То, что сегодня говорят студенты, завтра может перейти в общий словарный запас.

Цель написания статьи:

анализ основных факторов, влияющих на формирование молодежного сленга французского языка.

Задача:

определить лексико-стилистические особенности формирования языка молодежной среды французского общества.

Научная новизна исследования:

учитывая тот фактор, что человечество стремительно меняется, развивается и движется вперед, можно с уверенностью утверждать, что язык, в целом, и язык молодежи, в частности, постоянно пополняется новыми лексико-семантическими единицами, которые

представляют определенный научный интерес к изучению лингвистического развития франкофонии.

И так, одна треть населения любого общества – это молодежь и подростки. А жизнеспособность языка и его существование определяется количеством людей, которые им активно пользуются. Наиболее яркие, удачно сформированные фиксированные обороты и выражения быстро переходят из языка молодежной среды в общий дискурс.

Молодежный язык характеризуется своей яркостью, выразительностью, раскованностью, метафоричностью, символичностью, краткостью и аллегоричностью высказываний. Сленгу не чужды игра слов и семантический юмор.

Что же так существенно отличает язык молодежи от языка других категорий людей (профессиональный сленг физиков)? Прежде всего “закрытость” и “недоступность” для других категорий людей. Затем, присущая грубоватость, фамильярность и даже вульгарность высказываний. И, наконец, принадлежность лишь к одной возрастной категории людей.

Социолингвистика часто рассматривает возникновение ярко стилистически окрашенного языка молодежи, как протестное социальное явление, возникшее в противовес нормативному французскому языку. Отказаться от словесных штампов, желая выделиться, и быть оригинальным, вот что характерно для арго французской молодежи.

Рассмотрим некоторые факторы, влияющие на формирование лексико-семантических единиц молодежного сленга во французском языке.

Одним из источников пополнения языка студентов и подростков являются заимствования из английского языка, так популярного в последние десятилетия. Вот лишь некоторые примеры неологизмов языка молодежи:

le serial killer – серийный убийца (здесь и далее перевод автора)

le néfaste food – отвратительная еда

la pyrowoman – женщина, которая любит огонь

l'escorteuse – проститутка [Pruvost 2003: 37]

Появление компьютеров и Интернета способствовало возникновению большого количества новых лексико-семантических единиц:

l'ordi – компьютер

la souris – компьютерная мышь

les disques compacts – компакт-диски

les vinyles ou disques noirs – виниловые или черные диски

le lecteur – считывающее устройство для CD

tchatcher – чатиться

Язык молодежи изобилует сокращениями, метафорами и вульгаризмами.

le portable – le mobile – сотовый телефон (portable от глагола porter – носить)

bosser – travailler – горбатиться, работать (bosse – горб)

le fric – l'argent – бабло, деньги

j'en ai marre – меня достало

je m'en fiche – мне плевать

la bagnole – la voiture – тачка, машина

j'suis crevé – я подыхаю (от усталости)

avoir un mal fou – иметь большие проблемы

j'ai un petit creux – у меня сосет под ложечкой

il a du michon – у него водятся денежки [Guiraud 1958: 49]

Журналисты первыми подхватывают и тиражируют модные “словечки” французских улиц в СМИ, стараясь быть в ногу со временем и поспевать за молодежью.

le flick – мент

bouffer – жрать

c'est moche – это погано

une boîte – контора

foutez – moi le camps – отвалите от меня

faire gaffe – сделать ляпсус

in clodo – бомж

un vieux crouton – старый дурак

il est cinglé – он псих [Robert 1986: 181]

un croquant – крестьянин

embêter – пудрить мозги

être dans la merde jusqu'au cou — быть в дерьме по шею
ta gueule! — заткнись!

mais c'est dingue — но это безумие

rigoler — ржать

je pige pas — я не въезжаю

un salaud — поддонок [Guiraud 1976: 35]

Непосредственно в недрах молодежного сленга на метафорическом поле с легкостью формируются все новые и новые значения лексико-семантических единиц, к примеру, глагола “foutre” — “делать”.

foutre sur la gueule — дать в морду

foutre à la porte — вышвырнуть за дверь

il n'y a rien à foutre — здесь нечего ловить

c'est une affaire foutue — это гиблое дело

Подобное лингвистическое явление происходит со словом “coup” — “удар”. В идиоматических выражениях семантика меняется на понятие “действие”.

ça ne vaut pas le coup — игра не стоит свеч

un coup de maître — дело мастера

en mettre un coup — приложить много сил

Безусловно, большие города и столицы мира остаются основным источником подпитки языка новыми лексико-семантическими единицами.

В свою очередь язык молодежной среды может несколько разниться в зависимости от рода занятий молодых людей. Таким образом, возникают профессиональные аргы, например, медицинских работников или программистов. Но наиболее оригинальный, богатый и продуктивный язык у водителей такси, которые имеют возможность общения с различными людьми и пополнять свой лексикон из разных слоев населения.

un pote — кореш

une torgnole — оплеуха

un cancre — лодырь

allume! — поживей!

dénigrer — поболтать [Pruvost 2003 :58]

В последние годы, когда в европейские государства хлынули неконтролируемые потоки иммигрантов из африканских и арабских стран, стали особенно ощутимы лингвистические процессы симплификации лексико-грамматических форм французского языка. «Эволюция миграционного движения в разные эпохи вызывала большой интерес лингвистов с точки зрения межкультурной коммуникации» [Полевая 2018: 156]

Причина лингвистического явления упрощения лексико-семантических форм французского языка очевидна: молодым иммигрантам надо быстро интегрироваться в социуме и начинать жить заново. Этим людям некогда изучать все тонкости французской лексики и грамматики, а посему зарождается еще один “подвид” французского аргю — “верлан”. Слова микшируются таким образом, чтобы можно было их прочесть и произнести с конца, завершая слово первым слогом.

la femme — la meuf — женщина, жена

la musique — zizique — музыка

Как надолго задержаться в языке подобные лексико-семантические единицы — это покажет будущее.

Особое место в разновидностях сленгов молодежи занимает язык СМС, то есть язык завуалированной аббревиатуры, которая может содержать и буквы, и цифры для передачи краткой информации по телефону или e-mail.

Справедливости ради следует отметить, что сокращенный язык СМС набирает все больше и больше популярность не только среди молодежи. Вот некоторые примеры из мобильных телефонов французских подростков:

A2m`1 — A demain — до завтра

KOA29? — Quoi de neuf? — что новенького?

PDP — pas de problem — без проблем

BJR — bonjour — здравствуйте

GF1 — J'ai faim — я голоден

JeVO6né — Je vais au cinema — я иду в кино [Poisson-Quinton 2007: 117]

Заключение

В заключении следует подчеркнуть, что анализ языка молодежной среды Франции дает возможность лучше понимать особенности национального менталитета французской молодежи и определить масштабность процесса трансформации разговорного французского языка.

По результатам проведенного исследования делаем следующие выводы:

вывод 1.

Поставленная **цель достигнута**: в статье были изучены и проанализированы 5 основных социолингвистических факторов, которые способствуют формированию новых лексико-семантических единиц, пополняющих арго французской молодежной среды. А так как межгосударственные, университетские программы по обмену студентами расширяются и укрепляются, то практическая значимость лингвистического анализа языка французской студенческой молодежи очевидна. Ознакомление со сленгом французской молодежи облегчит работу с аутентичными французскими текстами при переводе на русский язык.

вывод 2.

В исследовании арго французской молодежи были проанализированы 17 лексико-стилистических особенностей формирования языка молодежной среды французского общества. Такие как метафоричность, аббревиатура, аллегоричность, семантический юмор, симплификация высказываний и так далее. Проиллюстрированы лексико-стилистические особенности арго молодежи примерами в количестве 58 фиксированных выражений. Таким образом, **задача** определить лексико-стилистические особенности формирования языка молодежной среды французского общества **выполнена**.

Литература

1. *Жаркова Т.И.* О сленге французской молодежи // Иностранные языки в школе. – 2005. - №1. – с. 96-100.

2. *Полевая О.В.* Перспективы эволюции плюрилингвизма под влиянием мегаполисов на примере французского языка // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2018. №10-1 (88) с. 155-158.
 3. *Guiraud P.* L'argot, Paris, Presse Universitaire de France, 1958. 128 p.
 4. *Guiraud P.* Les gros mots, Paris, Presse Universitaire de France, 1976. 126 p.
 5. *Poisson-Quinton S.* Festival 3, Paris, CLE International, 2007, 176 p.
 6. *Pruvost J.* Les Neologismes, Paris, Presse Universitaire de France, 2003, 126 p.
 7. *Robert P.* Micro Robert [словарь] – Paris, 1986, 627 p.
-

В. Ю. Краснова
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ ЯПОНСКОГО ФОЛЬКЛОРА И ИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ

Аннотация. Лингвокультураны в фольклоре являются носителями культурного содержания, не имеющие общей когнитивной основы с какими-либо элементами другого языка. Ввиду разницы картин мира, менталитета и др. большинство способов перевода подвергают аутентичный концепт трансформации, которые оказываются особенно явными при сравнении их в оригинальном японском тексте и в англоязычном тексте. Для более подробного сравнения были использованы тексты японских сказок «Урасима Таро» и «Момотаро».

Ключевые слова: лингвокультурана, фольклор, японский, реалия, перевод.

Abstract. Cultural units in folklore are carriers of cultural content that do not have a common cognitive basis with any elements of another language. Due to the difference in pictures of the world, mentality etc., most translation methods subject an authentic concept to transformation, which is especially obvious in comparing the original Japanese text and the English text. For a more detailed comparison, the texts of the Japanese fairy tales «Urashima Taro» and «Momotaro» were used.

Key words: cultural, folklore, Japanese, realia, translation.

Фольклор рассматривается как устное коллективное творчество народа, отражающее его культурные убеждения, культурную самобытность, традиции и социальные обычаи; создаваемые народом и бытующие в народных массах легенды, сказки, песни и малые фольклорные жанры, такие как, колыбельные, пословицы, по-

говорки. Любое произведение, являющееся результатом народного творчества, без сомнения обладает огромной степенью культурного содержания. Слова и концепты, обладающие культурной коннотацией, распространяются через словесное повествование, а не письменные формальные тексты и отражают культурные убеждения, культурную самобытность, традиции и социальные обычаи [Song 2017: 2].

Культурное содержание усложняет задачу передачи реалий сказки с языка оригинала на другой язык ввиду отсутствия в переводе соответствующего понятия и необходимость передачи национального и исторического колорита при переводе наряду с основным значением. Важно учитывать, что многие реалии содержат фоновую информацию и не всегда читатель переведенной версии обладает достаточными знаниями для полного понимания как всех аспектов содержания, так и скрытых моральных уроков. Ввиду разницы картин мира, менталитета и др. большинство способов перевода, формально передавая исходное слово, подвергают аутентичный концепт редукции, трансформации семантических и стилистических свойств, замещению коннотаций и др. Особенно явными эти трансформации оказываются при сравнении некоторых фольклорных единиц в оригинальном японском тексте и их коррелятов в англоязычном тексте.

Японская и англоязычная культуры значительно отличаются. Японская культура глубоко укоренена в синтоизме и буддизме, имеет древнюю историю, в то время как Соединенные Штаты имеют относительно короткую историю с культурным прошлым, основанным на европейских христианских ценностях. Японская культура рассматривается как коллективная и иерархическая, тогда как американская и европейская культура индивидуалистична и горизонтальна.

В.В. Воробьев ввел в лингвокультурологию термин «лингвокультурема». Лингвокультурема – комплексная межуровневая единица, которая представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания. Таким образом, лингвокультурема есть совокупность

формы, то есть языкового знака, и содержания, то есть культурного смысла [Воробьёв 2006: 44 – 45]. Лингвокультураны являются носителями национально-культурных образов, или реалий, не имеющих общей семантической и когнитивной основы с какими-либо единицами другого языка.

В японских сказках часто встречаются такие лингвокультураны как демонические и мифологические персонажи: *они*, *ёкаи*, *Дракон-император*, *снежная женщина* и др; волшебные предметы, как *таматэ-бако*; предметы, характерные для японской культуры.

При передаче данных лингвокультуран в английский язык используются транскрипция и транслитерация, что хорошо для сохранения национально-культурной специфики формы лингвокультураны в английском языке. Однако в сказочных текстах чрезмерное использование данного приема может затруднить понимание текста, так как англоязычный реципиент не обладает фоновыми знаниями для восприятия культурного смысла оригинальной лингвокультураны. Например, *bonito*, *tai*, *Ojisan*, *sake*, *tamate-bako*, *oni*, *kibi-dango*, *Yuki-onna*.

При калькировании сохраняется общая семантика слова, однако отдельные свойства оригинальной лингвокультураны теряются или трансформируются, чтобы соответствовать реалиям культуры реципиента: *tamate-bako* – *casket of jewel*, *mikado* – *emperor*, *sake* – *rice wine*, *Momotaro* – *Peach boy*, *Otohime* – *young daughter of king*, *shita-kiri suzume* – *tounge-cut sparrow*.

К описанию прибегают, когда в переводящем языке отсутствует лексическое соответствие или возникает потребность в уточнении: *the island in the stronghold of a band of devils*; *an island far out in the ocean, inhabited by onis with horns in their heads*; *a casket of mother-of-pearl*; *it was rainbow-tinted and its clasps were of coral and of jade*.

Нередко для передачи лингвокультураны подбирается адекватный аналог из английского языка: *tamate-bako* – *jewel box*, *hime* – *princess*, *ouji* – *prince*, *oni* – *demons, devils, ogres*; *onigiri* – *rice cakes*, *dango* – *dumplings*, *daimyo* – *lord*.

Для более подробного сравнения были использованы тексты японских сказок «Урасима Таро» и «Момотаро».

Одной из характерных особенностей фольклора японцев является огромное количество произведений, непосредственно связанных с водными символами, в частности с представлениями о Подводном царстве, где обитает Бог Дракон, повелитель морской стихии [Садокова 2016: 13].

Урашима Таро — главный герой одноименной японской сказки, который награжден за спасение черепахи и отнесен ею к Дворцу дракона, который лежит под морем. Там Урасиму встречает принцесса Отохимае, с которой, по его мнению, он проводит 4 или 5 дней, но по возвращении в свою родную деревню, он оказывается на 300 лет в будущем. Когда Урасима открывает шкатулку, которую ему сказали никогда не открывать, он превращается в старика.

В сказке «Урасима Таро» были рассмотрены варианты передачи таких лингвокультурем, как 乙姫おとひめ (*Otohime*), 玉手箱たまてばこ (*tamate-bako*), 竜宮城りゅうぐじょう (*ryu:gujo:*).

Рюгудзё в японской мифологии это дворец Дракона, являющегося повелителем подводного мира, который находится на морском дне, дословно иероглифы в составе слова переводятся как «императорский дворец дракона», и соответственно, лингвокультурема прямо ассоциируется с императорской властью. В изложении Еи Теодоры Одзаки эта лингвокультурема имеет несколько кореллятов, впервые Рюгудзё упоминается в транслитерации *Ryugu*, надо отметить, что слог «jo», обозначающий собственно «замок», выражен отдельно словом «palace» и при таком способе изложения теряется указание на хозяина дворца, как дракона, и как императора. В дальнейшем тексте используется два уточняющих выражения *the Palace of the Dragon King of the Sea* и *Sea King's Palace* [Ozaki 1903: 30]. Первый вариант наиболее полно передает культурный смысл сказочной лингвокультуры Рюгудзё. В варианте сказки, изложенном в сборнике Грейс Джеймс отсутствует упоминание дворца Дракона. В варианте сказки, изложенном Бэзиллом Чемберленом, так же есть два варианта: *the Dragon Palace*, *the Sea-God's Palace* [Chamberlain 1892: 7]. Надо отметить, что по сравнению с вариантом Одзаки, у Чемберлена эта реалия получается более мифологической, так как дракон представлен как *Sea-God*.

Одним из персонажей сказки является Отохимэ, которая встречает героя на морском дне. Если разобрать имя Отохимэ по иероглифам, получим 乙, используемое в сочетаниях как «младший» и 姫, означающее «принцесса, девочка», то есть общее значение иероглифов — «младшая дочь» или «младшая принцесса». Отохимэ в японской мифологии это дочь подводного императора, Дракона. Имя Отохимэ в транслитерации осталось только в переводе Одзаки и в ее тексте это *princess Otohime* [Ozaki 1903: 30]. В этом случае с одной стороны сохраняется форма лингвокультуемы, то есть имя *Otohime*, с другой стороны для англоязычного реципиента эта лингвокультуема теряет свое мифологическое содержание. У Грейс Джеймс героиня обозначена как *the Daughter of the Deep Sea*, то есть сохраняется связь персонажа с морской символикой и мифологическое происхождение, но нет указания на статус императорской семьи или связь с морским Драконом [Hearn 1918: 100]. В переводе Чемберлена, напротив, есть и то, и другое, он дает два обозначения этого женского образа: *the daughter of the Sea-God u Dragon Princess* [Chamberlain 1892: 7].

В конце сказки Отохимэ дает главному герою Урасима Таро то, что по-японски называется 玉手箱 *таматебако* (*tamate-bako*). Это шкатулка, которая может быть сделана из драгоценного камня, обычно украшенная орнаментом, используемая для хранения украшений и материалов для рукоделия. Слово состоит из трех иероглифов: 玉 драгоценный камень яшма, являющийся символом императорской власти, 手 рука и 箱 шкатулка. Именно таким образом, лингвокультуема передана у Одзаки *Tamate-Bako (Box of the Jewel Hand)* [Ozaki 1903: 30]. В изложении Грейс Джеймс шкатулка представлена через описание *a casket of mother-of-pearl; it was rainbow-tinted and its clasps were of coral and of jade* [Hearn 1918: 100]. Необходимо отметить, что несмотря на то, что в переводе Джеймс звучит слово *pearl*, на самом деле 玉 обозначает яшму, традиционно считающуюся одним из символов императорской власти в Японии. В переводе Чемберлена шкатулке почти не уделено внимания, она обозначена просто «the box» [Chamberlain 1892: 16].

Другая частая тема японского фольклора появляется в сказке о Момотаро — это жизнь «крошечного ребенка». Считается что

в Японии она возникла из ветви синто района Идзумо, где почитают карликовое божество Сукуна-Хикона, который помог Оо-кунинуси в строительстве мира и создании защиты от болезней и диких животных [8]. Момотаро (桃太郎ももたろ) – популярный герой японского фольклора, происходящий из префектуры Окаямы. Его имя дословно переводится как Персик Таро, Таро здесь является распространенным мужским именем. По сюжету сказки родители нашли мальчика внутри персика, который выловили в реке. Подобно тому, как Сукуна-хикона появился около воды, Момотаро связан с миром воды и связан с существованием веры в Бога воды. В этой же сказке встречается и другая характерная для фольклора тема – благочестивые и молящиеся благословляются ребенком, при том, достижения этих детей настолько экстраординарны, что они достигают почти каждой цели, которую перед собой ставят. К примеру, Момотаро побеждает демонов и обретает огромное богатство. Сказка Момотаро связана с префектурой Окаямой, и, предположительно, может иметь там свое происхождение. Остров демонов Онигасима из сказки ассоциируется с островом Медзидзима, расположенным во Внутреннем море недалеко от города Такамацу, из-за огромных пещер, найденных на этом острове [4].

В сказке «Момотаро» было проведено сравнение японских и английских вариантов следующих лингвокультурем 桃太郎ももたろ (Momotaro)、黍団子きびだんご (kibidango)、鬼が島おにがしま (Onigashima).

桃太郎 – имя главного героя одноименной сказки, где 桃дословно означает «персик», 太郎 – это распространенное японское имя. В переводе Одзакки Момотаро – *the Son of a Peach*, таким образом подчеркивается рождение мальчика из персика. А вот так об этом пишет Ульям Эллиот Гриффис в своем сборнике японских сказок: «Because he was their first child (taro) and born of a peach (momo) they called him Momotarō or Peach-Darling» [Griffis 1880: 63]. Здесь надо заметить, что у имени Таро нет значения первый сын, в отличие от японского имени Ичиро. Тем же путем в переводе, то есть с указанием на старшинство пошел Алджернон Митфорд, у него Момота-

по представлен как *the eldest son of the peach, Momotarô, or Little Peachling* [Mitford 1910: 152].

黍団子, кибиданго — это блюдо японской кухни, а точнее японская сладость, которая известна главным образом тем, что в сказке Момотаро раздает данго своим спутникам. Одзаки передает киби-данго как *rice cakes*, что верно для традиционных данго, но не для киби-данго, которые делаются из пшена и не нанизываются на палочки, в отличие от традиционных данго, которые и впрямь делаются из риса. Видимо имея в виду именно этот факт Гриффис, Митфорд и Джеймс переводят киби-данго как *millet dumplings*.

И наконец, 鬼が島 Онигасима, место куда направляется в сказке Момотаро за сокровищами и победой над они (鬼 демон). Одзаки и Гриффис предпочли здесь прибегнуть к описательному переводу, в сборнике Одзаки говорится: «This island is the stronghold of a band of devils» [Ozaki 1903: 250]. А в сборнике Гриффиса: «an island far out in the ocean, inhabited by onis with horns in their heads» [Griffis 1880: 64]. *The Ogres' Island* это вариант калькирования названия Онигасима, который используется в сборнике Грейс Джеймс и Фримана-Митфорда.

Комментарии, транслитерация, а также точное следование тексту оригинала преследуют целью максимальную передачу национального колорита, к тому же такой вариант часто обращен широкой публике и в том числе специалистам: фольклористам и востоковедам. В случае перевода-пересказа наблюдаем трансформацию лингвокультурем сказки в связи с направленностью на детскую аудиторию и, соответственно, преследование в большей степени воспитательной функции, преподнесение морального урока.

Литература

1. Chamberlain, B. H. The fisher-boy Urashima / B. H. Chamberlain. London : Griffith, Farran & Co., 1892 — 32 p.
2. Griffis, W. E. The Japanese Fairy Book / W. E. Griffis. New York : J. H. Barhyte, 1880. — 304 p.

3. Hearn, L. Japanese fairy tales / L. Hearn, B. H. Chamberlain, G. James. New York : Boni and Liveright, 1918. — 160 p.

4. Migijima. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.art-takamatsu.com/en/travel/sightseeing/entry-369.html> (дата обращения: 14.02.2019).

5. Mitford, A.B. The Japanese Fairy Book / A.B. Mitford. London : Macmillan and Co., 1910. — 302 p.

6. Ozaki, Y. T. The Japanese Fairy Book / Y. T. Ozaki. New York : E.P. Dutton, 1903. — 296 p.

7. Song, S. Narrative structures in Korean folktales: A comparative analysis of Korean and English versions / S. Song // Topics in Linguistics. — 2017. — № 2. — С. 1 — 23.

8. Sukunahikona. Japanese deity. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.britannica.com/topic/Sukunahikona> (дата обращения: 14.02.2019).

9. Воробьев, В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. М.: Издательство Российского ун-та дружбы народов, 2006. — 331 с.

10. Садокова А. Р. Японская легенда о рыбаке Урасима-Таро: фольклорные и литературные версии [Текст] // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). — СПб.: Свое издательство, 2016. — С. 13-17.

Раздел 3.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Е.М. Какзанова
ВИНИТИ РАН
Москва, Россия

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА ИНТЕРЛЮДИИ «ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО ФОРСАЙТА» ДЖ. ГОЛСУОРСИ (из серии «Сага о Форсайтах»)

Аннотация. В статье анализируется перевод интерлюдии с языка оригинала (английского) на русский язык, выполненный известным переводчиком Марией Лорие и относящийся к 1956 году. Автор останавливается на переводе фразеологизмов, дефектов речи, детских речевых ошибок, отмечая достоинства и неточности перевода. Делается вывод, что переводчик достойно передала содержание произведения для русскоязычного читателя.

Ключевые слова: перевод, переводчик, интерлюдия, язык оригинала, эквивалентность перевода

Abstract. The article deals with the translation of the interlude from the original English text into the target language – Russian. The translation was made by the famous translator Maria Lorie in 1956. The author of the article dwells upon the translation of phrases, speech impediments, speech errors of children. The author points out at the values and inaccuracies of the translation. The

conclusion is drawn that the translator adequately transferred the contents of the interlude for the Russian-speaking readers.

Key words: translation, translator, interlude, original text, the equivalence of translation

Английский писатель Джон Голсуорси (1867-1933) вошел в литературу в начале XX века, в тот период, когда его родная Англия пыталась разрешить свои внутренние противоречия в войне с бурами 1899-1902 годов. Это политическое событие часто является фоном многих романов монументальной серии «Сага о Форсайтах» (1906-1921).

«Сага о Форсайтах» неоднократно переводилась на другие языки, в том числе и на русский.

Мы рассмотрим перевод произведения «Последнее лето Форсайта», относящийся к 1956 году и выполненный переводчиком Марией Лорие.

В серии «Сага о Форсайтах» произведение «Последнее лето Форсайта» называется интерлюдией. В «Словаре иностранных слов» дается два значения этого существительного:

1) интерлюдия — это небольшой промежуточный эпизод между частями музыкального произведения;

2) интерлюдия в английском театре конца средних веков и начала эпохи Возрождения — это небольшая пьеса вначале религиозно-нравоучительного, позднее фарсового характера [Словарь иностранных слов 1989: 202].

Рассматриваемый в статье рассказ выполняет промежуточную роль — он является эпилогом романа «Собственник» и прологом следующего романа — «В петле».

В оригинале интерлюдия носит название “*Indian Summer of a Forsyte*”. Неопределенный артикль перед фамилией понятен: имеется в виду один из многих Форсайтов. Изолированное прилагательное „*Indian*“ переводится как «индийский, индейский», что не соотносится с классическим переводом «последний». Но идиоматическое выражение „*Indian summer*“ имеет значения «золотая осень» и «бабье лето» [Мюллер 1992: 363]. С одной стороны, все знают, что

«бабье лето» — это последние дни лета. С другой стороны, в интерлюдии старый Джолион Форсайт действительно умирает, сидя под дубом. Таким образом, перевод «Последнее лето Форсайта» абсолютно эквивалентен оригиналу.

Размышляя о своей жизни, восьмидесятипятилетний Джолион Форсайт отмечал, что он «словно становился всё моложе с каждой весной, живя в деревне с сыном и внуком» [Голсуорси 1956: 258]. Тех, кто внимательно читал первый роман «Собственник» эта фраза не может не удивлять, потому что у старого Джолиона было две внучки и один внук — старшая Джун от первого брака сына Джолиона, и двое детей от второго брака сына — Джолли и Холли. Конечно, в оригинале не может быть такой оплошности — Дж. Голсуорси прекрасно знает, что старый Джолион “*living in the country with his son and his grandchildren*”. Множественное число существительного *grandchildren* явно не может быть переведено единственным числом даже с грамматической точки зрения, не говоря уже о смысловой.

Сложна для понимания фраза в переводе: «Нетерпимость, которую он (Джолион Форсайт) культивировал в шестидесятых годах, как культивировал баки, просто от избытка сил, давно исчезла» [Голсуорси 1956: 259]. Не сразу можно сообразить, что «баки» — это усеченное название бакенбард. Обратимся к оригиналу: “*As he had worn side-whiskers out of sheer exuberance*”. Сравнение в оригинале присутствует — *as*. Бакенбарды тоже присутствуют — *side-whiskers*. Нам кажется, что не было необходимости давать в переводе фамильярную усеченную форму слова. Бакенбарды вошли в моду в конце XVIII века, оставались в моде в течение всего XIX века и вышли из моды приблизительно в начале XX века. Значит, на момент создания интерлюдии бакенбарды были не столь популярны, и переводчику не стоило заигрывать с ними.

Словосочетание *of sheer exuberance* переводчик передает словами «от избытка сил». Это значит, что у Джолиона Форсайта в молодые годы было столько сил, что их некуда было девать. Но разве для того, чтобы культивировать бакенбарды, нужны силы? Существительное *exuberance* помимо значения «избыток» имеет значения «изобилие», «богатство», «восторг», «радостный энтузиазм», «про-

цветание», «плодовитость». Мы бы предложили перевести словосочетание *of sheer exuberance* «от чистого энтузиазма», или «в силу чистого энтузиазма». Чтобы культивировать бакенбарды, нужны не силы, а энтузиазм.

Идя гулять, старый Форсайт всегда шел мимо созвездий лютиков и ромашек, а также папоротников. «Там жило много улиток, и если с ним бывали внуки, он кивал на улитку и рассказывал им историю маленького мальчика, который сказал: «Мама, а у сливов бывают ножки?» — «Нет, сынок». — «Ну, так я, значит, улитку съел» [Голсуорси 1956: 260-261]. Обратим внимание на вопрос ребенка. В оригинале он звучит так: *Have plummets got leggers?* «Слива» по-английски *plum*, следовательно, во множественном числе *plums*. «Нога» по-английски *leg*, соответственно во множественном числе *legs*. Маленький ребенок искажил множественное число обоих существительных. В случае со сливами переводчик блестяще вышла из положения, употребив в родительном падеже множественного числа форму «сливов». Исказать во множественном числе слово «ноги» сложно, поэтому единственно правильным решением было использование уменьшительного суффикса — «ножки».

Как известно, перевод — это диалог двух разных культур. Для того, чтобы достичь целей коммуникации, комментариев переводчика бывает просто необходим. К сожалению, в анализируемом нами переводе комментариев переводчика отсутствует полностью. И тогда даже дословно переведенные фразы становятся не очень понятны.

Встретив на своем участке красавицу Ирэн, Джолион Форсайт сообщает ей, что недавно видел её в опере в Лондоне, и говорит: «Раволи хороша» [Голсуорси 1956: 262]. В оригинале “*The Ravogli's good*”. Кто такая Раволи? Оперная дива? Героиня оперы? Или нечто неодушевленное? Мы считаем, что комментарий — это важная часть работы переводчика, которую нельзя игнорировать.

«Старый Джолион Форсайт с каждым днем худел, и вид у него становился всё более изможденный». Но «*madame* Бос была слишком «хог’ошо воспитана», чтобы говорить на личные темы» [Голсуорси 1956: 286, 287]. Словосочетание, взятое в кавычки,

свидетельствует о том, что эти слова принадлежат самой *mad'zelle* Бос. Судя по всему, у *mad'zelle* Бос был какой-то дефект речи. В оригинале написано *wellbrrred*, скорее всего, *mad'zelle* Бос картавила. В русском переводе картавость передана буквой «г» с апострофом. Наверно, это единственно правильный вариант в данной ситуации.

В оригинале вся интерлюдия разбита на четыре главы. В переводе интерлюдия разбита на пять глав. Понятно, что переводчик хотел выделить в отдельную главу последние размышления старого Джолиона Форсайта. Правда, это не предусмотрено у Дж. Голсуорси. В процессе художественного перевода текст на языке оригинала преобразуется в текст на языке перевода, следовательно, подчиняется некоторым общим закономерностям [Гак 2010: 470]. В то же время любой перевод не может быть тождествен оригиналу. В разных языках существуют свои закономерности построения текста. Лингвисты полагают, что они зависят не только от различия языковых систем, но и от различий культурологического плана. Считается, что носители английского языка предпочитают либо дедуктивную модель организации текста, либо, наоборот, индуктивную, когда вывод делается в конце; они уделяют внимание не только тому, что говорится, но и тому, как это говорится; для пишущих на английском языке важно, чтобы текст легко читался, чтобы была жесткая связь между предложениями, чтобы соблюдалась логика изложения (для чего используется достаточно много союзов). Логическая организация сообщения является главным принципом членения текста и для И.Р. Гальперина [Какзанова 2006: 80], правда, русский язык допускает более свободные логические схемы организации текста. Таким образом, напрашивается вывод, что именно различие в логике развития и аргументации мысли [Кочелаяева 2002: 315] является причиной выделения дополнительной главы в русском языке и её отсутствия в английском.

Мы рассмотрели эквивалентность перевода интерлюдии «Последнее лето Форсайта» и считаем, что, несмотря на некоторые неточности, переводчик достойно передала содержание произведения для русскоязычного читателя.

Литература

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. — М.: Издательский центр «Академия», 2010. — 768 с.
 2. Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах. Том I. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. — 762 с.
 3. Какзанова Е.М. Сверхфразовые единства в немецком научном дискурсе//Вестник МГЛУ: Актуальные проблемы современной лексикологии, фразеологии и стилистики. Серия Лингвистика. — № 520. — М., 2006. — С. 77-83
 4. Кочелаяева Н.А. Проблемы структурирования текста на переводящем языке при переводе с русского языка на английский/Дис. ... канд. филол. наук. — М., 2002. — 340 с.
 5. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. — М.: Русский язык, 1992. — 848 с.
 6. Словарь иностранных слов. — М.: Русский язык, 1989. — 624 с.
-

АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕКСТОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности структуры и содержания научно-технических текстов, трудности, которые могут возникать при их переводе.

Ключевые слова: технический перевод, научно-технический текст, грамматические особенности, структура, английский язык.

Abstract. This article is devoted to the issues of technical texts translation, peculiarities of such texts on grammatical, syntactic and lexical levels.

Key words: technical text, scientific technical text, English language, grammatical peculiarities, structure.

Отличительной чертой для научно-технического стиля являются логичность, информативность и точность. Большинство текстов данной тематики обладают вышеперечисленными чертами, так же у этих текстов можно встретить языковые средства, которые служат для решения задач данной сферы. В словарный состав технических текстов входят термины, это те слова, которые обозначают технические понятия. Но иногда отличить термин от слова из обиходного языка бывает трудно из-за многозначности слов. И.В. Арнольд говорит о самой значимой черте данного стиля — использовании специальной терминологии. [Арнольд 1989: 317].

В роли термина могут выступать как специальные слова, принадлежащие только данному стилю, так и специальные значения общеупотребительных слов. Например, слова *keramophone* (керамофон), *microsyn* (микросин), *coercivity* (коэрцитивность) и т.д.,

которые можно встретить в электронике, не употребляются в повседневной жизни. А такие слова, как *degeneracy* (дегенерация), *ripple* (пульсация), *dead* (отключенный), напротив употребляются как термины, хоть и являются общеупотребительными. Термины должны четко и точно указывать на объекты и явления, определять однозначное понимание специалистами передаваемой информации.

В английском языке существует развитая система синонимов, это касается и лексики: одно тоже понятие можно выразить разными словами, например, латинского происхождения. Например, вместо глагола *to say* (сказать) употребляются глаголы *to assert* (утверждать), *to state* (настаивать); вместо *to clean* (для очистки) — *to purify* (для очистки). Этот процесс необходим для более точного определения некоторых явлений, а также для придания специфической языковой окраски. Смешение лексических единиц латинского и греческого происхождения с такими словами делает язык техники более однородным по лексическому составу [Денисенко 1981].

Многозначность и синонимия противоречат природе функционирования и предназначению термина. Однако при описании конкретной предметной ситуации, конкретной научно–технической сферы, термины не допускают неверного их толкования [Арнольд 2016: 58].

Такая многозначность слов в общелитературном языке является фактором, свидетельствующим о богатстве языковых изобразительных средств. Лексическая многозначность придает речи гибкость и живость и позволяет выражать тончайшие оттенки мысли [Пумпянский 1980: 121].

Для технического языка напротив, главное требование — предельная точность, без всякой возможности разных толкований. Основное требование для термина — однозначность, иными словами наличие одного установленного значения. Научный стиль имеет широкий спектр применения. Данный стиль оказывает влияние на литературный язык, научно–техническая революция вводит в общеупотребительный язык большое число терминов. Многие из них мы уже не воспринимаем как термины, так как они прочно вош-

ли в наш обиходный язык. Если раньше толковые словари составлялись на основе языка художественной литературы и в меньшей степени публицистики, то сейчас описание развитых языков мира невозможно без учета научного стиля и его роли в жизни общества.

В научном стиле фигурируют общенаучная и общеупотребительная лексика. Но ее не так много, так как научных и технических понятий мало. Они многозначны и связаны и общелитературным языком. Специалисты активно используют общетехническую лексику, которая является отдельной чертой научно-технического стиля, эта лексика способствует их взаимопониманию. Такие слова не являются терминами, но употребляются только в этой сфере общения, они приняты в кругу специалистов, позволяют не отвлекаться от сути дела. В специальную лексику включают производные от терминов, слова, используемые при описании связей и отношений между терминологически обозначенными понятиями, их особенностей, так же общеупотребительные слова, идущие в сочетании со специализированными. Эту лексику нельзя найти в терминологических словарях, но она так же характерна для научно-технического стиля. Например, *the voltage is applied* (напряжение подается), *the magnetic field is set up* (магнитное поле создается), *the line is terminated* (цепь выводится на зажимы), *the switch is closed* (переключатель замыкается) [Кириллова 1985: 35].

Научный стиль не просто берет слова из общелитературного языка. Он производит тщательный отбор слов – прежде всего тех, которые наиболее оптимально выполняют главную функцию, установку научного стиля. Слово в научной речи обычно называет не конкретный, индивидуально неповторимый предмет, а класс однородных предметов, т. е. выражает не частное, индивидуальное, а общее научное понятие. Поэтому в первую очередь отбираются слова с обобщенным и отвлеченным значением [Люткин 1991: 87].

Можно заметить, что в статьях, учебниках и книгах встречаются по большей части длинные предложения. В последнее время они стали короче, хотя в среднем они длиннее, чем в художественной литературе, так как в технической они встречаются гораздо чаще. «Всякая научная или техническая статья является, по сути, развер-

нутым определением» [Морозов 1964: 217]. В отличие от художественной литературы, которая ставит своей задачей создание образов, техническая литература описывает и объясняет научные факты.

Что касается грамматического строя, можно отметить, что научно-технические тексты довольно сложны по своей конструктивности. В них много причастий, инфинитивных и герундиальных оборотов и многих других книжных конструкций.

Научно-технические тексты построены на правилах грамматики общенародного языка, так как научно-технической грамматики не существует, есть только некоторые особенности грамматического строя этих текстов. При переводе происходит сопоставление грамматики английского языка и русского в плане извлечения смыслового содержания высказывания, выраженного в лексике, морфологических формах и синтетических структурах последнего.

Хорошо владеющий обоими языками переводчик, извлекает смысловое содержание текста и адекватно излагает его на другом языке. Такие грамматические переходы для него уже превращаются в навыки, и он не обращает внимания на грамматические формы оригинала и родного языка. Но все равно даже опытному переводчику могут встретиться сложные высказывания, тогда необходимо прибегнуть к синтаксическому анализу и выявлению смысловых связей в тексте.

Задача переводчика, занимающимся художественным переводом, состоит в передаче не только фактов, но и внутренних переживаний и позиций автора. Задача переводчика технического текста — в точной передаче мысли автора, без лишних эмоционально-выразительных средств.

Для правильности понимания технического текста надо хорошо знать данный предмет и его терминологию. Так же важно хорошо владеть русским литературным языком. Например, перевод таких однозначных терминов, как *oxygen*, *ionosphere*, не вызывает трудностей. В то время, как некоторые английские термины имеют несколько значений в русском и затрудняют процесс перевода. Например, *switch* — выключатель, переключатель, коммутатор. Правильный выбор перевода может быть обусловлен только хорошим знанием предмета.

Рассмотрим предложение: *Most of the modern radio—transmitters can communicate both telegraph and telephone signals* [лингвистический портал].

Если переводчик не очень хорошо знаком с радиodelом, то он возможно переведет предложение следующим образом: *Большинство современных радиопередатчиков может посылать как телеграфные, так и телефонные сигналы.*

Но правильный перевод, следующий: *Большинство современных радиопередатчиков, может работать как в телеграфном, так и в телефонном режиме.*

Русский технический стиль отличается строгостью и ясностью изложения. При переводе с английского, переводчик должен точно и ясно передать мысль автора, придавая форму, характерную для русского технического стиля, не перенося в русский вариант черты оригинала.

Для получения адекватного и эквивалентного перевода специалисту приходится применять разные способы перевода: заимствование, калькирование, дословный перевод, транспозицию, модуляцию, эквиваленцию, адаптацию. Перевод научно-технической литературы требует от переводчика высокой квалификации, достаточного владения специфической терминологией и иностранным языком.

Научный стиль имеет широкий спектр применения. Данный стиль оказывает влияние на литературный язык, научно-техническая революция вводит в общепотребительный язык большое число терминов. Многие из них мы уже не воспринимаем как термины, так как они прочно вошли в наш обиходный язык. Если раньше толковые словари составлялись на основе языка художественной литературы и в меньшей степени публицистики, то сейчас описание развитых языков мира невозможно без учета научного стиля и его роли в жизни общества.

Литература

1. Арнольд. И.В. К вопросу о переводе технической литературы / И. В. Арнольд. — М. : Советская наука, 1989 г. — 317 с.

2. *Денисенко Ю.А.*, Коммисаров В.Н., Черняковская Л.А. «Пособие по научно–техническому переводу». - М.: 1981г. — 168 с.
3. *Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2016. — 384 с.
4. *Пумпянский А.Л.* Лексические закономерности научной и технической литературы. Англо-русские эквиваленты. — Калининград: 1980 — 303 с.
5. *Кириллова Е.А.* Стратификация лексики в научном тексте (на материале современной английской научно-исторической прозы), диссертация, 1985 г. — 177 с.
6. *Люткин И.Д.* Научно-технический перевод с русского на английский язык. Под редакцией А.Я. Шайкевича. - М.: 1991 г. — 123 с.
7. *Морозов. М. М.* Техника перевода научной и технической литературы с английского языка на русский / М. М. Морозов. — М. : Наука, 1964. — 362 с.
8. www.langinfo.ru/index. [Электронный ресурс] // URL - Лингвистический портал (дата обращения: 25.01.2019)

Раздел 4.

СОВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

М.М. Полехина

МГИМО МИД России, Одинцовский филиал

Одинцово, Россия

ВОПРОС О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о репрезентации художественного концепта в литературном тексте, о его связи со смыслообразующими константами художественной картины мира писателя. Исходная позиция автора статьи – представление о концепте как философско-эстетическом феномене, имеющем социопсихическую природу, обладающем ценностной значимостью, многомерностью объективации и текстопорождающей функцией. На материале творчества Цветаевой эмиграционного периода рассматриваются основополагающие концепты ее художественной концептосферы: *чужбина, конец, любовь, смерть, чужой, другой, небытие* и соответствующие им понятия. Исследование ассоциативных связей внутри констант в авторском дискурсе продуцирует концепцию о *творчестве художника*, ядром которой ста-

новится концепт *конец*, знаменующий границу своего/чужого пространств и означающий завершение определенного жизненного цикла. На периферии исследовательского замысла концепт *конец* рассматривается как *смерть, гибель, торжество небытия*.

Ключевые слова: концепт, репрезентанты концепта, художественная концептосфера, интеллектуальный дискурс, поэзия М. Цветаевой.

Abstract. The article considers the question of representation of an artistic concept in literature, its connection with meaning-forming constants of an artistic picture of the world view of a writer. The author of the article states that the concept is a philosophical-aesthetic phenomenon of sociopsychological nature that forms cultural values, that has the multidimensionality of objectivation and the text-generating function. The artistic conception and sphere of Tsvetaeva poetry during her Czech period is built on the ideas *strange land* and the *end*. The fundamental ideas in her artistically space (strange land) becoming the words *strange, other, love, destruction, death, oblivion*. Looking and thinking about these concepts in the author's discourse gives you, as a result, a knowledge about the artist, that can be called as *end* - in that case the symbol of the boundary between *my and not-mine space*, the end of a vital cycle. On the periphery of exploratory look we can consider the word *end* as a death, celebrations of a nonexistence.

Key words: the concept, representatives of the concept, art conceptosphere, of intellectual discourse, poetry of M. Tsvetaeva.

Сегодня в научной литературе выдвигается ряд *определений концепта*, которые в основных своих характеристиках сводятся к представлению о нем, как о «глобальной мыслительной единице, являющей собой квант структурированного знания» (Н.И. Жинкин [3], В.Г. Зусман [4], Н.О. Осипова [7], З.Д. Попова [8], И.А. Стернин [8]). «Включение концепта в систему литературоведческого анализа открывает новые возможности в представлении литературы в каче-

стве коммуникативной художественной системы» [Зусман 2001: 14]. Поэтому при анализе литературного текста мы видим целесообразным использовать понятие *художественный концепт*, позволяющий говорить о художественной картине мира писателя и ценностном мире реципиента в единстве и целостности.

Актуализация художественного концепта как единицы текста дает возможность включить концептуальную основу произведения в индивидуально-ценностную картину мира читателя, способствуя более эффективному процессу его восприятия. Концепты рассматриваются нами как гиперсмысловые единицы, имеющие социопсихическую природу, обладающие ценностной значимостью, многомерностью объективации и текстопорождающей функцией. Так как в художественном тексте репрезентантом концепта является художественный образ, концепт обладает всеми признаками художественного образа, но в отличие от него концепт — принадлежность прежде всего интеллектуального дискурса.

Выявление и изучение концептов художественного текста осуществляется в сознании и интерпретации *познающего художественный текст субъекта* (т.е., в нашем видении текста *М.П.*). Именно волей субъекта, интерпретатора текста определяется и полнота выявления содержания того или иного концепта. При этом познанное и выявленное в феномене концепта должно обуславливаться, прежде всего, *природой вещей*, какими они созданы творцом, художником. «Являясь фрагментом художественной картины мира, повторяясь, трансформируясь, обнаруживая семантическое движение и обновление, усложнение ассоциативного поля, концепт дает возможность обозначить *горизонты символизации образного слоя художественного текста*» [Осипова 2008: 96]. Исследование концепта, таким образом, осуществляется не из значения слова как такового, а из понимания феномена концепта как «результата столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев 1997: 142].

Для решения вопроса о репрезентации концепта в пространстве художественной картины мира того или иного писателя необходимо выстроить определенный *алгоритм* последовательных операций

в исследовании концепта. Исследователь В.Б. Волкова, например, обращаясь к художественной концептосфере современных произведений о войне, предлагает собственный алгоритм исследования концепта: вначале исследователем вычленяются вербальные репрезентанты концепта в художественном тексте (страх, смерть, совесть, правда, любовь и т.д.), затем выявляются приемы его структурирования, рассматривается семантическое наполнение концепта и его моделирование с определением значимости для авторской концептосферы [Волкова 2014].

Исходя из положения Ж. Делеза о том, что «все ценное в мире открыто в пространстве разума для двойного прочтения» [Делез, Гваттари 1998], актуальность изучения концепта мы видим в возможности новых интерпретаций текста, в котором данный концепт репрезентируется, функции, которые он выполняет, устанавливая отношения вещи и имени как двусмысленности мира, мира, в котором нет места однозначности и категоричности.

Итак, под «концептом в литературном произведении мы будем подразумевать философско-эстетический феномен, ментальное образование, являющееся важнейшей единицей художественной картины мира автора, его *смыслообразующей константой*, заключающее в себе, с одной стороны, универсальный художественный и культурный опыт (дискретная единица коллективного сознания), с другой, — эмоционально-чувственные проявления индивидуума» [Художественная концептосфера в произведениях русских писателей 2010: 4]. Л.Ц. Санжеева, рассматривая концепты в традиционной культуре монгольских народов, отмечает тот факт, что «в каждой культуре художественная модель мира репрезентируется целым рядом универсальных концептов и констант культуры (таких, как пространство, время, сущность стихий, нравственно-этические и чувственные понятия, аксиологические категории и т.п.), но у каждого народа между этими концептами присутствуют свои особенные соотношения, создающие основу национального мировидения» [Санжеева 2010: 271]

Совокупность концептов образует концептосферу как целостное и особым образом структурированное пространство. Цепочки

художественных концептов порождают образные коммуникативные системы, характеризующиеся открытостью, потенциальностью и динамичностью. По тематическому признаку в художественной картине мира выделяются креативная, этическая, религиозная, эмоциональная концептосферы. Концептосфера может складываться из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, концептов, имеющих общечеловеческую ценность. К числу фундаментальных концептов относятся: *человек, пространство, время* и т.д., на основе которых формируются национальные культурные ценности. К универсальным относятся базовые концепты, такие как *родина, мать, семья, свобода, любовь, вера, дружба*.

Таким образом, *художественную концептосферу* можно рассматривать как целостное структурированное пространство с присущим ему *центром (ядро концепта)* и *периферией*. С ядром концепта связано словарное значение той или иной лексемы. Для полного, многостороннего раскрытия содержания концепта, выявления специфики его языкового выражения широко используются материалы толковых словарей, справочников. Периферия же концепта связана с субъективным опытом, различными прагматическими составляющими лексемами, коннотациями и ассоциациями.

Выявление ключевых концептов в творчестве художника является важным этапом исследования его художественной картины мира, а также изучения динамики его творческого развития. Например, центром концептосферы «*пространство*» в творчестве Цветаевой чешского периода является концепт «чужбина», который образует вокруг себя особое смысловое поле — периферию, состоящую из концептов, находящихся с ядерным концептом в различных взаимосвязях. Это такие концепты, как *земля, родина, судьба, дорога, путь, любовь, конец* и др. Все концепты концептосферы объединены общим содержательным компонентом, который наиболее явно представлен в центре концептосферы, постепенно угасая к периферии. Структура концептосферы динамична, содержательный состав центра и периферии находятся в постоянном движении.

Так процесс выстраивания концепции о художественном пространстве поэта чешского периода выглядит в нашем понимании следующим образом. Концепция *пространство* рождается на основе осмысления концептов *чужбина* и *конец*. Значимыми в этой концепции являются оба концепта, максимальную смысловую нагрузку несут слова, выражающие когнитивную доминанту концепта. Исходя из того, что субъектом научных достижений является исследователь, основополагающими в концепции о художественном пространстве (чужбине) поэта становятся концепты *чужой*, *другой*, *ограничение*, *завершение*, *финал*, *гибель*, *смерть*, *небытие* и соответствующие им понятия. Осмысление связей этих концептов в авторском дискурсе дает в результате знание, оформившееся в концепцию о *творчестве художника чешского периода*, ядром которой становится концепт «конец», означающий завершение жизненного цикла, знаменующий границу своего — чужого внутреннего и внешнего пространства и окончание временного цикла. На периферии исследовательского замысла концепт *конец* рассматривается как апокалиптическое явление, смерть, гибель, уход, торжество небытия.

Концептуальная картина мира М. Цветаевой начала 1920-х годов связана с изменением системы ее ценностных установок, с репрезентацией нового характера социально-культурных концептов в творчестве поэта. В Чехии Цветаева встретила свою настоящую любовь, здесь родился ее долгожданный сын, в Чехии она обрела верных друзей, здесь были написаны проникновенные страницы ее эпистолярного наследия, а также лучшие произведения о любви («Поэма Горы», «Поэма Конца», «Крысолов» и др.). Однако любовь в ее вершинном проявлении, вдохновляющая и окрыляющая поэта, в конечном счете обернулась разрывом, трагедией как для самой Цветаевой, так и для ее героев, познавших ад несвободы, боли и отчаяния. Эмоциональное проявление чувств героев диссонирует с предощущением конца, неминуемой разлуки. Свое становится чужим, неприемлемым для полноценной духовной жизни, а поэтому *конец* (мнимый или действительный) рассматривается как естественный финал поисков и обретений. Если ис-

ходить из того, что образные ассоциации всегда индивидуальны и обусловлены жизненным опытом, то метафорические образы вносят дополнительные коннотации в представление индивидуума о художественном содержании текстов. Образные репрезентации М. Цветаевой в чешский период ее творчества нередко негативны и включают в себя элементы аффективно-когнитивного плана. Исследование ключевых концептов в творчестве поэта (*жизнь, смерть, судьба, любовь, творчество* и др.) как философско-эстетических феноменов, имеющих социопсихическую природу, аксиологическую значимость и многомерность объективации, расширяет перспективы глубинных интерпретаций художественных текстов. Важным является установление соотношения вещи и имени как бинарности мира, для которого не приемлемы однозначность и категоричность. Апробированный подход к концептному анализу литературных произведений открывает новые возможности в постижении художественного текста.

Литература

1. Волкова В.Б. Концептосфера современной военной прозы: дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Виктория Борисовна Волкова - Екатеринбург, 2014. - 591 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. - СПб.: Алетейя, 1998. - 288 с.
3. Жинкин Н.И. Язык - речь - творчество : исслед. по семиотике, психолингвистике, поэтике: избр. труды / Н. И. Жинкин. - М. : Лабиринт, 1998. - 366 с.
4. Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте / В.Г. Зусман // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. - Нижний Новгород: Деком, 2001. — С. 38-53.
5. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка / В.Г. Зусман - Нижний Новгород: Деком, 2001. — 168 с.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Д.С. Лихачев. Очерки по философии художественного творчества. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 192 с.

7. *Осипова Н.О.* Концепт «Тайна» в поэтическом сознании начала XX века // Н.О. Осипова. Слово и культура в диалогах Серебряного века: избранные работы. — М.: Стагирит, 2008. — 280 с.

8. Полехина М. Репрезентация концепта в поэтическом творчестве Марины Цветаевой. *Polilog. Studia Neofilologiczne*. - nr 2. С. 107-115.

9. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - М.: АСТ - Восток-Запад, 2007. - 314 с.

10. *Санжеева Л.Ц.* Почитание огня, неба и земли в традиционной культуре монгольских народов. /Л.Ц. Санжеева //Вестник Бурятского государственного университета. - 2010. - Вып. 10. - С. 271-277.

11. Художественная концептосфера в произведениях русских писателей: сб. науч. ст. / ред. сост. М.М. Полехина, Т.И. Васильева. — Магнитогорск: МаГУ, 2008. — Вып. I. — 276 с.; Художественная концептосфера в произведениях русских писателей : сб науч. ст. / ред. и сост. М. М. Полехина. — Магнитогорск : МаГУ, 2010. — Вып. II. — 320 с.; Художественная концептосфера в произведениях русских писателей: сб. науч. статей / ред. С.Л. Слободнюк. — Магнитогорск: МаГУ, 2011. — Вып. III — 181 с.; Антология художественных концептов русской литературы XX века / Ред. и авт.-сост. Т.И. Васильева, Н.Л. Карпичева, В.В. Цуркан. - М.: Флинта: Наука, 2013. — 356 с.

12. *Цветаева Марина.* Собр.соч. в семи томах / М. Цветаева. — Том 2. Стихотворения. Переводы/ Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. — М.: Элис Лак, 1994. — 592 с.

13. *Цветаева Марина.* Собр.соч. в семи томах / М. Цветаева. — Том 3. Поэмы. Драматические произведения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. — М.: Элис Лак, 1994. — 816 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ Я.П. ПОЛОНСКОГО И В.А. ШУФА

Аннотация. В статье, посвященной диалогу поэтов Я.П. Полонского и В.А. Шуфа, впервые сделана попытка обосновать возможность сопоставления их творчества; высказано предположение, что интертекстуальные связи с предшественниками, в частности с поэтом XIX века Полонским, могут способствовать введению наследия Шуфа в историко-литературный и культурный контекст Серебряного века.

Ключевые слова: интертекст, диалог, Я.П. Полонский, В.А. Шуф, историко-литературный процесс, Серебряный век.

Abstract. In the present article concerning the dialogue of Y.P. Polonskiy and V.A. Shuf the author has tried to prove the possibility of their works comparison. It has been suggested that the intertextual links with the predecessors (especially with the poet of XIXth century Polonskiy) should promote the integration of Shuf's work into the historic-literacy and cultural context of the Silver Age.

Key words: intertext, dialogue, Y.P. Polonsky, V.A. Shuf, historic-literary process, Silver Age.

В русской литературе есть писатели и поэты, чьё творчество либо мало изучено, либо по разным причинам в течение длительного времени было предано забвению. Однако воссоздание целостной картины художественного мира русской словесности невозможно без введения в контекст историко-литературного процесса незаслуженно забытых художников слова и их наследия.

Целью представленной статьи является обоснование актуальности изучения творческого диалога с поэтом Яковом Петровичем

Полонским (1819–1898) поэта Серебряного века Владимира Александровича Шуфа (1865?–1913).

Если имя Полонского вписано в русскую литературу, а в Рязанском государственном университете проводятся конференции, посвящённые поэту XIX века, то наследие Шуфа только в течение последних двадцати лет возвращается в лоно русской словесности после почти столетнего забвения. Некоторые стихотворения опубликованы в различных антологиях, создан сайт [Владимир Александрович Шуф: сайт]. Автором данной работы подготовлено несколько докладов и статей о творчестве Шуфа в соотнесении с произведениями других поэтов.

Следует отметить, что в 1909 году Шуф был включён в качестве претендентов на Пушкинскую премию. Премию получили И.А. Бунин и А.И. Куприн, а Шуф был удостоен Почётного Пушкинского отзыва. Поэт К.Р. написал блестящую рецензию на представленный сборник сонетов Шуфа «В край иной...» (1906).

Изучение писем и дневниковых записей современников, критические отзывы на произведения поэта, некрологи в различных известных изданиях и, в первую очередь, многогранное наследие Шуфа — 11 опубликованных до революции книг, произведения, не вошедшие в сборники, публицистика и эпистолярный — должны убедить и взыскательного читателя, и опытного литературоведа, что в русскую литературу возвращается подлинный поэт и писатель эпохи Серебряного века, обладающего «загадочной целостностью, оригинальными неповторимыми особенностями» и тесно связанного «с предшествующими и последующими звеньями русской культуры» [Алексеева: с. 15].

Соотнесение творчества Шуфа с наследием Полонского может быть обусловлено несколькими причинами. Во-первых, Шуф и Полонский — современники; оба работали в Санкт-Петербурге: Полонский с 1860 до 1896 — в Комитете иностранной цензуры, в Совете Главного управления по делам печати, а Шуф — корреспондентом в «Петербургском листке» с 1902 г. Во-вторых, Шуф принимал активное участие в «Пятницах Случевского», продолживших традиции «Пятниц Полонского». Шуф был завсегдатаем «Пятниц»

Случевского, об этом свидетельствуют дневниковые записи Ф. Сологуба, Ф. Фидлера, а также фотография 1900 года, на которой Шуф стоит в центре третьего ряда. На этой фотографии запечатлены также А.А. Голенищев-Кутузов, Мирра Лохвицкая, Allegro, Н.М. Минский и др. Необходимо проводить архивные разыскания, чтобы более подробно выявить связи Шуфа с современниками, по возможности пытаюсь узнать, был ли знаком поэт Серебряного века с Полонским, принимал ли Шуф участие в «Пятницах» поэта-предшественника. В-третьих, Полонский был дружен с А.А. Фетом и Вл.С. Соловьёвым, которые искренне заботились о творческой судьбе поэта Серебряного века. В фондах РГБ и Пушкинского Дома сохранилась переписка Шуфа с Фетом и Соловьёвым. Кроме того, в переписке Фета с Соловьёвым можно обнаружить живой, неподдельный интерес к творчеству начинающего поэта.

Введение творчества «забытого» поэта или писателя в историко-литературный контекст возможно и через диалог с предшественниками, современниками и даже последователями.

Теория интертекстуальности, разработанная М.М. Бахтиным, Ю. Кристевой, И.В. Арнольд, Р. Бартом, Ж. Женеттом, Н. Пье-Гро, другими учёными, не одно десятилетие привлекает внимание философов, культурологов, искусствоведов, лингвистов. Открытие явления интертекстуальности, межтекстуального диалога обогатило и литературоведение, дав возможность в художественных произведениях более глубоко изучать традиции, уходящие в древность. Интертекстуальный диалог, существующий в самых различных формах (адаптация, перевод, подражание, аллюзия, плагиат, пародия и др.) становится все чаще предметом специального исследования, поскольку «всякое литературное слово», ощущающее «своего слушателя, читателя, критика» и отражающее «в себе его предвосхищаемые возражения, оценки, точки зрения» [Бахтин: с. 228], способно откликаться в произведениях других авторов — современников и последователей.

Исследуя интертекстуальность как универсальное свойство художественных текстов, Л.В. Ильичёв приходит к выводу, что, благодаря текстовым сопоставлениям, предоставляется возможность

глубже постичь авторскую позицию — увидеть в художественном произведении многообразие смысловых оттенков, образных, символических, лексических ассоциаций, историко-культурных реминисценций [Ильичёв]. Интертекст, выполняя «важную идейно-эстетическую функцию», способствует формированию подтекста, углубляющего смысл произведения, включению других произведений в контекст, обогащающий «смысловое поле повествования» [Смирнова, Саблина], поэтому и хрестоматийные, наиболее изученные и широко известные творения поэтов и писателей в контексте развития литературной традиции открываются для читателя новыми гранями.

Выявление интертекстуальных связей даже в отдельных произведениях даёт возможность приблизиться к постижению иконосферы художника, иконичного, целостного мира его поэзии.

Иконичное мышление объединяет художественные системы Полонского и Шуфа. И в творчестве обоих поэтов мотив пути — дороги занимает важное место. Мотив дороги / пути архетипичен и в русской, и в мировой литературе, поэтому вовсе не случайно становится одним из доминирующих в русской литературе от самых истоков. В ряде литературоведческих работ анализируется мотив дороги /пути от древнерусской литературы до Л.Н. Толстого, а потом в творчестве Блока, Есенина, акмеистов, других поэтов и писателей XX века.

Уже в ранних стихотворениях Полонского продолжена традиция изображения пути/дороги как понятий синонимов. Так, в стихотворении «Дорога», написанном в 1841 году (в год гибели Лермонтова, когда было написано стихотворение-завещание «Выхожу один я на дорогу...») соединяется и бытийный, и сакральный смысл слова «дорога» (как и в стихотворении Лермонтова).

Глухая степь — дорога далека,
Вокруг меня волнует ветер поле,
Вдали туман — мне грустно поневоле,
И тайная берет меня тоска [Полонский, «Дорога»].

На первый взгляд, соединяются смыслы слова «дорога» и в стихотворениях Шуфа, например в стихотворении «Слёзы»

Но как сладки слёзы на груди у милой,
Как волнуют сердце верою и силой!

С ними легче в жизни тяжкая дорога,
И теплей молитва пред очами Бога [Шуф].

Смысловая рифма предстает как явление обратной перспективы:

дорога — Бога →

тяжкая дорога — пред очами Бога →

в жизни тяжкая дорога — молитва пред очами Бога →

легче в жизни тяжкая дорога —

теплей молитва пред очами Бога →

С ними [с верою и силой] легче в жизни тяжкая дорога, / И теплей молитв пред очами Бога.

На первый план высвечивается недряное, иконичное значение слова «дорога» как поступенный, трудный путь восхождения в мир горний к Первообразу.

В стихотворении Полонского «На корабле» (1856) также происходит преобразование смысла: сливаются прямое и потаённое значение слова «дорога».

Стихает. Ночь темна. Свисти, чтоб мы не спали!..

Ещё вчерашняя гроза не унялась:

Те ж волны бурные, что с вечера плескали,

Не закачав, еще качают нас.

В безлунном мраке мы дорогу потеряли...

А в финале стихотворения иконичное доминирует:

Все ясно: Божий день, вставая, зла не прячет...

Но — не погибли мы!.. и много спасено...

Мы мачты укрепим, мы паруса подтянем,

Мы нашим топотом встревожим праздных лень —

И дальше в путь пойдем, и дружно песню грянем:

Господь, благослови грядущий день!

[Полонский, «На корабле»]

Отметим, достойны сопоставления следование традициям и новаторские поиски Полонского и Шуфа; композиционная целостность их сборников стихотворений; образно-символическая, мо-

тивно-тематическая организация поэтических книг; поэтика заглавий; жанровое своеобразие; особенности строфики, мелодики, ритмики, звукописи и др.

Таким образом, надтекстовый и межтекстовый диалоги Полонского и Шуфа, интертекстуальное прочтение их произведений не только помогают воссозданию целостной, иконичной картины русской словесности, но и свидетельствуют о необходимости введения наследия Шуфа в контекст литературно-исторического процесса XIX–XX вв.

Литература

1. *Алексеева Л.Ф.* Значение Серебряного века для литературного процесса в Советском Союзе и Русском зарубежье // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): Сб. ст. по итогам II Междун. научн. конф. Под общ. ред. Л.Ф. Алексеевой, В.Н. Климчуковой, С.В. Крыловой. — 2016. — С. 7–15.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Сов. Россия, 1979. — 320 с.
3. Владимир Александрович Шуф: [сайт] [Электронный ресурс] // URL: <http://v-shuf.narod.ru/> (дата обращения: 31.12.2018).
4. *Ильичев А.В.* Русская поэзия XVIII–XX веков. Интертекстуальные связи: опыт анализа. — СПб.: СПбГУП. 2007. — 204 с.
5. *Полонский Я.П.* Дорога // Я.П. Полонский. Стихотворения. — М.: Сов. Россия, 1981 [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_0010.shtml (дата обращения: 31.12.2018).
6. Полонский Я.П. На корабле [Электронный ресурс] // URL: <http://ouc.ru/polonskiy/na-korable.html> (дата обращения: 31.12.2018).
7. *Смирнова А.И., Саблина Е.Е.* «Говорю, чтобы мыслить» (Интертекстуальность в творчестве Д. Хармса) // Вестник ВолГУ. Серия 8. Вып. 8. — Волгоград, 2009. — С. 153–156.
8. *Шуф В.А.* Крымские стихотворения. 2-е изд., доп. — СПб.: тип. А. Пороховщикова, 1898 (обл. 1899). — 376 с. [Электронный ресурс] // <http://v-shuf.narod.ru/knigi.htm> (дата обращения: 31.01.2019).

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА

Аннотация. Статья посвящена вопросу исторического развития автобиографического романа. Данный жанр, зародившись в эпоху античности, прошел через многие этапы, претерпевая изменения, подвергаясь влиянию особенностей личности отдельного автора и его мастерства.

Ключевые слова: автобиографический роман, античность, жизненный путь, самосознание.

Abstract. The article is devoted to the problem of the development of the autobiographical novel. This genre originated in the times of antiquity has undergone some changes influenced by authors' both personal characteristics and experience.

Key words: autobiographical novel, antiquity, life experience, self-consciousness.

Любой текст принадлежит определенному жанру. Например, эпическому, лирическому, драматическому.

Сам термин «жанр» определяется по-разному: как кодифицированная организационная форма использования языка, как функционально-структурный тип воплощения темы, как объединенная модель типового текста и т.д. Различаясь в частности, все эти определения подчеркивают закреплённость, кодифицированность, стандартность жанровых рамок. Указание жанровых принадлежностей сразу определяет новый незнакомый читателю объект в знакомое множество. [Кухаренко 1988:84]. Жанр обуславливает структурные особенности произведения, в определенной мере влияет на его объем, косвенно отражается в его языковой субстанции.

Одной из известных в литературе жанровых принадлежностей является автобиографический роман.. Аристотель упоминал, что «поэзия говорит более об общем, история о единичном», которая много раз опровергалась и подтверждалась в разные эпохи. И это понятно, т.к. любой вид искусства изменчив. И литература не является исключением. В своем развитии «литература, как и искусство вообще, неизбежна связана с историей, человеческим фактором, следовательно, в фокусе ее изображения неизбежно пребывает человек». [Голубков 1962: 202]

Исследователи выделяют несколько этапов развития автобиографического жанра: античность, средние века, 18-19 вв., 20 в.

Точного времени появления жанра автобиографического произведения неопределенно. Определено только, что этот жанр известен литературоведению еще с античности. Однако, ранняя ли это античность или поздняя, неизвестно. Само же слова «автобиография» имеет греческие корни: *autys* — «сам», *bios* — «жизнь», *grapho* — «пишу». Поэтому можно предполагать, что становление жанра относится к поздней античности.

В то время существовали различные автобиографические формы, которые оказали значительное влияние не только на развитие европейской автобиографии, но и на развитие всего европейского романа. Античные биографы увлекались описанием жизни ярких личностей. Например, у философа и биографа Плутарха имеются знаменитые описания жизни греко-римского мира. Известно, что у Юлия Цезаря также имеются описания своих военных подвигов. Книга императора Древнего Рима Марка Аврелия «Размышления» считается также предшественником автобиографического жанра. Таким образом, античные произведения оказали влияние на складывание автобиографии как жанра. [Акматов: электронный ресурс]

В основе этих античных форм лежит новый тип биографического времени и новый специфически построенный образ человека, проходящего свой жизненный путь.

На классической греческой почве выделяется два типа автобиографий, первый из которых назван платоновским типом, т.к. он нашел наиболее отчетливое и раннее выражение в произведениях

Платона. Например, «Апология Сократа», «Федон». [Бахтин 1975: 281] В его основе лежит хронотоп (время-пространство) — жизненный путь ищущего истинного познания. Путь проходит через самокритический скепсис и через познание самого себя к истинному познанию. В платоновской схеме имеется и момент кризиса и перерождения (слова оракула как поворот жизненного пути Сократа). Специфический характер пути ищущего раскрывается еще яснее при сопоставлении с аналогичной схемой пути восхождения души к созерцанию идей («Пир», «Федр» и др.). Здесь ясно выступают мифологические и мистериально-культовые основы этой схемы. [Бахтин 1975: 281]

Второй греческий тип — риторическая автобиография, в основе которого лежит «энкомион» — гражданская надгробная и поминальная речь. Говоря об этом типе, необходимо отметить, что данные автобиографические формы не были произведениями литературно-книжного характера. Это были словесные гражданско-политические акты публичного прославления или самоотчета реальных людей, которые проходили в условиях реального хронотопа — площади. На ней впервые раскрылось и оформилось автобиографическое самосознание человека и его жизни на античной классической почве. Однако внутреннего человека — «человека для себя» еще не было. Человек был весь вовне. Эта сплошная овнешненность является очень важной особенностью образа человека в классическом искусстве и литературе. [Бахтин 1975: 284]

И лишь с римской эпохи начинается процесс перевода сфер бытия в человеке на немой регистр, который не завершился на античной почве. [Бахтин 1975: 285] В последующие эпохи незримые сферы, которым стал причастен человек, исказили его образ. Немота и незримость проникли вовнутрь его. Вместе с ними появилось одиночество. У человека в его личной жизни появилось много объектов, не подлежащих опубликованию.

В отличие от греческих, римские автобиографические произведения являются документом семейно-родового самосознания. Автобиографическое самосознание не становится приватным и интимно-личным, а сохраняет публичный характер. Произведение

пишется в порядке передачи семейно-родовых традиций и хранится в архиве. Это делает автобиографическое самосознание публично-историческим и государственным.

Существенной автобиографической формой на римской почве являются работы о «собственных писаниях», в которых перечисляются наименования собственных произведений, раскрываются их темы, отмечается их успех у публики, дается автобиографический комментарий к ним (Цицерон, Гален). В последовательности собственных произведений дан существенный след биографического времени. Наряду с этим самосознание раскрывается перед определенным кругом читателей своих произведений. Автобиографическая сосредоточенность на себе и на своей собственной жизни приобретает некоторый минимум существенной публичности нового типа, к которому относится «Retractations» бл. Августина.

В период Средневековья как автобиографический жанр играли немаловажную роль исповеди. В X-XIII веках в Европе появляются большие города, происходят изменения не только в экономической жизни населения, но и духовной сфере. Средневековая городская культура признавала рационализм как мировоззрение, основу которого составляет разум. Поэтому человек, наделенный разумом и способный к размышлению, приобретает небывалое значение. [Акматов: электронный ресурс]

В эпоху Возрождения возрос интерес к отдельной человеческой личности, потому что гуманизм, как ренессансное философское течение, поместил в центре мира личность человека. И в эпоху Возрождения в живописи развивается жанр портрета (и автопортрета), а в литературе - лирическая поэзия. Здесь символично назвать творчество итальянского поэта Франческо Петрарки. [Акматов : электронный ресурс]

Время расцвета автобиографического жанра — это век Просвещения. «Исповедь» философа, французского писателя Жан-Жака Руссо стала важным этапом в развитии автобиографии как жанра. Руссо как родоначальник сентиментализма оказал огромное влияние на развитие мировой философии и литературы. Его Исповедь — это поэтический рассказ о человеке и его отношениях с окружаю-

щей действительностью, природой, людьми. В произведении Жан-Жака Руссо имеются много лирических описаний природы и рассказы о любви автора. [Павлова 2002:38]

Автобиографические мотивы присутствуют также и в поэзии, в таких сочинениях, как «Сатиры» и «Послания» Горация, «Паломничество Чайльд-Гарольда» Д. Байрона, «Новая жизнь» Данте и др.[Мильчина 1987: 12]

Известны случаи, когда в жанр автобиографии включали вымышленные истории. Например, известные произведения Д. Дефо «Робинзон Крузо», Д. Свифта «Приключения Гулливера», В. Скотта «Роб Рой», У. Теккерея «Приключения Родерика Рэндома». Но происходило также и обратное. Писатели заставляли своих героев пройти через испытания, с которыми они сами столкнулись в жизни. В качестве примеров можно назвать «Джейн Эйр» Ш. Бронте, «В поисках утраченного времени» М. Пруста, почти все произведения Л.Н.Толстого, среди которых особо выделяется трилогия «Детство. Отрочество. Юность». В данном произведении главной целью Л.Н.Толстого было показать развитие человека как личности в детские годы, годы отрочества и юности, когда человек познает мир и чувствует себя его частицей, свою связь с ним. [Акматов : электронный ресурс]

Таким образом, появившись еще в античную эпоху, автобиографический жанр прошел огромный путь развития, отражаясь в произведениях писателей различных эпох, каждый из которых имеет свои особенности стиля изображения, изложения материала и языка.

Литература

1. Акматов К.К. [Электронный ресурс] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25511929&> (дата обращения: 07.02.19)
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худ.лит., 1975. — 504 с.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман. — СПб: Азбука, 2000. — 304 с.
4. Голубков В.В. Методика преподавания литературы. — М.: Просвещение, 1962. — 495 с.

5. *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. — М.: Просвещение, 1988. — 192 с.

6. *Мильчина В.А.* Автобиография // Литературный энциклопедический словарь / В.А. Мильчина - М.: Сов. энциклопедия, 1987. - с.12 .

7. *Павлова С.Ю.* Автобиография как литературный жанр // Проблема литературного диалога: Сб. научн. тр. — Саратов: Изд-во Лантана В.П., 2002. —с.38 —42

8. *Эйдельман Т.* [Электронный ресурс] // URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie (дата обращения: 03.02.19)

Н.А. Гусейнова
МГИМО МИД России, Одинцовский филиал
Одинцово, Россия

К ВОПРОСУ ОБ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПРОФЕССИЙ)

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы, касающиеся активных процессов в лексике современного русского языка на материале одной из наиболее интенсивно развивающихся групп лексики, — наименований лиц по профессии, роду деятельности, специальности; анализируются источники пополнения данной группы лексики.

Ключевые слова: лексика, словарный состав, наименования лиц по профессии, роду деятельности, специальности.

Abstract. The article analyzes a dynamic process in the lexical system of modern Russian language on the base of intensively developing vocabulary - the names of persons on vocation, profession, occupation and determines the sources of replenishment of this lexical group.

Key words: lexical system, vocabulary, the new names of persons on vocation, profession, occupation.

Коренные изменения всех сфер жизни российского общества, начавшиеся в 90-е годы XX в., отразились и на словарном составе русского языка. В XXI веке объём знаний стремительно увеличивается, и, следовательно, стремительно увеличивается и словарный состав языка, поскольку для новых понятий нужны новые обозначения.

Во многих исследованиях, посвященных вопросам развития языка, отмечалось, что именно лексический фонд языка подвергается изменениям в гораздо большей степени, чем другие подсистемы языка [Лопатин 1973, Виноградов 1977, Костомаров 1994].

Основные процессы в лексике современного русского языка описаны лингвистами и хорошо известны. Это уход из употребления устаревших или устаревающих слов, выражающих неактуальные для сегодняшнего дня понятия; это появление новых слов, понятийно актуальных, ранее отсутствовавших в языке; это возвращение к жизни прежде неактуальных лексем, связанных с понятиями религии, дореволюционного образования, административно-территориального деления, социальной структуры общества; это переоценка некоторого круга слов, связанных с социально-экономическим переустройством российского общества; это иноязычные заимствования и разрастание сфер распространения жаргонной лексики и расширение состава лексических групп социально или профессионально ограниченного использования [Валгина 2001].

Одной из наиболее активно развивающихся групп лексики, безусловно, является группа наименований лиц по профессии, роду деятельности, специальности. Лексикографические издания не всегда успевают фиксировать неологизмы, обозначающие новые профессии; справочники и классификаторы профессий и должностей отображают только отобранные речевой практикой наименования. Исследователь Н.В. Исаева [Исаева 2013: 57-66] предлагает классифицировать появившиеся в последние десятилетия в речевой практике новые профессии и специальности по следующим тематическим группам:

1) финансовая и банковская деятельность: *джоббер, коллектор, трейдер, позишн-трейдер (флотрейдер), скальпер*;

2) экономика, коммерческая деятельность: *дистрибьютор, индент-агент, прокурисст, консигнатор, топ-менеджер*;

3) организация производства и контроль за деятельностью фирм, компаний, предприятий: *риск-менеджер, инсайдер, рекрутер, хедхантер, эйчар, ресечер, тренинг-менеджер, коучер/коуч*;

4) IT-технологии, оргтехника, Интернет: *контент-инженер, комьюнити-менеджер, модератор, оптимизатор сайта, сервис-менеджер, тестировщик ПО, IT-специалист, WEB-мастер / Веб-мастер, этичный хакер*;

5) рекламная деятельность, пиар: *баннер-мейкер/ банермейкер, имиджмейкер, медиа-байер, медиа-планер, клипмейкер*;

6) сфера услуг: общественное питание, гастрономия, кондитерское мастерство: *бариста, кальящик, кандалатчи, пиццамейкер, сушист, титестер, фуд-стилист, фумелье, хостес, шоколатье*; косметология, красота, мода: *брейдер, пирсингер, трендвотчер, шопер*; развлечения, организация досуга: *багажист, визовый менеджер, метрдотель, отельер, event-менеджер*; уборка помещений, территорий, помощь в ведении домашнего хозяйства: *гринкипер, менеджер по клинингу, фитодизайнер* и др.

Отметим, что наиболее активно пополнение языка новыми наименованиями лиц по профессии происходит за счёт заимствований. В большинстве случаев речь идёт о прямых заимствованиях из языка-донора. Заимствованные единицы проходят процесс адаптации в русском языке, начинают участвовать в словообразовании, образуют парадигматические связи. Кроме того, исследователи обращают внимание на то, что «при наличии в новых заимствованных словах общей семы наблюдается и словообразовательное сходство, прослеживается определенная образовательная модель построения слова, а повторяясь в нескольких словах, она становится легко узнаваемой даже людьми, не владеющими языком-источником. В настоящее время выделились, например, группы так называемых «райтеров» (от англ. *writer* — писатель) — *копирайтер, рерайтер, спичрайтер*; «мейкеров» (от. англ. *maker* — творец, создатель) — *баннермейкер, пейджмейкер, хендмейкер, пиццамейкер*» [Исаева 2010: 14].

Очевидно, что в эпоху глобализации именно английский язык является как языком-источником, так и языком-посредником для новых наименований лиц по профессии. Помимо английского, незначительная часть заимствованных наименований приходит на русскую почву из французского (*сомелье, фумилье, кавист, визажист, консьерж, отельер* и др.) и итальянского языка (*пиццайоло, импресарио*). Отмечаются также немногочисленные «заимствования из семитской, тюркской языковых групп, японского языка, которые обозначают в основном предметы быта, культуры (экзотизмы), от названия которых на русской словообразовательной почве обра-

зовались новые наименования: *мангальщик, рольщик, сушист, хам-мамищик*» [Исаева 2010: 14].

Наименования лиц по профессии, заимствованные в русский язык, проходят период адаптации, поэтому часто наблюдается вариативность в написании неологизмов: так, например, до фиксации в словарях слово «риелтор» (<англ. *realtor*), пришедшее в русский язык вскоре после перестройки, встречалось в текстах в четырех вариантах написания, на что указывал М. Кронгауз: *риэлтор, риел-тор, риэлтер, риелтер* [Кронгауз 2014: 80]. Интересно, что известный ученый описывал как наиболее уместный с лингвистической точки зрения вариант написания этого слова с буквой э — *риэлтор*, а словари как окончательно устоявшуюся норму в настоящее время фиксируют форму с буквой е — *риелтор*.

В настоящее время активно расширяется группа наименований лиц по профессии, специальности, роду деятельности за счет:

1) сужения специализации деятельности (*кассир-бухгалтер, кассир-координатор, бухгалтер-калькулятор, продавец выходного дня*). Отмечено, что самым частотным словом, входящим в состав подобных сложных наименований в качестве первого или второго компонента, является слово *менеджер* — с ним образовано более 50 наименований лиц по профессии, роду деятельности [Исаева 2010: 11]);

2) полифункциональности профессиональных задач (*дизайнер-ведущий крафт-вечеринок*: «Вечеринки Articeplace ведут дизайнеры, помогая участникам сделать handmade аксессуары для себя или своих близких за несколько часов в творческой атмосфере и приятной, воодушевленной компании. Очень хорошо, если у вас есть талант ведущего. Требуются яркие личности» [<https://hh.ru/vacancy/29741671>]; *ночной аудитор (в гостиницу)* («Обязанности: прием и размещение гостей в ночное время; осуществление наличного и безналичного расчёта с гостями; информационная поддержка гостей; контроль качества услуг клининга; проведение и обеспечение корректности процедуры ночного аудита; проверка и оформление необходимой финансовой отчетности; подготовка документов для бухгалтерии/руководства гостиницы» [<https://hh.ru/vacancy/29405113>];

3) учета гендерных различий в обозначении профессий (использование так называемых «феминитивов»): *бар-леди / бармен* [<https://hh.ru/vacancy/29330755>]; *кофе-леди / кофе-мен* [<https://hh.ru/vacancy/29164213>]; недавно появившееся обозначение профессии «авторка» явно противоречит нормам современного русского языка, но уже существует на страницах некоторых рекламных печатных изданий: «МУР Соболева, авторка Телеграм-канала *Fierce&Cute*» [Подружка. — № 1. — Январь 2019];

4) вследствие замены нейтрального или стилистически сниженного наименования профессии более престижным: *хозяйка кассы* (вместо *кассира* — в магазине «Ашан»), *хаусмен* (вместо *уборщика* — в отеле *Four Seasons* [<https://hh.ru/vacancy/26018076>]), *хаусмастер* (вместо *техника* — в сети ресторанов *ДИМСАМ* [<https://hh.ru/vacancy/29736655>]); *хозяйка / хозяин чистоты* (вместо *уборщицы / уборщика* в сети ресторанов «Бакинский бульвар» [<https://hh.ru/vacancy/29573230>]).

5) отмечается также процесс пополнения лексики, обозначающей лиц по профессии, за счет перехода некоторых наименований из пассивного словаря в активный в результате актуализации отдельных профессий, например: *гувернёр / гувернантка, дворецкий, швейцар, коммивояжер, сваха (брачный консультант / специалист по работе с клиентами), консьерж / консьержка*. Отметим, что наименование профессии *консьерж* стало использоваться в настоящее время не только в первоначальном значении «швейцар, привратник при доме», но и в новом — «персональный ассистент со знанием английского языка»: «Сервисная компания *PRIME* предоставляет клиентам уникальный комплекс услуг: от организации путешествий и мероприятий разных форматов до корпоративного обслуживания компаний. Мы специализируемся на *lifestyle management* и предлагаем услуги консьерж-службы. 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, 365 дней в году персональные ассистенты готовы решать задачи любого уровня сложности, в том числе самые нестандартные» [<https://hh.ru/vacancy/29569172>].

Итак, активные процессы, происходящие в языке, особенно ярко отражаются в лексике. Развитие российской экономики не только требует привлечения большого числа новых специалистов,

но и приводит к обогащению русского языка целым рядом новых лексических единиц, обозначающих лиц по профессии, роду деятельности, специальности. Появление в языке новых слов дает хороший материал для исследования не только тенденций развития языка на определённом этапе, но и позволяет судить об уровне развития общества. На необходимость глубокого исследования проблем неологии указывал академик Л.В. Щерба: «Совершенно очевидно, что каждый культурный народ должен следить за изменениями в словаре своего языка» [Щерба 1966: 74].

Литература

1. Аллен Р. Толковый словарь английского языка=Oxford Primary Dictionary. — М.: Астрель: АСТ, 2007. — 568 с.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. — М.: Логос, 2001. — 304 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-009.htm> (дата обращения: 01.02.2019)
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — 312 с.
4. Исаева Н.В. Новые наименования лиц на рынке труда (структурно-семантический и функциональный аспекты): автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 2010. — 20 с.
5. Исаева Н.В. Новые специальности на рынке труда // Русская речь. — № 4. — 2013. — С. 57-66.
6. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 247 с.
7. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. — М.: АСТ: CORPUS, 2014. — 480 с.
8. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. — М.: Наука, 1973. — 152 с.
9. Щерба Л.В. О словарях живого литературного языка // Современная русская лексикография. — М., 1966.
10. Сайт Head Hunter [Электронный ресурс] // URL: <https://hh.ru/> (дата обращения: 02.02.2019)

Раздел 5.

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Л.С. Чикилева

Финансовый университет при Правительстве РФ

Москва, Россия

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ МАГИСТРАТУРЫ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Аннотация. Целью статьи является выяснение роли преподавателя в мотивации студентов магистратуры при обучении публичной речи. Публичная речь играет важную роль в современном обществе. Чтобы стать хорошим профессионалом и быть успешным в бизнесе, политике, науке и во многих других областях, необходимо овладеть умениями и навыками публичных выступлений. На мотивацию студентов, изучающих основы публичных выступлений, влияют следующие факторы: интерес к изучаемому предмету, осознание целей изучения данного предмета и необходимости его изучения, увлеченность во время занятий, вера в собственные возможности, преодоление внутреннего страха в процессе выступления, удовлетворение достигнутыми результатами. Для успешной мотивации студентов преподаватель должен заинтересовать обучаемых, способствовать формированию у них позитивной самооценки, развитию чувства собственного достоинства; создавать благоприятную образователь-

ную среду, регулярно использовать в учебном процессе smart технологии.

Ключевые слова: мотивация, публичная речь, образовательная среда, эффективная коммуникация.

Abstract. The purpose of the article is to clarify the role of the teacher in motivating students taking a course in public speaking. Public speech plays an important role in modern society. To be successful in business, politics, science and many other areas, it is necessary to learn and practice strategies for effective delivery and critical thinking. To motivate the students who study public speaking, the following factors should be taken into consideration: their interest in the subject, awareness of the objectives of the study, enthusiasm during classes, belief in their own abilities. It is of great importance for language learners to be able to overcome stage fright and be satisfied with the achieved results. Teachers are supposed to encourage students, create friendly educational environment, use smart technologies in the educational process.

Key words: motivation, public speaking, educational environment, effective communication.

О владение публичной речью имеет большое значение в формировании личности студента как в условиях бакалавриата, так и магистратуры. Умение убедительно и уверенно выступать перед аудиторией является одним из главных умений в эффективной коммуникации. Развитие навыков и умений выступать публично имеет первостепенное значение в магистратуре, так как магистранты более четко осознают свои профессиональные цели и задачи, а также необходимость развития общекультурных и профессиональных компетенций [Чикилева 2015: 88-89]. Развитие навыков публичной речи на иностранном языке связано с растущим интересом к овладению стратегиями эффективной коммуникации [Чикилева 2017: 280-287]. Не вызывает сомнения тот факт, что студенты магистратуры должны быть мотивированы на изучение основ публичных выступлений [Чикилева 2014; 2015], поэтому на первом занятии проводится вво-

дная лекция о важности изучения этого предмета, во время которой осуществляется показ видеоматериалов и проводится их риторический анализ. Студенты узнают о многих преимуществах, которые им дает владение публичной речью. Для того, чтобы сформировать у студентов риторические навыки и умения, необходимо познакомить студентов с основами речевого мастерства. С этой целью можно использовать видеоматериалы, в процессе просмотра и обсуждения которых формируется уважительное отношение к другой культуре, расширяется кругозор, что способствует личностной самореализации будущих специалистов. Опыт работы показывает, что если постоянно уделять внимание поддержанию интереса обучаемых к данному предмету, создавать благоприятную образовательную среду, то это непременно хорошо отразится на результатах работы. Чтобы повысить интерес к предмету, нужно уделять особое внимание подбору видеоматериалов для просмотра и анализа, а также выбору тем при подготовке собственных выступлений студентов. Необходимо принимать во внимание профессиональные интересы аудитории, возрастные особенности и общий культурный уровень. Положительную роль в повышении мотивации играет атмосфера сотрудничества, работа в команде. При составлении текста выступления и его коррекции учитывается мнение всех членов команды, что в итоге приводит к положительным результатам. В зависимости от наполняемости учебной группы можно разделить студентов на несколько команд, по два или три человека в каждой команде. При выборе тем выступлений необходимо принимать во внимание уровень владения иностранным языком, личные и профессиональные интересы студентов, а также их индивидуальные особенности. Студенты изучают основные принципы составления тезисов, рассматривают различные способы убеждения, приобретают навыки установления контакта с аудиторией и приемы вербального и невербального воздействия. Они знакомятся с таким понятием, как имидж оратора [Чикилева 216: 220-232].

Особое внимание нужно уделять работе самостоятельной работе студентов. В частности, студенты магистратуры могут самостоятельно посмотреть рекомендованные им публичные выступления

из цикла Ted Talks, выбрать в этой серии наиболее интересные для них выступления, прокомментировать содержание этих выступлений и их риторические особенности.

Особое внимание уделяется формированию позитивной самооценки и развитию чувства собственного достоинства. В связи с этим задача преподавателя состоит в том, чтобы научить студентов критически оценивать не только собственные публичные выступления, но и выступления своих однокурсников. При оценке и самооценке выступлений рекомендуется начинать с достоинств и только после этого переходить к недостаткам.

Несмотря на ограниченное количество часов, которое отводится на изучение основ публичных выступлений, очень важно показать студентам практическую значимость данного предмета. Для повышения мотивации можно использовать различные формы работы. С этой целью представляется полезным проводить конкурсы ораторского мастерства или конкурсы на лучшую презентацию, в которых могут принять участие все студенты группы. Атмосфера состязания и выявления победителей помогает активизировать внутренние резервы личности, реализовать творческие и артистические способности, успешно преодолеть психологические барьеры. Участие в конкурсах на лучшего оратора предоставляет обучаемым уникальную возможность развить коммуникативную культуру. Многие студенты испытывают определенные трудности, когда им приходится выступать публично на иностранном языке, так как у них отсутствуют навыки публичных выступлений на родном языке.

Важно, чтобы во время проведения конкурса среди слушателей были не только студенты одной группы, но и представители других студенческих групп, а также и другие преподаватели. Это способствует повышению эффективности выступлений и создает более реальную обстановку во время произнесения речи. При подготовке к конкурсу большое внимание уделяется выбору темы, особое внимание обращается на межпредметные связи [Чикилева 2018: 476-481]. Студенты приобретают навыки поисковой работы при сборе текстового материала. Они изучают статьи, работают с аудио- и видеоматериалами, а также изучают теоретические особенности

публичных выступлений, используя различные учебные пособия [Чикилева 2016: 209]. Во время подготовки к конкурсу и в процессе его проведения осуществляется видео и фотосъемка, чтобы позднее использовать полученные видео и фотоматериалы при обсуждении итогов, а также в процессе самоанализа выступлений. Оцениваются не только лингвистические, но и экстралингвистические параметры: мимика, жесты, позы оратора, а также выразительность выступления. Такой вид оценки мотивирует студентов на улучшение достигнутых результатов, помогает осознать допущенные ошибки и наметить пути их устранения.

Итак, можно выделить следующие факторы, влияющие на повышение мотивации: интерес к изучаемому предмету, осознание целей изучения данного предмета и необходимости его изучения, увлеченность во время занятий, вера в собственные возможности, преодоление внутреннего страха в процессе выступления, уверенность в себе, удовлетворение достигнутыми результатами. Эффективность процесса овладения публичной речью во многом зависит от того, насколько мотивированы студенты.

Литература

1. *Чикилева Л.С.* Оптимизация обучения иностранному языку в магистратуре на основе межпредметной интеграции // Ученые записки ИСГЗ. — Т. 16. № 1. Казань, Универсум, 2018. — С. 476-481.
2. *Чикилева Л.С.* Обучение студентов-заочников Финансового университета публичной речи // English Language Teaching Upgrade: Practices and Innovations. Сборник научных работ. — Москва, 2017. — С. 280-287.
3. *Чикилева Л.С.* Английский язык для публичных выступлений. English for public speaking: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. Сер. 69 Бакалавр и магистр. Мо- дуль. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 209 с.
4. *Чикилева Л.С.* Роль вербальных и невербальных средств в создании имиджа // Российский гуманитарный журнал. Т. 5. №2.— 2016. — С. 220-232.

5. *Чикилева Л.С.* Формирование коммуникативной компетенции в процессе обучения публичной речи на уроках делового иностранного языка // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2015. — С. 55-59.

6. *Чикилева Л.С.* Мотивация студентов при изучении профессионального иностранного языка // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания. Материалы Второй научно-практической конференции. Ред. коллегия: Е. Б. Ястребова, Е. А. Лукьянченко. Отв. редактор Д. А. Крячков. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 259-263.

7. *Чикилева Л.С.* Роль мотивации в процессе изучения иностранного языка и формирования личности студента-заочника // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения // Материалы VI Международной научно-практической конференции. Редакционная коллегия: Е.Н. Малюга, Т.А. Дмитренко, Е.В. Пономаренко, Ю.Н. Марчук, Е.В. Бреус. — Москва, 2014. — С. 79-81

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННОЙ И УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Описывается когнитивный аспект в обучении письменной и устной коммуникации на иностранном языке. Анализируется внешняя структура говорения и письма в зависимости от типа личности, и даются примеры заданий и упражнений для развития навыков устной и письменной коммуникации.

Ключевые слова. Когнитивный, коммуникация, толерантность, рефлексивность, импульсивность, визуальный и слуховой стиль.

Abstract. The article deals with the cognitive aspect in teaching of written and oral communication in a foreign language. The author analyzes the external structure of speaking and writing depending on the type of personality and gives examples of tasks and exercises for the development of oral and written communication skills.

Keywords. Cognitive communication, tolerance, reflexivity, impulsivity, visual and aural style.

Расширение международного сотрудничества во всех сферах деятельности российского общества требует подготовки качественно новых специалистов, способных к поликультурным контактам в социальной и профессиональной сферах, что включают в себя компетенции межкультурной коммуникации. Коммуникация от лат. «communicatio» — сообщение (как связь и общение), и от «communicare» — делать общим, беседовать, связывать, сообщать. При этом речь идет о процессе коммуникации и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения

с помощью различных средств коммуникации. Поэтому структура иноязычной коммуникативной компетентности достаточно сложна и включает не только лингвистический, информационный но и социально-культурологический компонент (знания о партнерах по коммуникации и реалиях другой культуры). Основные характеристики коммуникативного общения: цель, результат, способы, средства и единицы общения.

Выражением мыслей в устной форме (устная речь), производится на основе фонетических, лексических, грамматических навыков. Внешняя структура устной речи состоит из компонентов:

1. *Мотивационно-побудительной*: для чего (потребность), зачем (мотив, побуждение собеседника) и что сказать (цель).

2. *Аналитико-синтетической*. Выбор хранящихся в памяти слов (анализ) и включение их в речевое целое (синтез). При анализе происходит отбор готовых к употреблению единиц иностранного языка (например: *Darf ich reinkommen, ich bin dienstlich hier...*) Включается моторная память, используются вербальные средства, а также синтез — достраивание, конструирование, комбинирование - грамматическое структурирование фразы.

3. *Контрольно-исполнительной* — внешнего оформления высказывания и контроля с задачей сигнализировать о возможных ошибках и способствовать их исправлению. Все перечисленные компоненты составляют структуру говорения как вида речевой деятельности.

Когнитивный подход к обучению основан на когнитивной психологии, согласно которой обучаемый является активным участником процесса обучения, а не объектом обучения. В психологии известны различные психологические особенности человека, которые определяют следующие типы его личности, влияющие на процесс учения:

- интровертивный (спокойное, уравновешенное поведение, самоанализ) и экстравертивный (любят общение, стремятся к лидерству, бурно выражают эмоции);
- дедуктивный (умозаключения — от общего к частному) и индуктивный (от частного к общему);

- инертный (рациональное мышление, сознательный подход, произвольное внимание, анализ) и лабильный (интуитивно-чувственное мышление, непроизвольное внимание, целостное восприятие материала).

В зависимости от индивидуальных психологических особенностей личности формируется определенный способ деятельности — когнитивный стиль в процессе познания. Применительно к изучению иностранных языков основными когнитивными стилями можно считать:

- полевую независимость (field independence) - способность выделять нужный объект среди ряда объектов;
- полевую зависимость (field dependence) - неумение выделить нужный объект.

Личностные особенности студентов, связанные с когнитивным фактором:

- толерантность: способность быть терпимым, воспринимать материал, противоречащий взглядам, овладевать материалом различными способами, которые даже не характерны для его стиля познания;
- рефлексивность, когда сначала обдумывают и взвешивают свое речевое поведение, а затем принимают решение и вносят коррективы, и -импульсивность, предполагающую быстрые, зачастую необдуманные ответы, которые нередко изобилуют ошибками;
- визуальный стиль характерен для студентов, которые отдают предпочтение чтению, для лучшего запоминания используют таблицы, диаграммы и рисунки; обучаемые со слуховым стилем предпочитают запоминать материал на слух;
- рискованность, что необходимо для изучения иностранного языка и преодоления психологического барьера;
- самоанализ и самооценка, склонность к завышенной или заниженной самооценке;
- состояние волнения в процессе обучения,
- эмпатия — способность к сопереживанию, которая проявляется в процессе выполнения заданий, где нужно учитывать способности и возможности собеседника, терпимо относиться к его ошибкам.

В лингвистике различают две формы устной коммуникации, т.е. монологическую и диалогическую речь. *Монолог* — речь одного лица, выражающего свои мысли. *Диалог* — форма речи, при которой происходит обмен высказываниями между двумя или несколькими лицами. Разграничение между диалогической и монологической речью условно, поскольку монологическая речь также предусматривает наличие слушателя и вероятно поэтому, включена в диалогическую, точнее, в устно-речевое общение, которое по своей природе диалогично. В большинстве случаев принята стратегия обучения устной речи от диалогической к монологической речи.

Традиционно различают три компонента содержания обучения говорению: лингвистический, психологический и методологический. Лингвистический компонент заключается в воспроизведении языковых и речевых единиц, которые усваиваются в учебных ситуациях по конкретным темам; психологический — в овладении навыками и умениями экспрессивной речи; методологический — в умении пользоваться опорами, осознанно производить действия, необходимые для осуществления говорения. В когнитивном аспекте обучение устной речи производится с помощью условно-коммуникативных реплик, например:

- утверждению (*Bestätigen Sie meine Aussage\Bestätigt meine Aussage; Antworten Sie mit „Ja“\ Antwortet mit „Ja“* / Подтверди \те мое высказывание. Ответь\те утвердительно);
- обучение переспросу, выражению сомнения, предположения (*Fragen Sie, ob\ Frage, ob/ Спроси\те , так ли...);*
- обучение возражению, отрицанию (*Widerspricht mir! Antwortet mit „Nein“! / Widersprechen Sie mir! Antworten Sie mit „Nein“!* Возрази\те мне, ответь\те отрицательно!);
- обучение запросу информации с помощью вопросительных предложений с вопросительным словом: (*Fragt, wer das ist, was das ist? Fragen Sie, wer das ist, was das ist?* Спроси\те кто это, что это?);
- обучение побуждению, просьбе (*Lassen Sie ihn an die Tafel gehen\ Laß ihn an die Tafel gehen* / Попроси\те его пройти к доске).

Письменная речь неразрывно связана с устной и возникла на базе звучащей речи, как способ фиксации звуков языка для сохра-

нения и последующего воспроизведения информации. Чтение является переходной формой от говорения к письму, сочетая в себе признаки того и другого.

Известное положение о неразрывном взаимодействии анализаторов коры головного мозга обуславливает взаимосвязь различных видов речевой деятельности. Поэтому отставание одного вида речевой деятельности тормозит развитие других видов. Письменная речь — это письменная фиксация устного высказывания для решения определенной коммуникативной задачи. Она включает: графику (систему знаков-графем), орфографию, запись - письменную фиксацию языковых единиц.

Рассматривая психологическую характеристику письма, устной и письменной речи, следует указать, что это экспрессивный вид деятельности. Здесь взаимодействуют двигатели зрительного, слухового, речевого и моторного анализаторов. В процессе письма функционируют не только перечисленные выше анализаторы, но и тесно взаимодействующие с ними словесно-логическая, образная, моторная память, способствующие созданию ориентиров и опор для речемыслительной деятельности. Конечной целью обучения письменной коммуникации является умение письменно выражать свои мысли: делать выписки из текста; составлять и записывать план прочитанного или прослушанного текста; писать поздравление, пожелание и т.д.; заполнять формуляр; писать личное, официальное и полуофициальное письмо, аннотацию, реферат, рецензию, эссе и т.д. В профессиональной сфере — уметь пользоваться письмом в области профессионально-ориентированных и личностных интересов в ситуациях официального и неофициального характера, высокой сложности и большом объеме текста.

Таким образом, готовность к иноязычному общению выступает важным показателем профессионализма современного специалиста и представляет собой профессионально значимое качество, обеспечивающее установление с зарубежным партнером отношений паритетного сотрудничества и выработку конструктивного решения проблем.

Литература

1. *Бориснёв С. В.* Социология коммуникации: Учеб. пособие для вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — 270 с. — ISBN 5-238-00513-X
 2. *Бредихина И.А.* Методика преподавания иностранных языков : Обучение основным видам речевой деятельности : учеб. пособие / И. А. Бредихина ; М-во образования и науки Рос. Федерации : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 104 с. ISBN 978-5-7996-2296-1
 3. *Гальскова Н.Д., Гез Н.И.* Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учебн. пособие — 3-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2006 — 336 с. ISBN 5-7695-2969-5
 4. *Яковлев И. П.* Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. — СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2006. — 237 с.- ISBN 5-94860-033-5 («Авалон»); — ISBN 5-352-01703-6
 5. *Шарков Ф. И.* Коммуникология: основы теории коммуникации: Учебник / Ф. И. Шарков. — М.: Издательско+торговая корпорация «Дашков и К°», 2010. — 592 с. ISBN 978-5-394-00299-1
 6. <http://www.wikipedia.ru>
-

Н. В. Сеницына, П.А. Почкун
МГИМО МИД России, Одинцовский филиал
Одинцово, Россия

РОЛЬ И ЗАДАЧИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПРИ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТА-ИНОСТРАНЦА В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ

Аннотация. Авторы рассматривают адаптацию как актуальную педагогическую проблему, обусловленную социокультурным и этнопсихологическим своеобразием иностранных студентов. Особое внимание уделяется роли преподавателя ВУЗа и задачам, стоящим перед ним в организации социально-культурной адаптации иностранных граждан к условиям обучения в России на примере преподавателя иностранного языка относительно студентов из ближнего зарубежья.

Ключевые слова: преподаватель, студенты-иностранцы, социокультурная адаптация, образовательная среда.

Abstract. The authors consider adaptation as a topical pedagogical problem caused by socio-cultural and ethno-psychological originality of foreign students. Particular attention is paid to the role of the lecturer and the challenges facing him in the organization of socio-cultural adaptation of foreign citizens to the conditions of education in Russia on the example of a foreign language teacher concerning students from the neighboring countries.

Key words: lecturer, foreign students, sociocultural adaptation, educational environment.

Тема адаптации студентов к вузу широко рассматривается отечественными исследователями различных научных направлений, которые выделяют, по крайней мере, три фактора успешной адаптации иностранных студентов: социокультурный, социокоммуникативный, социобывтовой. [Моднов 2013:111]. Вместе с тем вопросу роли преподавателя высшей школы в адаптации иностранных сту-

дентов к вузовским условиям в России, как правило, уделяется недостаточное внимание. В связи с этим авторы данной статьи ставят цель обозначить задачи, стоящие перед педагогом и определить его роль в организации социально-культурной адаптации иностранных граждан к условиям обучения в России на примере преподавателя иностранного языка относительно студентов из ближнего зарубежья. Следует заметить, что студенты из стран ближнего зарубежья составляют большую долю иностранных студентов в российской образовательной среде.

Глубокое изучение научно-педагогического материала по проблеме адаптации студентов-иностранцев позволило сформулировать следующие задачи, стоящие перед преподавателем вуза:

- Овладение навыками педагогического общения.
- Создание и обеспечение благоприятного социально-психологического климата в интернациональной группе студентов.
- Обучение студентов межкультурному и межличностному общению.
- Осуществление личностно-ориентированного и индивидуального подхода на занятиях.

В ходе образовательного и воспитательного процесса осуществляется педагогическое общение преподавателя и иностранных студентов. Именно грамотно организованное педагогическое общение является одним из факторов успешной адаптации студентов, что, в свою очередь, ведет к совершенствованию учебно-воспитательного процесса и развитию межкультурной компетентности иностранных учащихся. Поэтому преподаватель в многонациональных группах должен не только постоянно повышать педагогическое мастерство, но и уровень общекультурной компетенции, приобретая знания, умения и навыки, отвечающие требованиям современного вуза. Практика показывает, что при построении педагогического общения нет второстепенных вопросов. Даже тон и тембр голоса могут оказаться травмирующими и недопустимыми для студентов-иностранцев. Студенты из азиатского региона, например, негативно воспринимают громкий голос, принимая его за крик. Между тем, чтобы поддерживать внимание слушателей, в том числе ино-

странных, речь преподавателя должна быть в меру эмоциональной, но при этом хорошо поставленной и грамотной. Мимика и жесты преподавателя должны быть понятны и приняты студентами. Таким образом, педагог должен владеть технологией и техникой педагогического общения, эффективно использовать вербальные и невербальные средства и приемы воздействия на обучаемого. Не менее важным моментом в педагогическом общении является отношение ко времени. Большинство студентов-иностранцев, обучающихся в России, относятся к так называемым полихромным культурам и не умеют планировать учебное время. Им сложно не опаздывать на занятия, особенно в первые месяцы обучения, потому что в их странах время воспринимается формально, и люди не живут по расписанию. Им также трудно адекватно воспринимать временные ограничения выполнения квизов и тестов, так как в их культурах достигнуть цели важнее, чем соблюсти временные рамки. Представления о гендерных ролях в обществе также разнятся. Студенты должны привыкнуть к осознанию значимости женщин, к роли преподавателя-женщины в российском обществе и в российской образовательной среде.

Знание педагогом культурных коннотаций студентов способствует установлению диалога между студентами и наставником. Учащиеся из Средней Азии и Кавказа, например, высоко ценят уважительное отношение к культуре своего народа, истории, национальным чувствам и традициям. Заинтересованность преподавателя в изучении культуры страны происхождения студентов оказывает положительное влияние на процесс адаптации и является важным элементом системы педагогического общения. Если студент осознает, что наставник знаком с особенностями культуры его страны, то он проникается доверием к данному преподавателю. Это способствует более успешному межличностному общению и мотивации студента улучшать академическую успеваемость, проявлять общественную и научную активность, которые в свою очередь воспринимаются как факторы его успешной адаптации.

Контакт со студентами-иностранцами желательно устанавливать с самого начала обучения, когда они только входят в новую об-

разовательную среду. На данном этапе личная позиция преподавателя оказывает огромное влияние на работоспособность студентов, их поведение, психическое и физическое самочувствие. Преподаватель должен видеть в своих студентах личности, учитывать интересы всех студентов, чтобы ни один представитель другой культуры не чувствовал себя дискриминированным. К сожалению, количество случаев проявления национализма в студенческой среде не снижается. Педагогу необходимо вовремя почувствовать возникновение психологического дискомфорта в группе и нейтрализовать назревающий конфликт, принимая во внимание тот факт, что первостепенной задачей в многонациональном коллективе является формирование толерантного отношения друг к другу. Именно в рамках дисциплины «Иностранный язык» необходимо сформировать личность с толерантным менталитетом, мотивировать студентов на помощь сокурсникам, для которых и русский язык, и английский как язык посредник являются иностранными.

Понятие благоприятного социально-психологического климата становится ключевым как на начальном этапе адаптации иностранного студента, так и на протяжении всего процесса обучения. Если в многонациональном коллективе сложился устойчивый, здоровый, морально-психологический климат, то студенты-иностранцы проявляют трудолюбие, исполнительность, добросовестность. В тех же коллективах, где сложилась напряженная морально-нравственная атмосфера, они склонны к конфликтам и необдуманным поступкам.

Многолетний опыт работы в вузе показывает, что неформальные беседы один на один преподавателя и студента способствуют созданию доброжелательного психологического климата, повышению успеваемости иностранных студентов и, конечно, облегчают процесс адаптации в новом образовательном пространстве. Одной из эффективных форм установления доверительного общения в многонациональной группе представляется работа с портфолио, которая широко практикуется на кафедре английского языка Одиноцкого кампуса МГИМО. Высокий профессионализм преподавателя, его личностные качества, такие как порядочность, справед-

ливость и отзывчивость позволяют тактично выявить имеющиеся у студентов проблемы и трудности. Студенты не только откровенно делятся наболевшим, но и учатся самостоятельно оценивать свои успехи и неудачи. Преподаватель, в свою очередь, при проверке портфолио в приватной беседе, выполняет одну из основных задач — создает соответствующую благоприятную доверительную атмосферу, атмосферу психологической поддержки. В результате наставнику не приходится впоследствии тратить силы и время на поддержание дисциплины. Очевидно, что факты нарушения порядка на занятиях не является следствием какой-то изначальной человеческой склонности, а вытекает из недостаточной организованности учебного процесса, из-за нежелания или неумения преподавателя использовать все возможные средства эмоционального и психологического воздействия для создания нормальной атмосферы в учебной группе, избегая давления и назидательности.

Поскольку толерантное отношение к другому этносу строится на понимании мотивов поведения и поступков их представителей, то вполне естественно, что преподавателям вуза, особенно преподавателем языковых дисциплин, необходимо овладевать такими компетенциями, как социокультурная, этнопсихологическая, этнокультурологическая. В современном образовательном процессе речь идёт о создании новой модели обучения, которая требует способности человека рассматривать себя не только как представителя своего этноса, но и как гражданина мира, являющегося субъектом диалога культур. [Балыхина 2009: 10]. Преподаватели кафедры английского языка Одинцовского кампуса МГИМО, осознавая, что межкультурная коммуникация, как диалог культур может быть реализована исключительно на наследии собственного народа, национальной культуре, включают в материал урока национально-региональный компонент. Это развивает у учащихся умение представлять свою страну, свою малую родину в условиях межкультурного общения. Национально-региональный компонент в процессе обучения английскому языку и культуре выступает в роли связующего элемента, способствующего проникновению в изучаемую культуру. Студентам иностранцам при изучении тем «The average Russian family», «Russian cuisine»

предлагается предоставить материал о среднестатистической семье и национальной кухне их страны. С большим удовольствием учащиеся делятся информацией о национальном характере. Затем каждый аспект культуры сравнивается и сопоставляется, то есть подвергается кросс-культурной оценке. Педагогу при этом необходимо проявлять особый такт, полностью исключив навязчивую пропаганду своей культуры. Главным является не пропаганда национального, не противопоставление, а сопоставление различных культур и утверждение мысли, что культура сближает народы.

Преподаватель периодически проводит промежуточный контроль знаний студентов, по результатам которого осуществляется личностно-ориентированный и индивидуальный подход к студентам, испытывающим трудности в усвоении учебного материала на данном этапе обучения. В частности, применение парной и групповой работы на уроках иностранного языка позволяет педагогам дифференцированно строить свою работу со студентами из разных регионов, уделяя дополнительное время и внимание неуспевающим, в то время как остальная группа работает в заданном режиме. В этой ситуации преподаватель должен быть внимательным и доброжелательным, эмоционально уравновешенным и уверенным в себе.

В заключение, следует подчеркнуть, что значительную роль в процессе адаптации иностранных учащихся играет преподаватель вуза, перед которым стоит задача обеспечить для студентов-иностранцев свободный, комплексный подход к овладению знаниями, а также помочь в их скорейшей адаптации в новой социокультурной среде. Именно преподаватель с активной этноориентированной мировоззренческой позицией является центральной фигурой в процессе бесконфликтного введения студента-иностранца в образовательную среду России.

Литература

1. *Балыхина Т. М.* От методики к этнометодике: поликультурные аспекты обучения русскому языку. Русский язык в многополярном мире: новые лингвистические парадигмы диалога культур: сборник

статей международной научно-практической конференции, посвящённой 50-летию РУДН. — М.: РУДН, 2009. — 10–12 с.

2. *Дрожжина Д. С.* Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии. Эмпирические исследования. Universitas, Т. 1. № 3, 2013. — 33–47 с.

3. *Дрокина С.В.* Влияние культуры общения преподавателей на успешность психологической адаптации студентов: Материалы Всероссийского семинара. Том 2.- Томск: Издательство ТПУ, 2008. — 51–54 с.

4. *Моднов С.И., Ухова Л.В.* Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете. — Ярославский педагогический вестник, Т. I. — № 2, 2013. — 111–115 с.

5. *Ширяева И.В.* Особенности адаптации иностранных студентов к учебно-воспитательному процессу в советском вузе. — Ленинград, 1980. — 97 с.

Н.С. Вовченко
МГИМО МИД России, Одинцовский филиал,
Одинцово, Россия

**ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
РАЗРАБОТКИ МОДУЛЯ
ПРАКТИЧЕСКОГО КУРСА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА
НА ТЕМУ
“¿TRABAJAR PARA VIVIR O VIVIR PARA TRABAJAR?”**

Аннотация. Ведущая цель данного модуля — это формирование коммуникативной компетенции.

Сопутствующие цели и задачи

Образовательный аспект:

Формирование социокультурной компетенции

Задачи:

- Приобретение знаний о языке, его грамматическом строе и умение использовать в речи в соответствии с ситуацией.
- Приобретение знаний о сходстве и различии с родным языком.
- Удовлетворение познавательных интересов.

Ключевые слова: до текстовый этап, текстовый этап, после текстовый этап; продуктивный вид речевой деятельности, дифференцированный подход, коммуникативная задача, эксплицитный подход, дедуктивный метод.

Abstract. The leading goal of this module is the formation of communicative competence.

Related goals and objectives

Educational aspect is the formation of sociocultural competence.

Tasks:

- The acquisition of knowledge about the language, its grammatical structure and the ability to use it in speech in accordance with the situation.

- Acquisition of knowledge about the similarities and differences with the native language.
- Satisfaction of cognitive interests.

Key words: before the text stage, the text stage, after the text stage; productive speech activity, differentiated approach, communicative problem, explicit approach, deductive method.

Целевая аудитория: студенты.

Уровень владения языком: B1.

Тема: “¿Trabajar para vivir o vivir para trabajar?”

Работа является одним из значимых аспектов нашей жизни и влияет на многие сферы нашей жизни. К сожалению, реалии сегодняшнего дня таковы, что многие отказываются от законного отдыха. Кто-то стремится сделать карьеру, кто-то, боясь потерять привлекательное место работы, отказывает себе в отдыхе даже в выходные и праздничные дни. Но в таком ритме жизни отсутствие отдыха медленно и незаметно все громче «заявляет» о себе. Сначала чувствуется усталость от работы, а потом понимаешь, что живешь в вечном состоянии стресса. Поэтому важно не только писать заявления на плановый отпуск, но и проводить правильно выходные и праздничные дни, не думая о работе.

Так что же важнее, жить чтобы работать или работать, чтобы жить? И конечно же в данном модуле отражается то, как необходимо отвлекаться от работы, отдыхать, получать новые позитивные эмоции, что значительно помогает в жизни и оберегает нас от «эмоционального выгорания». Таким образом жизнь — это не только работа! При отборе языкового материала и речевого материала учитывались, прежде всего формирование социолингвистической компетенции учащихся. В материале помимо всех аспектов обучения в большинстве преследуются воспитательный и развивающий аспекты.

Практический аспект

Формирование языковой компетенции:

Задачи:

- Актуализация, усвоение, закрепление и вывод в речь лексических единиц: los nombres sustantivos de empleo, nombres sustantivos y

adjetivos del ambito del trabajo y de los sentimientos, de viajes, del ocio y de profesiones.

- Актуализация, усвоение, закрепление и вывод в речь грамматических единиц: superlativos absolutos, las subordinadas concesivas, Cuando+Subjuntivo/Indicativo, las oraciones subordinadas del tiempo, Potencial Simple.

- Актуализация, усвоение, закрепление и вывод в речь фонетических единиц: Las practicas de los sonidos: -J-, -a-, -o-

Формирование речевой компетенции

Задачи:

Развитие рецептивной речевой деятельности:

- овладение слухопроизносительным навыком. Умение использовать услышанную информацию как средство для решения каких-либо речевых задач.

- продолжение формирования навыка чтения как средством, так и самостоятельным видом речевой деятельности.

Развитие продуктивной речевой деятельности:

- La conversaci3n del trabajo y la vida cotidiana, el ocio etc.

- La escritura de las redacciones.

Воспитательный аспект

Формирование социокультурной, социальной компетенции.

Задачи:

- Формирование нравственного отношения к работе и свободно-му времени;

Развивающий аспект

Формирование стратегической и дискурсивной компетенций

Задачи:

- Умение решать задачи общения
- Логично и связно выстраивать диалогическое высказывание
- Уметь анализировать, сравнивать, обобщать
- Уметь реактивно отвечать на спонтанные высказывания собеседника

- Формировать умение учиться

Задания модуля

Vivir para trabajar

1. Profesiones

Lectura

1. Antes de leer:

Mire estas palabras y dé el significado:

2. Lee este chat en el que participan varios amigos.

Señala si las frases son verdaderas, falsas o no se sabe.

Conversación

Lee las siguientes oraciones y discútelas con tus compañeros.

Gramática

Expresar intensidad. El superlativo.

Valorar actividades

Conversación

Expresa su opinión para cada una de las situaciones.

Para escuchar

1. Antes de escuchar clasifica las palabras siguientes en la categoría correspondiente:

2. ¿Has tenido alguna vez una entrevista de trabajo?

Escucha los extractos de las tres entrevistas y contesta a las preguntas.

Contesta:

Practica en grupos. Discute con tus compañeros cual de los candidatos es la persona ideal para el puesto.

Методический комментарий

1. Дотекстовый этап:

1. Снятие лексических трудностей с помощью перевода слов, тем самым подготовка к тексту.

2. Текстовый этап: Контроль понимания текста при выполнении заданий. Контроль степени сформированности языковых навыков и речевых умений.

Чтение ведется по ролям, тем самым контроль имеющихся ритмико-интонационных и слухопроизносительных навыков, в процессе чтения. Студенты находят фрагменты текста, подтверждающие соответствие/несоответствие высказываниям, приведенным в упражнении.

3. После текстовый этап. Ответы на вопросы. Цель — контроль понимания сказанного. Задача — коммуникативная, развитие творческих способностей.

Ознакомление с формой превосходной степени. На данном этапе идет отработка продуктивного вида речевой деятельности. Используется дифференцированный подход, без терминологии. В диалоге, в начале урока учащиеся уже познакомились с данной формой (в диалоге выделены жирным шрифтом) и на данном этапе идет отработка посредством условно-речевых упражнений.

Языковое упражнение направлено на трансформацию предложения в соответствии с грамматической конструкцией.

После упражнения выполняется коммуникативная задача. Грамматические конструкции выводятся в речь в форме высказывания. Условно-речевой диалог.

Аудирование

До текстовый этап. 1. Снятие трудностей при выполнении упражнений на лексику, с целью расширения парадигматических связей. Формирование произносительных навыков по правильной постановке ударения.

2. Подводя к теме текста, учитель задает вопрос, готовя к теме текста, который предстоит слушать.

Текстовый этап. Слушание. Выполнение после текстового задания. Упражнение на множественный выбор позволяет развивать у учащихся навыки поискового чтения, сопоставления, мышления.

3. После текстовый этап:

Направлен на решение коммуникативной задачи. Переход от рецептивного вида РД к продуктивному. Доказать, убедить используя третий тип проблемных заданий (reasoning gap), что именно этот кандидат подходит на данную должность по результатам собеседования.

В качестве домашнего задания — написать свое собственное резюме на работу, используя лексику, представленную на до текстовом этапе по методике снизу-вверх, поскольку у них нет образца.

Литература

1. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. — М.: Просвещение, 2012. — 239 с.
 2. *Francisca Castro, Fernando Marín y Reyes Morales*. Nuevo Ven 2. — Edelsa Grupo Didascalia, S. A. Madrid, 2015.
 3. *María Cristina Blanco, Gloria María Caballero, Ruth Vazquez*. Prisma Progres. — Editorial Edinumen, Madrid, 2017.
-

М.В. Голощанова

Курский государственный университет

Курск, Россия

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье описывается научно-практический подход к обучению фонетической стороне иноязычной речи на начальном этапе в профессиональном обучении.

Ключевые слова: произносительный аспект речи, интенсивное обучение.

Abstract. The article describes some theoretical and practical issues concerning teaching foreign language pronunciation at the initial stage of professional education.

Key words: the pronunciation aspect of speech, intensive foreign language acquisition.

Компетентностно-ориентированное образование в высшей школе направлено на формирование современного специалиста, способного к личностному росту и саморазвитию в любой профессиональной деятельности на иностранном языке.

В контексте общей цели начальный этап обучения рассматривается как базовый исходный уровень в личностно-профессиональном развитии, создающий интерес и мотивацию к пополнению знаний и развитию умений на старших курсах.

В результате проблемного поиска был определен научно-практический подход для начального этапа обучения (вводно-коррективный курс), основанный на методе активизации возможностей личности и коллектива (интенсивное обучение) [Китайгородская 2009] в его модифицированном соответственно профессиональным целям обучения варианте [Баграева 2015].

На начальном этапе обучения (вводно-коррективный курс) наибольшую трудность представляет фонетическая составляющая. Усвоение произносительного кода иноязычной речи, его артикуляционно-интонационного оформления, требует осознания его национальных, отличных от русской культуры, особенностей, а также постоянной тренировки, настойчивости и времени. Следовательно, внешнее оформление речи является важнейшей задачей в профессиональном обучении иностранному языку.

Обучение иноязычному общению с фонетической направленностью обеспечивает тренировку во всех видах речевой деятельности: аудировании (развитие фонематического слуха), говорении (диалогическая и монологическая речь), чтении, письме, а также переводе. Обучение осуществляется при комплексной безаспектной организации учебного процесса на интегративной основе, что позволяет интегрировать в единое целое все аспекты языка (фонетику, лексику, грамматику) на функциональном уровне.

Учебным материалом, на основе которого формируются языковая, речевая, коммуникативная, социокультурная компетенции служат аутентичные модели общения, представляющие образцы коммуникативного поведения представителей англоязычной культуры, адаптированная разноуровневая художественная литература с аудио сопровождением (аудиокниги), а также программное обеспечение и интернет-ресурсы.

В процессе обучения происходит знакомство и усвоение социокультурных различий между родным и английским языком, этических норм общения в устной речи.

В методе активизации обучение общению делится на три этапа: введение учебного материала; тренировку в общении; практику в общении.

Модель обучения общения от речи (Синтез 1) — к языку (Анализ) — анализу языковых особенностей и снова к (Синтез 2) речи (устной или письменной) лежит в основе всего учебного процесса, от введения материала до практики в общении [Китайгородская 2009].

Применительно к процессу овладения иноязычным общением с фонетической направленностью данная модель реализуется следующим образом: С1 – повторяю, имитирую; А – анализирую и понимаю; С2 – воспроизвожу с полным пониманием, использую в подобных ситуациях общения. Данная модель является эффективным средством формирования навыков фонетически оформленной речи, т. к. «сознательное усвоение кодовых произносительных различий создаёт мотивацию к овладению произносительной нормой современного глобального английского языка» [Баграева 2015].

На этапе С1 осуществляется введение учебного материала; на этапе А анализируются необходимые лингвистические или социолингвистические особенности, обучающимся предоставляются систематизированные сведения о фонетике английского языка (главным образом об орфоэпии), а также о фонетико-орфографическом соответствии, т.е. связи между звуками и буквами английского языка (иначе, о правилах чтения); на этапе С2 учебный материал воспроизводится в изменённых «этюдных» ситуациях.

Данная модель развития навыков и умений С1 (речь) – А (языковые/ фонетические средства) – С2 (речь) в ситуациях реального общения обеспечивает динамизм поступательного процесса по формированию фонетического навыка (и параллельно лексического и грамматического навыков). Интегрированный подход при комплексной безаспектной организации учебного процесса на начальном этапе обеспечивает усвоение внешнего оформления речи (произносительной стороны речи) в рамках формирования умения общаться с носителем языка.

Практика обучения фонетической стороне иноязычной речи в рамках метода активизации, на наш взгляд, свидетельствует о больших потенциальных возможностях данного варианта организации учебного процесса в профессиональном обучении.

Литература

1. *Баграева Т.П.* Внешнее оформление речи как актуальная проблема профессионального обучения ИЯ в современном инноваци-

онном поле. — Актуальные проблемы современного иноязычного образования: сб. ст. №3 [Электр. ресурс]. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2015.

2. *Китайгородская Г.А.* Интенсивное обучение иностранным языкам. Теория и практика: Учебно-методическое пособие. — 2-е изд. перераб. и доп./Г.А. Китайгородская. — М.: Высшая школа; Научно-образовательный центр «Школа Китайгородской», 2009. — 277 с.

А.Л. Морозова
МГИМО МИД России, Одинцовский филиал
Одинцово, Россия
Т.А. Костюкова
НИ Томский государственный университет
Томск, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ РЕСУРСОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация: В статье авторы вкратце рассматривают возможности использования интернет ресурсов при обучении студентов иностранному языку. Дается обзор сайтов и возможности использования метода кейсов.

Ключевые слова: студенты, высшее образование, Интернет технологии, метод кейсов.

Abstract: The authors briefly consider the possibility of using Internet resources in teaching students a foreign language. The review of the sites and the possibility of using the method of cases are given.

Key words: students, higher education, Internet technologies, method of cases.

Сегодня создание информационно-образовательной среды обучения является неотъемлемым условием реализации Федерального государственного стандарта последнего поколения, что актуализирует совершенствование ИКТ-компетенции всех участников образовательного процесса [Морозова 2014: 138; Сериков 2003:7].

В настоящее время в педагогических исследованиях накоплен определенный опыт применения информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) и интернет ресурсов в преподавании, а именно:

1) вопросам теории и практики использования информационных технологий в образовании посвятили свои труды А.А. Андреев,

В.В.Вержбицкий, В.В. Гриншкун, А.Д.Иванников, В.И.Овсянников, и др.;

2) методические особенности построения средств обучения с использованием компонентов учебного материала в электронной форме изучали Ю.А. Винницкий, А.А. Кузнецов, Е.С. Полат, И.В. Роберт, Е.Н. Ястребцев и др.

В данном исследовании хотелось бы остановиться на возможностях использования Интернет-ресурсов в обучении иностранному языку студентов неязыковых направлений подготовки с опорой на собственный педагогический опыт. Сразу оговорим, что использование методического потенциала информации, представленной на подобных сайтах, позволяет педагогу достигнуть цели преподавания иностранного языка в ВУЗе, а именно — развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся.

Напомним, что Интернет в наши дни предоставляет уникальную возможность для осваивающих неродной язык бесплатно изучать (читать и слушать) аутентичные тексты, выполнять он-лайн тесты, общаться с носителями языка и т.д., за счет чего создается естественная языковая среда. Хотелось бы указать некоторые сайты, на которых представлены готовые разработки уроков иностранного языка или их фрагменты, которые можно достаточно успешно использовать в образовательном процессе:

1. <http://www.bbc.co.uk/>
2. <http://listenaminute.com>
3. <http://olpt.s3.amazonaws.com/online-practice-ketfs/index.html>
4. <http://www.homeenglish.ru> и пр.

Преподаватель может заранее подобрать те или иные аутентичные материалы (в том числе с учетом направления подготовки) для работы над изучаемой темой следующим образом:

- скачать аудиозапись и разработать или воспользоваться имеющимися на сайте разнообразными заданиями по аудированию;
- организовать устное обсуждение той или иной проблемы с использованием аутентичных материалов (дискуссия, беседа и т.д.);
- провести лингвистический анализ сообщений, высказываний носителей иностранного языка, содержащих фразеологизмы,

языковые и культурологические реалии, отражающие специфику использования изучаемого языка;

- использовать (можно фрагментарно) статьи зарубежных авторов при работе с внеаудиторным чтением;

- использовать материалы электронных грамматических сайтов — справочников, имеющих в них упражнений, например:

1. <http://www.homeenglish.ru/Tests.htm>

2. <http://www.cambridgeenglish.org/test-your-english/>

3. <http://english03.ru>

4. <http://www.cambridgeenglish.org/test-your-english/> и др.

Более того, возможно использовать предложенные в Интернете лексические справочники, словари и т.д.

Практика показывает, что использование Интернет ресурсов при работе над разнообразными практико-ориентированными проектами вызывает активный интерес у обучающихся.

Более того, информацию, представленную на сайтах, можно адаптировать под различные инновационные методы обучения, допустим: кейс, проект, ажурная пила и пр. [Тер-Минасова 2000:128]. Вкратце остановимся на методе проектов. Уточним, что традиционно под методом проектов в педагогической науке понимается некий способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы обучающимися и преподавателями, которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным образом. Данную проблему достаточно подробно изучали Е.С. Полат, А.С. Сиденко, Э.У. Коллингсу, И.Д. Чечель и др.

Сегодня проектная деятельность обучающихся является обязательной составляющей образовательного процесса в условиях реализации ФГОС высшего образования, считаем необходимым указать, что использование ИКТ в процессе преподавания предмета «Иностранный язык» позволяет реализовать следующие типы проектов (по классификации Е.С. Полата) при помощи ИКТ:

1. По доминирующему в проекте методу или виду деятельности (исследовательские, творческие, информационные, прикладные и пр.).

2. По признаку предметно-содержательной области (монопроекты и межпредметные проекты).

3. По количеству участников проекта (индивидуальные, парные, групповые).

4. По продолжительности проекта (краткосрочные, в течение одного занятия, средней продолжительности, то есть 2-4 занятия, долгосрочные).

5. По результатам (доклад, схема, видеофильм, презентация и др.).

Практика показывает, что проектная деятельность, реализуемая посредством ИКТ, представляется оптимальной средой достижения результатов обучения по предмету, указанных в ФГОС ВО.

Таким образом, использование информации, представленной в интернет ресурсах, позволяет профессорско-преподавательскому составу не только совершенствовать иноязычную коммуникативную компетенцию обучающихся, но и развивать их мотивацию к изучению языка. Наконец, представленный на сайтах материал можно подобрать с учетом направления подготовки и адаптировать под разнообразные инновационные методы обучения.

Литература

1. *Морозова А.Л.* Специфика внедрения дистанционных образовательных технологий в образовательных учреждениях // Актуальные проблемы развития вертикальной интеграции системы образования, науки и бизнеса: экономические, правовые и социальные аспекты: материалы II Международной научно-практической конференции 23-24 октября 2014г. - Т. 2/ под ред. С.Л. Иголкина. – Воронеж: ВЦНТИ, 2014.- С.138-141

2. *Сериков В.В.* Компетентностный подход к разработке содержания образования: от идеи к образовательной программе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград: Перемена. – 2003. – №1 (02). – С.7-13.

3. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

ДИСЛЕКСИЯ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы выявления признаков, указывающих на возможное наличие дислексии у студентов высшей школы, изучающих иностранный язык. Предложено описание типичных ошибок в чтении и письме, а также описание анкеты для студентов, которую преподаватели высшей школы могут использовать в своей практике. Даны общие рекомендации по адаптации учебных материалов и среды с учетом специфических трудностей студентов-дислексиков.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, дислексия, высшая школа.

Abstract. The paper aims at raising the foreign language teachers' awareness of possible signs of dyslexia in university students. It describes some of the most common reading and writing mistakes typical of a dyslexic learner and proposes a checklist which can be used for assessing the need for further specialist examination. It also provides the teachers with general guidelines for adapting the learning environment and designing materials in accordance with the specific needs of dyslexic students.

Key words: foreign language teaching, dyslexia, higher education.

Проблема разработки эффективной методики обучения учащихся с дислексией остается одной из наиболее актуальных в современной педагогике. При этом исследования, посвященные вопросам обучения взрослых с дислексией, практически отсутствуют, несмотря на то, что именно в период обучения в высшей школе

студент должен освоить огромный объем информации в виде печатного текста, и его умения чтения и работы с содержащейся в тексте информацией имеют критическое значение. Специфические трудности у студентов с дислексией проявляются при изучении иностранного языка в той же степени, что и при чтении и письме на родном языке. Даже если эти трудности были успешно скорректированы во время обучения в школе, при начале интенсивного изучения нового языка они могут проявиться вновь.

Цель данной работы — предложить преподавателям иностранного языка в высшей школе ориентиры для выявления студентов, причиной низкой успеваемости которых может являться дислексия, и предложить некоторые меры для частичного снятия трудностей у таких обучающихся.

Изучение нарушений письма и чтения началось в конце XIX в. в связи с широким распространением школьного обучения в Европе. В числе фундаментальных работ, лежащих в основе знаний о дислексии, доступных отечественному воспитателю или педагогу, необходимо отметить монографию А. Н. Корнева [Корнев 1997], в которой впервые был использован всесторонний подход к проблеме дислексии.

До сих пор отсутствует единое определение дислексии. В педагогике обычно она рассматривается как специфическое нарушение чтения, при этом отечественные исследователи отдельно рассматривают дисграфию как специфические нарушения письма, а западные ученые не выделяют такие нарушения в отдельную категорию [Корнев 1997]. В данной работе мы рассматриваем дислексию сообразно принятому в педагогически ориентированных работах определению ее как «специфического расстройства обучения» (specific learning disability, SLD). В последние годы все шире распространяется тенденция заменять слово disability на более нейтральное difference. Проявляется она как «стойкая избирательная неспособность овладеть навыком чтения, несмотря на достаточный для этого уровень интеллектуального и речевого развития, отсутствие нарушений слухового и зрительного анализаторов и оптимальные условия обучения» [Корнев 1997].

Сложности с разработкой единого определения связаны с тем, что явление дислексии комплексное и может быть рассмотрено с разных точек зрения и на разных уровнях. Например, Frith [Frith 1999] предлагает следующую схему:

1) Биологический уровень (особенности функционирования мозга и нервной системы);

2) Когнитивный уровень (мыслительные процессы и механизмы обучения);

3) Уровень поведения (проявление нарушений в виде трудностей с чтением и письмом);

4) Уровень окружающей среды, который пронизывает остальные, взаимодействует с ними и включает в себя факторы, относящиеся к социально-экономической среде и организации обучения.

В повседневной работе преподаватели могут наблюдать проявления дислексии на уровне поведения (уровень 3), воздействовать же на процесс обучения студентов возможно, формируя подходящую образовательную среду (уровень 4) с учетом когнитивных особенностей этой группы обучающихся (уровень 2). Вопросы медицинской диагностики работы мозга и возможных отклонений от нормы (уровень 1) лежат вне сферы педагогической работы и должны решаться специалистами соответствующего профиля.

Серьезной проблемой является вопрос разграничения трудностей, вызванных дислексией у студента, и слабых результатов обучения, причиной которых послужили иные факторы. Одним из ориентиров может служить заметное несоответствие академических результатов ученика общему уровню его умственного развития и, как следствие, ожидаемому уровню техники чтения и письма (*perceived ability*). Важным признаком считается также неожиданность проявления дислексии вне связи со социальным статусом, уровнем жизни и т.д. [Kogmos 2012]. В связи с этим мы предлагаем преподавателям ряд практических шагов по выявлению студентов с академическими трудностями, вызванными дислексией, и созданию среды, способствующей частичному снятию этих трудностей.

Прежде всего необходимо обратить внимание на специфические ошибки письма в сочетании со специфическими ошибками чтения.

Характерными для детей с дислексией (а следовательно, и взрослых, изучающих иностранный язык) и наиболее распространенными типами ошибок являются орфографические (в большом количестве), пропуски гласных, раздельное написание частей слова или слитное — нескольких слов, а также замены близких по слухо-произносительным или графическим признакам согласных [Корнев 1997]. Следует отметить также ошибки в списывании слова. В области чтения характерные для дислексии ошибки были описаны еще в первой половине XX века. Они включают в себя инверсии, перестановки и зеркальное чтение [Orton 1937]. Трудности возникают не только с чтением отдельных слов, но и с пониманием прочитанного.

Schneider и Crombie описывают случай дислексии интересный тем, что речь идет о студентке колледжа. Их описание включает в себя следующие признаки: недописанные слова, нечитаемые буквы, беспорядочное расположение слов в предложении. Тест на аудирование не был выполнен вовсе, что типично для дислексиков из-за необходимости одновременно обрабатывать информацию, поступающую из аудиозаписи, читать задания и вписывать правильные ответы, т.е. одновременно задействовать три вида речевой деятельности, сложных для них. Студентка имела сложности с чтением и диктантами в начальной школе, однако официальный диагноз «дислексия» ей не был поставлен. Подозрения подтвердились, когда в менее стрессовой ситуации один на один с преподавателем она успешно ответила устно на те вопросы, на которые ранее не смогла ответить письменно [Schneider, Crombie 2003].

Дополнительную информацию педагог может получить в результате анкетирования. С целью адаптации опросника, разработанного Smythe и Everatt для выявления дислексии у англоговорящих взрослых [Smythe, Everatt, 2001], к российским условиям мы включили в него вопросы, касающиеся опыта взаимодействия студента с системой школьного образования и предыдущего опыта изучения иностранного языка.

Многие принципы, рекомендованные для создания адаптированной учебной среды, повторяют универсальные общеметодиче-

ские рекомендации. Чрезвычайно важно следовать четкой структуре и последовательности во введении нового материала, строго соблюдать принцип подачи материала от простого к сложному, развернуто объяснять материал. Не стоит полагаться на способность студента самостоятельно анализировать и логически объяснять новые и неоднозначные языковые явления. Специалисты рекомендуют снизить темп презентации нового материала и запланировать как можно больше упражнений на повторение пройденного, поскольку автоматизация навыков у студентов с дислексией обычно происходит медленнее [Kormos 2012, Schneider, Crombie 2003].

Наиболее широко рекомендованным для обучения чтению и письму как на родном, так и на иностранном языке учащихся с дислексией остается структурный мультисенсорный подход (*multi-sensory structured approach*). В его основе лежит максимальное задействование каналов восприятия всех органов чувств: зрения, слуха, осязания и обоняния. Все техники данного подхода не могут быть применены в условиях вуза по отношению ко взрослым студентам, однако такие как проговаривание вслух, рисование пиктограмм или схем, использование жестов одновременно с предъявлением нового языкового материала могут помочь сделать процесс запоминания более эффективным [Kormos 2012].

В области адаптации учебных материалов предлагается учитывать более низкую способность к концентрации и запоминанию (делить длинный текст на части), использовать легкие для чтения шрифты без засечек, избегать использования курсива и т.д.

Несмотря на большое количество работ, призванных помочь обучению детей с дислексией чтению, письму и иностранным языкам, исследователи соглашаются с тем, что полностью скорректировать это расстройство невозможно и рассматривают его как пожизненное состояние (*lifelong condition*). Однако при помощи своевременного выявления студентов с этой проблемой и принятия мер по организации учебного процесса и оформления учебных материалов в соответствии с их потребностями можно снять

определенную долю трудностей, ожидающих их при изучении иностранного языка в ВУЗе, тем самым способствуя повышению эффективности обучения и реализации принципов инклюзивного образования.

Литература

1. *Корнев А. Н.* Нарушения чтения и письма у детей: Учебно-методическое пособие. – СПб.: ИД «МиМ», 1997 – 286 с.
 2. Frith, U. Paradoxes in the definition of dyslexia. *Dyslexia*, 5, 1999, 192–214
 3. *Kormos, J., Smith, A. M.* Teaching Languages to Students with Specific Learning Differences. Bristol: Multilingual Matters, 2012. – 232 p.
 4. *Orton S.* Reading, writing and speech problems in children. London: Chapman & Hall, Ltd., 1937.
 5. *Schneider, E., Crombie, M.* Dyslexia and Foreign Language Learning. London: David Fulton Publishers, 2003.
 6. *Smythe, I., Everatt, J.* Adult Checklist. 2001 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bdadyslexia.org.uk> (дата обращения: 17.02.2019)
-

Раздел 6.

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Ю.М. Сергеева

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия*

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ИНДИВИДА КАК ФАКТОР ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматривается проблема интерпретации смысла высказывания, которая является необходимым этапом его понимания, и, следовательно, важным шагом к успешному продолжению коммуникации. В определенной коммуникативной ситуации грамматически однозначное языковое выражение может подвергаться неоднозначной интерпретации со стороны продуцента и реципиента высказывания, что определяется индивидуальной системой ценностей каждого из них. Закрепленные в персональном опыте ценности отражают субъективное восприятие мира посредством языковых экспонентов оценочного действия. Несовпадение вектора оценочности участников коммуникации ведет к созданию интерпретационной дилеммы.

Ключевые слова: оценочное суждение, интерпретация, двусмысленность, контекст, диалог.

Abstract. The article deals with interpretation of the meaning of an utterance, which is necessary for its understanding, and, therefore, is an important step towards successful communication. In certain contextual conditions a grammatically unambiguous utterance may cause ambiguous interpretation by its producer and its recipient, which is subsequent upon inequality of their individual value systems. The values fixed in personal experience reflect the subjective perception and evaluation of the world through various lingual means. The discrepancy between people's assessment of a particular situation leads to a certain dilemma in its pragmatic interpretation.

Key words: evaluative statement, interpretation, ambiguity, context, dialogue.

Оценочная деятельность индивида занимает ключевую позицию не только в познавательном процессе, но и в других видах его мыслительной активности — креативной, констатирующей, экспланаторной. Взаимодействие индивида с окружающим миром приводит к формированию системы оценок, т.е. системы отношений субъекта к познаваемому объекту, требующей выражения вербальными средствами. Существует обширная лингвистическая литература, посвященная этой проблематике, как в российском, так и в зарубежном языкознании, однако некоторые проблемы языковой репрезентации понятийной категории оценки до сих пор требуют осмысления и всестороннего изучения.

Одним из частных вопросов является вопрос об интерпретации смысла того или иного оценочного суждения. Говорящий вкладывает в свое сообщение определенный смысл, который, как важно отметить, не соответствует параметрам правильности-неправильности, но соответствует лишь личным представлениям индивида, вписывается в его *систему ценностей*.

Ценности в широком смысле слова представляют собой культурно и социально обусловленные критерии восприятия индивидом явлений и фактов действительности, причем как внешней, объективной действительности, так и своего внутреннего, субъективного мира. В этом плане они являются стереотипами, поведенческими моделями

человеческой деятельности, по мере усвоения которых происходит социализация индивида. Ценности не являются статичными, они изменяются в рамках социальных, этнических, и культурных отношений.

Ценности по природе своей иерархичны и могут быть классифицированы на основании различных критериев. Витальные (жизненные) ценности, связанные в большей мере с сенсорной и физиологической деятельностью, существуют в сознании индивида наряду с социальными, которые включают в себя семейные, культурные, этические и религиозные ценности. Первую группу можно назвать инстинктивными ценностями, а вторую определить как логически выводимые ценности. Социальные ценности можно поделить на материальные и духовные, где последние подразумевают и познавательные, и эстетические ценности.

Интересна точка зрения Милтона Рокича, различающего терминальные ценности, которые включают желательные состояния индивида (мир, безопасность, свобода), и инструментальные ценности, которые соотносятся с определенными моделями человеческого поведения (честность, храбрость, трудолюбие) [Rokeach 1973].

Бертран Рассел, разработавший теорию субъективности ценностей, утверждает, что понятие «ценность» у каждого человека индивидуально в своей уникальной системе ценностей [Russel 1965]. Данная система формируется из его интересов, принципов, психических, физических и интеллектуальных возможностей.

Представление субъекта о собственных ценностях воплощается в его *ценностные ориентации*, которые служат ему критериями оценки действительности. Ценностные ориентации выступают в аксиологической деятельности индивида как способ дифференциации объектов на основе их желательности \ нежелательности, важности \ неважности, релевантности \ нерелевантности. Индивидуальные ценностные ориентации предоставляют выбор между этими вариантами, формируя тем самым базу для создания оценочных суждений. В этом контексте мы можем говорить о существовании двух типов оценочных суждений – эмоциональной оценки, отражающей эстетические ценности, и рациональной оценки, отражающей познавательные ценности.

Формирование оценочного суждения обязательно связано с наличием у индивида представления об окружающем мире, и понимание смысла высказывания выступает как форма активного информационного взаимодействия личности с этим миром.

Необходимым этапом к пониманию смысла является *интерпретация* — осознанная аналитическая деятельность индивида по извлечению смысла путем его спецификации и индивидуализации. И здесь понимание как постижение смысла затрудняется из-за наличия скрытых смыслов и сложностей в их интерпретации. То есть, в процессе коммуникации появляются такие высказывания, в которых буквальное значение, воспринимаемое адресатом, и смысл, подразумеваемый говорящим, в какой-то мере расходятся.

Это явление прагматической неоднозначности обусловлено двумя факторами: во-первых, свойством языкового знака получать несколько семантических интерпретаций в одном и том же контексте (контекст — любой лингвистический или экстралингвистический фактор, влияющий на интерпретацию знаков языка); во-вторых, заведомой *не идентичностью* ценностных ориентаций участников коммуникации. Поскольку индивид познает мир, опираясь на собственную систему ценностей, восприятие и оценка одних и тех же объектов, событий, явлений неизбежно различается у разных людей.

Исходя из общепринятого понимания оценки как соотношения какого-либо факта с одним из полюсов в понятийной картине мира человека, мы нередко сталкиваемся с неоднозначностью оценочных суждений, толкование которых требует выявления контекстуальных и прагматических факторов, детерминирующих актуализацию оценочных смыслов. Речь идет, прежде всего, о случаях, когда узואльно нейтральные слова могут приобретать в контексте окказиональную оценочную семантику, тогда как в целом их предметно-логическое значение содержит свойства или категории, не попадающие в градуированную шкалу «плохой — хороший».

Приведенный ниже диалог иллюстрирует интерпретационную дилемму, которая является прямым следствием расхождения ценностных ориентаций коммуникантов.

Хозяин: Да вы масло мажьте, мажьте.

Гость: Я мажу, мажу, спасибо.

Хозяин: Да нет, вы не мажете. Вы кусками валите!

В приведенном примере неоднозначность толкования возникает потому, что побудительная зачинная реплика в данной конкретной ситуации для гостя и для хозяина предполагает разные, ровно противоположные действия. Адресат трактует высказывание как приглашение к действию, основываясь на стереотипическом представлении о законах гостеприимства. Однако последующий коммуникативный контекст (вторая реплика адресанта), выступает в качестве разрешающего фактора интерпретационной дилеммы. Вектор оценочности в данной ситуации также разнонаправлен. Мелiorативная оценка ситуации, выражаемая гостем лексически и паралингвистически (речевая формула благодарности, процессуальный глагол в настоящем времени, отражающий непосредственное действие говорящего), противопоставлена пейоративной оценке хозяина (эксплицитное отрицание, антонимическое противопоставление как экспонент конфликтного дискурса).

Данную ситуацию можно классифицировать как *прагматическую неопределенность*, поскольку в процессе интерпретации не актуализируются ни лексическое, ни синтаксическое значение языкового выражения.

В заключение подчеркнем, что процесс понимания смысла высказывания не предполагает его *буквальную* реконструкцию реципиентом, поскольку объем и структура системы ценностей у адресата и адресанты не идентичны. Потребность ориентации в мире вынуждает индивида выбирать из множества возможных истолкований те, которые именно он считает релевантными, и которые являются значимыми в его индивидуальной системе ценностей.

Литература

1. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. — New York: Free Press, 1973. — 348 с.
2. *Russel B.* Dictionary of Mind, Matter and Morals. New York: The Citadel Press, 1965. — 290 с.

Е.А. Дюжикова
МГИМО МИД России, Одинцовский филиал
Одинцово, Россия

ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНАЯ АРХИТЕКТОНИКА АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Аннотация. Статья посвящена некоторым отличительным чертам современной английской лингвистики на рубеже веков, которые демонстрируют создание и архитектонику новой интегральной парадигмы знания.

Ключевые слова: парадигма, экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, экспланаторность, лингвистика, медиа лингвистика, Интернет лингвистика.

Abstract. The article is devoted to some distinctive trends in English linguistic studies which emerged on the brink of the Centuries. The main trend demonstrates formation and architectonics of new integral paradigm.

Key words: paradigm, expansionism, anthropocentrism, functionalism, explanatornost, linguistics, media linguistics, Internet linguistics.

В конце XX—начале XXI века под воздействием глобальных процессов, происходящих в обществе, облик лингвистики значительно изменился. На первый план выдвигаются прагматические и когнитивные аспекты языка, когда наряду с его системой стали изучать связи языка с действительностью, с человеком. Строго говоря, изменились способы конструирования предмета лингвистического исследования, кардинально изменился сам подход к выбору общих принципов и методов исследования. В связи с этим нам предстоит ответить на ряд важных вопросов о том, как сама лингвистика вписывается в науку XXI века, какие наиболее яркие тенденции в английской лингвистике существуют и какие научные школы её представляют.

Прежде чем перейти к характеристике парадигмальных черт лингвистики, представляется необходимым уточнить само понятие *парадигма* и насколько уместно применять его, характеризуя облик современной лингвистики. В теории научных парадигм различают: парадигмы *в широком смысле* — набор взглядов, мер ценностей и используемых техник исследования; парадигмы *в узком смысле* — образцы решения конкретных задач, которые служат в дальнейшем образцами для трактовки других проблем данной же научной дисциплины, входя в состав или иллюстрируя «парадигму» в широком смысле слова [Kisiel 1982]. Мы исходим из понимания парадигмы в широком смысле с тем, чтобы продемонстрировать то положение дел в современной лингвистике, которое представлено не только разнообразием взглядов, но и некоторым внутренним единством.

Напомним, что понятие *парадигмы* впервые было введено в начале 60-х годов XX в Т. Куном и вызвало бурную полемику по поводу толкования этого термина. Мы не ставим своей целью приведение всех аргументов *pro* и *contra* по поводу выдвинутых методологических понятий в лингвистике, но заметим, что первые реакции учёных были скорее отрицательными, чем положительными. Некоторые даже утверждали, что понятие *парадигмы* не может адекватно отражать специфику роста в сфере гуманитарного знания [Korner 1983: 1213]. С подробной аргументацией против применения данного понятия выступил К. Персиваль [Percival 1974], подробнее о дискуссии [Bahner 1983: 847; Демьянков 2009; 28-30]. Ю.С. Степанов полагал, что единственное, что можно заимствовать у Т.Куна — это сам термин «парадигма» [Степанов 1991: 9-10]. «Под *парадигмами*, — писал Т. Кун, — я подразумеваю признание всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун 1977; 11]. И хотя в фокусе его внимания находились естественные науки, но вскоре его идеи были использованы для того, чтобы прояснить историю лингвистики и усовершенствовать её периодизацию с тем, чтобы представить ход её эволюции в виде смен главных её парадигм (сравнительно-исторической, а затем структурной), а саму смену рассмотреть как научную революцию. В настоящее

время парадигма трактуется «как доминирующий исследовательский подход к языку, познавательная перспектива, методологическая ориентация, широкое научное течение (модель), даже научный «климат мнения» [Руденко 1980; 19]. Разделяя данную точку зрения, мы полагаем, что понятие парадигмы представляется вполне уместным для демонстрации развития научных идей в лингвистике, хотя и в модифицированном виде. «Если сегодня учёный употребляет термин парадигма в позитивном или нейтральном смысле, то обычно он имеет в виду господство некоторой идеи, преобладание некоторого («парадигмального») взгляда на вещи, выходящее за рамки одной научной дисциплины». Отсюда вытекает, что «теория и даже целая дисциплина может стать парадигмой в силу своей привлекательности в данную эпоху». [Демьянков, 2009; 34]. Чтобы отвечать представлению об упорядоченном объединении составляющих, понятие парадигмы, по мнению Е.С. Кубряковой, должно включать три звена: *установочно-предпосылочное, предметно-познавательное и процедурное, или «техническое»* [Кубрякова 1995: 167]. Именно смена парадигмы предлагает новые перспективные пути анализа, связанные с виденьем объекта в ином по сравнению с прошлым ракурсе. «Возможность предвидеть то, как будет развиваться научное направление, дано только тем учёным, кто может чувствовать перспективу на основе не только глубоких знаний в соответствующей области, но способности свободно ориентироваться в общей научной ситуации. Умение обобщать и предвидеть определяет огромную роль учёного в современном языкознании, изучение материалов её научной деятельности дают богатую пищу для размышлений о современной лингвистике [Александрова 2018: 20].

Е.С. Кубрякова неоднократно высказывала предположение о том, что при всём внешнем разнообразии представлений о языке современной лингвистике всё же свойственно следование определённой системе общих установок. Таких принципиальных установок, пишет она, «мы выделяем четыре, это: *экспансионизм, антропоцентризм, функционализм (или, скорее, неофункционализм), экспланаторность* [Кубрякова 1995; 207], Выделенные основные парадигмальные черты лингвистики в конце XX-го века не утратили своей

актуальности и в XXI-ом веке, придав им новые краски, модификации, обогатив их новым содержанием. И хотя каждое из направлений заслуживает особого внимания и подробного рассмотрения, формат статьи позволяет лишь кратко охарактеризовать несколько постулатов, касающихся реализации и видоизменений основных характеристик современной лингвистики, в которой в это время произошла смена научной парадигмы.

Кратко остановимся на том, как упомянутые выше парадигмальные «установки» функционируют и какое место они занимают в архитектонике современной лингвистики. Начнём с понятия *экспансионизма* как определённого периода в становлении научной дисциплины с тем, чтобы придать этому термину конкретный характер. Разъясняя его смысл, необходимо упомянуть теорию Ф. де Соссюра — изучать язык «в самом себе и для себя», которая диктовала необходимость установления чётких границ дисциплины. В настоящее время эта теория претерпела радикальные изменения, так как лингвистика проявляет чёткую тенденцию к расширению своих пределов, распространению своего влияния. Эту тенденцию и называют *экспансионизмом*. Впервые это понятие было введено в 1987 году на XIV Международном лингвистическом конгрессе в Берлине применительно к лингвистике текста, но сегодня оно может быть отнесено, как к самой теоретической лингвистике, так и ко многим другим лингвистическим субдисциплинам. Экспансионизм в современной лингвистике проявляется в следующих тенденциях:

1) объединение и развитие на единой методологической основе таких направлений лингвистики, как: психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, нейролингвистика, лингвокультурология, когнитивная психология, компьютерная лингвистика, медиа лингвистика, эколингвистика, лингвопраксеология и т.п.

2) в связи с созданием и развитием Интернета лингвистики. Мета лингвистики [Александрова 2018: 21].

3) укрепление связей лингвистики с логикой и философией способствует возникновению новых школ (*школа логического анализа языка*), новых дисциплин (*инженерная и компьютерная лингви-*

стика), новых областей знания внутри самой лингвистики (*лингвистика текста, когнитивная лингвистика, теория речевых актов, семантика синтаксиса, трансфрастика и т.п.*),

4) расширение объектов исследования внутри лингвистических дисциплин: «от фонетики к фонологии, от морфологии к синтаксису и затем к семантике, от предложения к тексту, от синтаксической структуры к коммуникативной, от языка к речи, от теоретического языкознания к прикладному» [Кибрик 1987: 35].

5) об активной экспансии *когнитивной науки* убедительно говорят следующие факты: а) организована «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» (РАЛК); б) возникли центры когнитивной лингвистики в Тамбове, Воронеже, Калининграде и других городах России. В Тамбове издаётся научный журнал «Вопросы когнитивной лингвистики»

6) диверсификация английского языка практически во все страны мира явила множество его вариантов, которая потребовала от исследователей анализа их взаимоотношений и особенно отношений с языком-прототипом — британским вариантом, их функций, их отличительных особенностей, сопоставления нормы и узуса, причин такой диверсификации, оценки этого явления и решения многих других вопросов. В результате появилось новое направление исследования — *контактная вариантология* английского языка (World Englishes Paradigm);

7) стремление к исследованию более полного охвата языков мира, к расширению чисто эмпирической базы лингвистики (в Вузах страны активно вводится изучение редких и даже экзотических языков, восточных языков, арабского языка и др.);

8) выход в разные сферы не только гуманитарных, но и естественных наук: связи лингвистики с биологией и медициной, лингвистики с юриспруденцией (ср. *лингвоюристика, вычислительная (машинная, инженерная) лингвистика*, которая применяется для составления компьютерных программ переводчиков, создания систем автоматизированного перевода и т.п.). Благодаря признанию антропологического принципа в качестве методологической основы появляется практическая возможность объединения лингвистики

со смежными науками, но уже под другим методологическим «зонтиком» — когнитивным.

Завершая рассмотрение *экспансионизма*, следует говорить, с одной стороны, об интенсивном расширении всех областей исследования языка, а с другой — о его тесной связи с антропоцентризмом, функционализмом и экспланаторностью.

Антропоцентризм как особый принцип исследования, по словам Е.С. Кубряковой, заключается в том, что «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования» [Кубрякова 1995: 212]. Совершенно невозможно представить изучение языка без человека. «Человек — это ядерное понятие, без которого ни одна наука, будь то естественно-научная или гуманитарная, не может плодотворно развиваться» [Александрова 2018; 24-25]. В Институте Языкознания РАН были намечены пути рассмотрения языкового явления в диаде «язык и человек», сформулированы две глобальные проблемы такого исследования: 1) «какое воздействие оказывает сложившийся естественный язык на поведение и мышление человека и что даёт в этом отношении существование у человека определённой картины мира; 2) как человек воздействует на используемый язык, какова мера его возможного влияния, какие участки языковых систем открыты для его лингвокреативной деятельности и вообще зависят от «человеческого фактора» (дейксис, модальность, экспрессивные аспекты языка, словообразование и т.п.).

Учитывая многозначность термина *функционализм*, следует уточнить его трактовку. Он понимается, вслед за Е.С. Кубряковой, как «такой подход в науке, когда центральной её проблемой становится исследование функций изучаемого объекта, вопрос о его назначении, особенностях его природы в свете выполняемых им задач, его приспособленность к их выполнению и т.п.». *Функциональный* подход в семантически и прагматически ориентированных исследованиях языка последних лет признаётся главенствующим. Следует отметить, что классический функциональный принцип анализа языка, сформулированный в Тезисах

Пражского лингвистического кружка, означал более узкое понятие, а именно: необходимость изучения языкового явления по выполнению им функции в системе языка. В современном же понимании функционализм представлен гораздо более сложными функциями языка, с разработкой разных классификаций функций языка (функций коммуникативного акта), с выдвижением разных теорий иллокутивных целей высказывания. И функционализм, и антропоцентризм показывают, с какими ограничениями может столкнуться коммуникативная система, как в своём происхождении, так и в своём реальном использовании, поэтому становится очевидным, как они органично связаны с такой характеристикой, как *экспланаторность* (или объяснительность). Интересную систематику объяснений предлагает Т. Гивон, который считает, что существует три типа объяснений, к которым должен стремиться лингвист. Вкратце они сводятся к следующему: *первый тип* касается объяснения лингвистических универсалий и общих принципов построения языка; *второй* - принципов внутреннего, уровневого устройства языковой системы; *третий* - исторический, реализуется по-разному в зависимости от того, о какой истории идёт речь: онтогенезе или филогенезе или, наконец, просто о диахронических преобразованиях одного языка [Givon 1984: 40-41]. И здесь важно определить, на наш взгляд, какие именно типы утверждения могут быть приняты как объяснение того или иного языкового явления и какие из них должны превалировать (структурные, генетические, функциональные и т.п.) с учётом проблем собственных целей и задач лингвистики. «Лингвистика как зрелая наука может и должна объяснить изучаемый ею объект — язык — но не только «в самом себе и для себя». А для более глубокого понимания и объяснения человека и того мира, в котором он обитает» [Кубрякова 1995: 224-225]. Это и создаёт предпосылки для изучения языка по его роли и для познания (когнитивное направление в исследовании языка). И для коммуникации и осуществления речевой деятельности (коммуникативная лингвистика и теория речевых актов) и для обеспечения нормальной жизнедеятельности всего общества в целом (культурологическое направление исследований),

Язык присутствует в каждом акте познания и коммуникации, поэтому сегодня приобретает особую важность его описание тогда, как язык функционирует в той или иной культурно специфической картине мира, а именно: совокупности гетерогенных, гетерохронных и гетеросубстратных сведений о мире. Всё это вместе, действительно, усложняется и претерпевает значительные изменения именно в сторону их расширения.

Таким образом, можно с полной уверенностью констатировать, что в начале XXI века в лингвистике преобладают интеграционные тенденции и формирование новой конструктивной *парадигмы научного знания* — *антропоцентричной, функциональной* по своей общей направленности, конструктивной по своему духу и дающей возможности выхода за пределы традиционной лингвистики. Вместе с тем, несмотря на процессы интеграции разных школ, каждая из них продолжает свой собственный путь развития и совершенствования, исследуя разные области, представляя собой «малую» парадигму. Современная полипарадигмальная лингвистика со сложной архитектурой, претерпев значительную эволюцию в своих главных чертах, существует сегодня как целостная концепция языка, которая является главной интегрирующей силой, дающей надежды на новые интересные результаты лингвистической деятельности.

Литература

1. *Александрова О.В.* Изучение языка в новых условиях знания о нём и его функционировании // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. С. 20-25.
2. *Демьянков В.З.* Парадигма в лингвистике и теории языка // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство. Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. — 856 с.
3. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. М.: 1995. С. 144-238.
4. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.

5. Руденко Д.И. Имя в парадигмах «философии языка». Харьков, 1990.
 6. Степанов Ю.С. Некоторые соображения о проступающих контурах новой парадигмы // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм.. Харьков. 1991. Вып. 1. Ч. 1 С. 9-10.
 7. Bahner W. Paradigm or Current in the History of Linguistics // Proceedings of the XIIIth International Congress of Linguistics. Tokyo, 1983. P. 847-849.
 8. Givon T. Syntax. A functional-typological intr etc., 1982. P/ 82oduction. Amsterdam; Philadelphia; J. Benjamins Publ., 1984. Vol. 1.
 9. Kisiel T. Paradigms // G. Floistad (ed.). Contemporary philosophy. A new survey. Vol. 2. Philisophy of Science. The Hague etc., 1982. P. 87-110.
 10. Koerner E. F. R. A critique of recent histories of linguistics // Proceedings of the XIII th International Congress of Linguists. Tokyo. 1983. P. 877-880.
 11. Percival W. K. The applicability of Kuhn`s paradigms to the history of linguistics // Language, 1976. Vol. 52. P. 285-294.
-

В. С. Лукьянова
МГИМО МИД России, Одинцовский филиал
Одинцово, Россия

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДЕТСКОМ АНИМАЦИОННОМ ФИЛЬМЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается явление коммуникативной неудачи в рамках ее причин и типологических характеристик, основанных на нарушении правил успешной кооперации. Исследование проводится на материале текстовых эпизодов из популярных детских англоязычных анимационных фильмов. Предложена классификация причин и перлокутивного эффекта КН на основе прагмалингвистических характеристик, учитывающих особенности потенциального зрителя.

Ключевые слова: коммуникативная неудача, прагмалингвистический анализ, перлокутивный эффект, онтолингвистика, детский анимационный фильм.

Abstract. The referred article deals with the concept of communicative failures through the identification of their typological features based on the fundamental speech act theory and the rules of successful cooperation. An individual classification of communicative failures in children's animated movies is given through their pragmalinguistic features and perlocutionary effect with special attention to speech developmental aspect.

Key words: communicative failure, pragmalinguistic analysis, perlocutionary effect, speech development, children's animated movie.

В настоящее время детский анимационный фильм удерживает сильные позиции в отношении влияния на коммуникативное поведение ребенка. Это делает актуальной проблему более глубо-

кого исследования особенностей коммуникативной картины мира детского мультфильма в рамках противопоставления коммуникативного успеха и коммуникативной неудачи (далее КН).

Целью данной работы является уточнение сущности КН, ее прагматических коммуникативных особенностей на материале текстовых эпизодов из анимационных фильмов для детской аудитории.

Ряд исследований явления КН ориентированы на результат (Грайс П.), проблемы, (Городецкий Б.Ю., Падучева Е.В.) интенциональность коммуникативного акта (Остин Дж., Серль Дж.) и их стилистическое воплощение (Лукиянова В.С.). КН определяют как «полное неосуществление коммуникативных намерений партнеров по общению», выраженное в неэффективности и отсутствии ожидаемого перлокутивного эффекта [Бугрова, 2012: 22]. КН представляет собой «вполне обычное явление в реальном общении» [Городецкий, 1985: 64], без которого «взаимодействие становится ритуализированным» [Лукиянова, 2002: 19].

Исследование феномена КН традиционно связано с изучением ее причин и разновидностей. Постулаты успешной кооперации П. Грайса и Р. Лакоффа и положения теории речевых актов способствуют описанию типологических характеристик КН. К причинам возникновения КН можно отнести внутренние (собственно лингвистические) и внешние (экстралингвистические) несоответствия. К внутренним несоответствиям относятся нарушения на уровне языкового кода (фонетики, лексики, грамматики и синтаксиса). К внешним — социокультурные, психофизиологические, онтолингвистические характеристики и прагматические несоответствия. В детском мультфильме обыгрывание *онтолингвистических* приемов является частым и ярким примером иронии. Например, когда младенец говорит как взрослый человек: “*Fine! I can talk. Now let’s see if you can listen...*” [“The Boss Baby”, 2017]. Отдельным фактором выступает особая *модель мира*. В ней предмет домашнего обихода не только разговаривает, но даже флиртует (Метелка Подсвечнику): “*I’ve been burnt by you before!*” [“Beauty and the Beast”, 1991]. Часто встречается *сумятивная универсия*: “*This is the story of how I died ... this is actually a very fun story*” [“Tangled”, 2010].

В зависимости от конечного результата КН можно предложить следующую классификацию ее видов:

- *полный коммуникативный провал* или полное непонимание возможный в результате:

- 1) Нарушения предварительного условия речевого акта или намерения: “*I’m not listening!*” [“The New Emperor’s Groove”, 2000].

- 2) Несоблюдения истинности высказывания, когда слово противоречит делу: “*We’re gonna go down (жест: вверх) and chase it up (жест: вниз)*” [“Snow White and the Seven Dwarfs”, 1937].

- 3) Нарушение тождественности информации (например, на синтаксическом уровне): “*Tell us where the talking llama is and we’ll burn your house to the ground. — Er, don’t you mean or? — Err, tell us where the talking llama is OR we’ll burn your house to the ground*” [“The New Emperor’s Groove”, 2000].

- 4) Нарушение детерминизма: “*Mammoths can’t go extinct! They’re the biggest things on Earth!*” [“Ice Age. The Meltdown”, 2006]. Аргумент неубедителен, т.к. из первого второе не вытекает.

- 5) Нарушение социальных норм: “*Hit the road, Bucky!*” [“The New Emperor’s Groove”, 2000].

- 6) Семантические противоречия: “*I’m going back. I am NEVER going back!*” [“Tangled”, 2010].

- *частичная или временная КН*, манифестируемая сниженной степенью эффективности коммуникации. Проявляться она может следующими способами:

- 1) На уровне способа передачи информации посредством нарушения правила о полноте описания, например тавтология: “*The poison for Kuzco, the poison chosen especially to kill Kuzco, Kuzco’s poison*” [“The New Emperor’s Groove”, 2000].

- 2) Нарушением речевого кода: “*All right, Blondie. — Rapunzel. — Gesundheit. Anyway, I was gallivanting through the forest...*” [“Tangled”, 2010]. *Rapunzel* понимается как иноязычный код, но диалог продолжается.

- 3) Нарушением постулата о семантической значимости: персонажа описывают как “*scary beyond all reason*” [“The New Emperor’s Groove”, 2000].

4) Нарушение количества информации: затянувшийся диалог может перетечь в монолог, участников перестает интересовать предмет спора: *Yeah, like that would ever happen. — It could! — Nuh-uh! — Yeah-hah! ... — ... Nuh-uh! — Yeah-haaaaah!* [“The New Emperor’s Groove”, 2000].

- *несущественный коммуникативный сбой*, создающий эффект «коммуникативной задержки», но оказывающее незначительное влияние на дальнейшую интеракцию: (дети кричат от радости) *“I bet the mom is beautiful! - I bet the daddy’s eyes sparkle. — I bet their house is made of Gummi Bears... I’m just saying it’d be nice”* [“Despicable Me”, 2010].

- *незначительное коммуникативное затруднение*, не препятствующее дальнейшему разворачиванию коммуникативной интеракции. Например, в ситуации разрушения языкового кода, когда персонаж переходит на общение посредством звукоподражаний: (персонаж успешно беседует с белкой): *“Squeak squeak squeak, squeak, squeaker”* [“The New Emperor’s Groove”, 2000].

КН способна информативно обогатить: *“Hi, I’m Dory. I suffer a short-term remembory loss”* [“Finding Dory”, 2016]. Морфологическая деформация (*remembory* = *remember* + *memory*) в сочетании с фонетической репрезентацией выдает маленького ребенка.

В детском мультфильме КН реализует педагогическую функцию, помогая осваивать различные стратегии и тактики коммуникативного поведения. В большинстве случаев КН компенсируются или нейтрализуются. КН влияет на динамику сюжета. Проанализированные примеры показывают, что КН может преследовать особые цели воздействия на адресата, такие как создание стилистических приемов или выход на «интуитивный, нелогический уровень сознания» [Карасик В.И. 1992: 115].

Проведенный прагматический анализ КН в рамках англоязычной языковой культуры показывает неоднозначность этого явления, его многогранность и многоуровневость, которые влияют на социализацию личности.

Литература

1. *Бугрова С.Е.* Феномен коммуникативной неудачи в рамках коммуникативно-прагматической парадигмы // Вестник Челябинского государственного университета: Научный журнал. Филология. Искусствоведение. Вып. 68. №21. 2012. С. 22 – 26
2. *Городецкий, Б. Ю.* К типологии коммуникативных неудач / Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалогическое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985. С. 67-68
3. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. // М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. - 330 с.
4. *Лукьянова, В. С.* Коммуникативные неудачи в комедии абсурда: на материале сопоставительного анализа английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 164 с.
5. Beauty and the Beast [Электронный ресурс] // GoWatch-FreeMovies. URL: <http://www.gowatchfreemovies.to> (дата обращения: 10.10.2017).
6. Despicable Me [Электронный ресурс] // Filmatika. URL: <http://filmatika.ru> (дата обращения: 10.10.2017).
7. Finding Dory [Электронный ресурс] // English-films. URL: <https://english-films.com> (дата обращения: 10.10.2018).
8. Ice Age. The Meltdown [Электронный ресурс] // Online Movies. URL: <https://onmovies.to> (дата обращения: 29.10.2017).
9. Snow White and the Seven Dwarfs [Электронный ресурс] // English-films.com. URL: <https://english-films.com> (дата обращения: 10.10.2017).
11. Tangled [Электронный ресурс] // Online Free. URL: <https://onlinefree.me> (дата обращения: 10.10.2017).
12. The Boss Baby [Электронный ресурс] // English-films. URL: <https://english-films.com> (дата обращения: 10.02.2018).
13. The New Emperor's Groove. [Электронный ресурс] // Moviesonline. URL: <http://moviesonline.sc> (дата обращения 10.10.2018).

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВКРАПЛЕНИЙ В ДЕТСКОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНИМАЦИОННОМ ФИЛЬМЕ

Аннотация. В статье отражены основные результаты исследования в детском анимационном фильме. Рассмотрены вопросы прагматического воздействия анимационного кино-текста на потенциального зрителя. Представлены основные функции экономических вкраплений на основе проведенного компонентного, контекстуального, лингвостилистического и прагматического анализа. Получены выводы о высокой значимости специальной лексики в тексте детского анимационного фильма в силу ее многостороннего воздействия на формирование личности ребенка.

Ключевые слова: экономический термин, прагматическая роль, детский анимационный фильм, кинотекст.

Abstract. The article reflects the results of the investigation into the role of special words, namely economic terms, within animated movies for children. It considers the pragmatic potential of animated text and its influence on the potential viewer. The paper presents main functions of economic terms based on component, contextual, stylistic and pragmatic analysis. It emphasizes the significance of special lexemes in children's animated movie discourse due to their diversified impact on the formation of the child's personality.

Key words: economic terms, pragmatic potential, animated movie for children, animated text.

Данная работа направлена на исследование особенностей функционирования экономической лексики, представленной в основном в виде терминологических вкраплений, в таком далеком от

экономической тематики виде художественного текста как детский анимационный фильм.

Возросший интерес к языку детского анимационного фильма заставляет исследовать вопросы функционирования экономического термина в детском киножанре, что подчеркивает актуальность данного исследования [Лукьянова, Колоскова, 2018; Лукьянова, Гайдуль, 2018; Лукьянова, Гринько, 2018]. Целью данной работы является рассмотрение прагматических функций экономического термина, описание его типологических характеристик в рамках детского англоязычного анимационного фильма. Материальной базой исследования послужили более 500 проанализированных примеров использования экономических терминов в детском англоязычном анимационном фильме. Методами исследования проблемы экономического термина в детской анимации послужили метод сплошной выборки, метод прагмалингвистического, стилистического и контекстуального анализа экономического термина в исследуемом контексте.

На современном этапе развития языкознания интерес лингвистов и филологов к процессу терминологизации языка и речи и, в частности, к экономической терминологии обусловлен высокой степенью интеграции экономических терминов во все сферы современной жизни. Данный пласт лексики исследуется прежде всего в контексте прагматики и перевода (Гринев, Нелюбин), а также с точки зрения стилистики языка (Некрасова).

От общеупотребительной лексики термин отличают следующие признаки: точность понятийной семантики, однозначность, стилистическая нейтральность, номинативность, краткость и системность. Определенные требования предъявляются также к значению термина: непротиворечивость семантики; однозначность; полнота; отсутствие синонимов. Среди прагматических требований выделяются: внедренность, интернациональность, современность, благозвучность, экзотеричность [Гринёв-Гриневич 2008].

Текст детского мультипликационного фильма рассматривается как «сложное лингвосемиотическое образование» [Ворошилова, 2007: 111]. Данный вид текста представляет особый интерес для исследования в силу ряда причин. В первую очередь по мнению мно-

гих отечественных лингвистов кинотекст и, в особенности, текст детского анимационного фильма, имеет сложный состав. Согласно изобразительной и словесной повествовательной тенденциям слово становится обязательным элементом киноповествования наряду со звуковым и визуальным видеорядом [Лотман, 1973: 50].

Рассматривая прагматическую роль экономического термина в контексте детского анимационного фильма, необходимо отметить, что в силу особенностей кинотекста как одного из видов художественного текста, он способен наделять термин дополнительными стилистическими коннотациями. Среди характерных свойств кинотекста прагматическая направленность является одной из наиболее значимых, так как «представляет собой побуждение реципиента к ответной реакции» [Слышкин, Ефремова 2004: 28-32].

Исходя из проанализированных компонентных, контекстуальных, лингвостилистических и прагматических особенностей функционирования специальных слов в художественном тексте детского кинодиалога, можно выделить следующие функции экономических терминов:

1. Термины выполняют функцию непосредственного отображения действительности, называют профессиональные реалии, процессы, свойства выступая в своем номинативном значении: They worked in a department called “*Marketing*” [“The Boss Baby”, 2017].
2. Термины выступают как средства создания максимально реалистичного сюжета, знакомят юного зрителя со «взрослыми» ситуациями, расширяя из знания об окружающем мире и развитию когнитивных способностей: “Do you have any idea of the *capital* that this *bank* has *invested* in you, Gru? With far too few of your sinister plots *actually turning a profit*” [“Despicable Me”, 2010].
3. Термины используются как средство создания определенной речевой ситуации: No, no, no my parents are fabulously wealthy! But they *cut me off* for being a.... [“The Princess and the Frog”, 2009]
4. В контексте мультфильма термины также могут использоваться в переносном, образном значении, создавая определенный эмоциональный фон. *He set up his office... He conducted meetings* [“The Boss Baby”, 2017]. В этом примере термины *conduct meetings* и *set*

up his office использованы с целью усиления иронии при участии аудиоряда: если в обычной ситуации такие термины относятся к деятельности зрелого делового человека, то в данной сцене речь идет о младенце, только что прибывшем из роддома. Здесь термин использован для создания иронии, чтобы показать, как сильно любят малышей.

5. Термины, в том числе ставшие единицами жаргона, могут выступать в качестве речевой характеристики персонажа. Чаще всего их употребляют персонажи, представляющие структуры власти, создавая тем самым определенную дистанцированность участников коммуникации: *Unfortunately, lying on a federal form is a punishable offense. Five years jail time [Zootopia, 2016]*, а также персонажи-антагонисты: *... your sinister plots actually turning a profit [“Despicable Me”, 2010]*.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что экономические вкрапления в тексте детского анимационного кинодиалога представляют определенную значимость в качестве материала для дальнейшего исследования в связи с тем, что в детском анимационном кинотексте специальная лексика оказывает разностороннее воздействие на потенциального зрителя. В детском анимационном кинодиалоге экономические термины приобретают большее значение в художественно-стилистическом, чем в предметно-логическом качестве; выполняют не только дескриптивную и стилистическую, но и педагогическую функцию, оказывая воздействие на формирование картины мира юного зрителя, его мировоззрение, способствуя дальнейшему когнитивному и речевому развитию, становлению социальных и коммуникативных навыков, воздействуя на эмоциональную сферу, тем самым повышая интерес зрителя к фильму и расширяя потенциальную зрительскую аудиторию.

Литература

1. Ворошилова М. Б. Креолизированный текст: кинотекст// Политическая лингвистика. - Выпуск (2) 22. - Екатеринбург, 2007. — С. 106-110

2. *Гринев-Гриневиц С.В.* Введение в терминографию: Как просто и легко составить ... Учебное пособие. — М.: Академия, 2008. — 304 с.
3. *Гринько О.А., Лукьянова В.С.* Функционально-семантические особенности аббревиатур и акронимов в детском англоязычном игровом и анимационном фильме// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. — С. 63-73
4. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээстираамат, 1973. — 229 с.
5. *Лукьянова В.С., Гайдюль М.В.* Проблема передачи комического эффекта в детском анимационном фильме//Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. — С. 130-142
6. *Лукьянова В.С., Колоскова О.А.* Проблемы перевода экономических терминов в детском англоязычном анимационном фильме// В сборнике: Научный подход к общественному развитию. Сборник статей по материалам XXXI Международной научно-практической конференции. 2018. — С. 93-100
7. *Слышкин Г.Г., Ефремова М.А.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). - М.: Водолей Publishers, 2004. — 153 с.
8. *Despicable Me* [Электронный ресурс] // Filmatika. URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/gadkij-ya (дата обращения: 10.10.2017).
9. *The Boss Baby* English-films. [Электронный ресурс] // URL: <https://english-films.com/filmy-so-slovarem-na-angliyskom/1716-boss-molokosos-the-boss-baby-2017-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 10.02.2018).
10. *The Princess and the Frog* English-films. [Электронный ресурс] // URL: <https://english-films.com/comedies/954-princessa-i-lyagushka-the-princess-and-the-frog-2009-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 10.02.2018).
11. *Zootopia* English-films. [Электронный ресурс] // URL: <https://english-films.com/action/612-zootopia-2016-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 10.10.2018).

Т.П. Петерс
МГИМО МИД России, Одинцовский филиал
Одинцово, Россия

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ КАК ИНСТРУМЕНТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ (ИЗ ОПЫТА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Аннотация. В статье, основанной на опыте научной исследовательской работы автора, сообщается об использовании иностранных языков, в частности французского языка, в качестве инструмента в области источниковедения. Статья основана на неизвестных архивных документах конца XVIII — начала XIX вв. на французском языке, которые были выявлены автором в Российском государственном архиве древних актов и переведены на русский язык для последующего изучения. Эти документы содержат новые сведения о взаимопроникновении двух культур, Европы и России, начиная от зарождения межкультурной письменной коммуникации. Например, о вхождении приезжих выходцев из Франции в социальную, профессиональную, политико-экономическую и культурную действительность России в послепетровское время, их адаптацию и значение их пребывания для развития российского общества.

Ключевые слова: архивные документы, XVIII в., перевод на русский язык

Abstract. The article, based on the experience of the author's scientific research, reports on the use of foreign languages, French in particular, as a tool in the field of source studies. The article is based on unknown archival documents of the late XVIII — early XIX centuries in French, which were identified by the author in the Russian state archive of ancient acts and translated into Russian for further study. These documents contain new

information about the interpenetration of two cultures, Europe and Russia, starting from the birth of intercultural written communication. For example, the entry of immigrants from France into the social, professional, political, economic and cultural reality of Russia in the post-Petrine period, their adaptation and the importance of their stay for the development of Russian society.

Key words: archival documents, XVIII century, translation into Russian

Источниковедение является составной частью вспомогательных исторических дисциплин, которая занимается исследованием первоисточников, хранящихся в архивах, как государственных, так и региональных. Специалистам гуманитарных областей знания известно, что без документальных источников невозможно никакое исследование. Однако часто случается, что первоисточники оказываются недоступными исследователям. Чаще всего это происходит с документами XVIII-XIX столетий на иностранных языках, которых в архивах страны имеется большое количество.

К ним относятся семейные архивы, хранящиеся в фондах личного происхождения, а также официальная переписка различных государственных ведомств. В таком случае, иностранный язык несет прикладную функцию и выступает инструментом познавательной деятельности. С точки зрения литературоведения, эти документы относятся к мемуарному и эпистолярному жанрам. Методологическими приемами работы с такими источниками является поиск документов в различных фондах архивов, перевод выявленных документов на русский язык в соответствии с имеющимися требованиями, их комментирование, которое предполагает большую исследовательскую работу переводчика в избранной области, будь то литературоведение, филология, история.

В моем случае это исторический комментарий. В качестве примера, основываясь на собственном опыте, могу привести воспоминания и дневник путешествий по Европе княгини Н.П. Голицыной (одного из прототипов старой графини из пушкинской «Пиковой дамы») конца XVIII в. [Голицына 2010], дневник путешествия по

Крыму и черноморскому побережью Кавказа в 1818 г. француза на русской службе Поля Гибала [Поль Гибаль 2017]. Они написаны на французском языке и на протяжении многих десятилетий представляли интерес для историков и литературоведов, но были недоступны совершенно или частично. В настоящее время, когда они переведены мною на русский язык и опубликованы, эти документы служат основой научных исследований филологов, литературоведов, историков и пр.

Источники архивов отвечают основным принципам научного исследования — новизна и актуальность. Во-первых, в результате перевода на русский язык они впервые вводятся в научный оборот. Также они представляются востребованными и актуальными в связи с интересом не только специалистов, разных областей знания, музейных работников, но и всех интересующихся отечественной историей и регионоведением.

Подобные документы дают возможность изучить ряд вопросов, касающихся взаимопроникновения двух культур, Европы и России, начиная от зарождения межкультурной письменной коммуникации. Например, о вхождении приезжих выходцев из Франции в социальную, профессиональную, политико-экономическую и культурную действительность России в послепетровское время, их адаптацию и значение их пребывания для развития российского общества.

В этих рамках можно рассмотреть вопрос о подсудности и юрисдикции французов, как один из многочисленных аспектов правового положения приезжих иностранцев. В качестве основы исследования были дела фонда Преображенского приказа и Тайной канцелярии, созданных Петром I. Они являлись следственными учреждениями по политическим и уголовным преступлениям. Документы относятся к периоду правления Екатерины II (1774–1794 гг.).

На настоящем этапе рассматривались дела фондов Российского государственного архива древних актов только о служивых французах, в том числе по источникам на французском языке. К этой категории лиц относились военные разных званий, в основном офицерский состав, и французы различных мирных профессий. Несмотря

на не слишком большое количество дел и незаконченность некоторых из них, в результате анализа были сделаны выводы, хотя и неокончательные, поскольку предпринятое исследование находится на начальном этапе.

Как следует из архивных документов, в правление императрицы Екатерины II положение военных служилых французов в вопросах подсудности и юрисдикции изменилось. В результате анализа архивных источников были выявлены два новых момента: 1) окончательный переход военных французов и служилых мирных профессий в XVIII в. под юрисдикцию Министерства внутренних дел, Военного министерства и Сената и 2) их высылка из России, применяемая в качестве наказания. В XVII в. в России в отношении военных иностранцев практиковалась «подсудность по своему праву», [Орленко 2004:54]. Это означало, что в допетровское время дела французов, исполнявших военную службу в России, рассматривал командир части, в подчинении которого они состояли. Он судил их и по своему усмотрению, основываясь на практике страны, уроженцем которой являлся, и выносил окончательный приговор (физические наказания, понижение в чине и другие). В начале XVIII в. такое положение изменилось, и в силу указов Петра I командиры лишились подобных полномочий. В случае совершения преступления полицейские и административные органы на местах имели право вести наблюдение над подозреваемыми, арестовывать их, проводить следствие, по окончании которого, а нередко и в ходе его, материалы сыска и сами задержанные отсылались в Петербург. В качестве мер наказания, согласно архивным документам, использовали содержание в крепости, ссылку, например на Кавказскую линию, однако не имеется сведений о наказаниях, применяемым к русским людям — батогами или кнутом, смертная казнь. Высылка из России, согласно документам, как наказание к русским не применялась и касалась только французов. Одновременно принятие присяги на верность императрице по Манифесту от 7 февраля 1793 г. не означало принятие российского подданства и не являлось препятствием для высылки. Приговор объявлялся в Сенате с указанием повеления государыни.

Так, секунд-майора Карла де ла Шевалери, задержанного в Петербурге в феврале 1790 г. при попытке обменять в лавке фальшивую 5-рублевую ассигнацию, допрашивали вначале на Съезде двора 3-й Адмиралтейской части столицы, откуда рапорт поступил в Управу благочиния к обер-полицмейстеру Н.И. Рылееву, а от него в Государственную Военную коллегию на рассмотрение. Высочайшим указом от 22 февраля 1790 г., данным генералу Н.Н. Салтыкову, «преступника сего...по лишении чина и отобрании патента велено выслать за границу» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2761. Л. 1-6 об.].

В мае 1793 г. в Сенате было объявлено повеление императрицы «осудить виселицей» Жана Бонно, корреспондента французского департамента иностранных дел в Варшаве, «который оказался шпионом» [РГАДА. Ф.7. Оп. 2. Д. 2808. Л. 10]. Однако наказание не было осуществлено, и после нескольких лет заключения в Петропавловской крепости, Ж. Бонно был освобожден и в ноябре 1796 г. выслан за границу [РГАДА. Ф.7. Оп. 2. Д. 2808. Л. 145].

В феврале 1793 г. Санкт-Петербургская палата Уголовного суда вынесла определение по делу французского ростовщика Шопфа (Шепера), вина которого во взятии 8% вместо законных 6% (указ 1754 г.) при отдаче в заем денег, не была доказана. Указывалось, что его не следовало высылать «яко гражданина», который просит «оставить его в подданстве России» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2784. Л. 96]. Слово «гражданин», возможно, отсылает нас к званию, которое жаловалось недворяном за заслуги и выслугу, тем более, что в деле описывалась благонадежность и добропорядочность Шопфа.

Отставной шихт-мейстер Петр Яковлев сын Ансио родился в России от отца «партикулярной верфи столярного мастера», который, вероятно, присяги на верность не принимал, обвинялся в октябре 1781 г. за кражу (на 22 р.) и по доносу сокамерников за «дерзкие слова в адрес императрицы». Высочайшим повелением за кражу был сослан «для зарабатывания в рабочий дом», находившийся в ведении Приказа Общественного призрения, где оставался до августа 1782 г. По второму обвинению его было повелено «избавить от тяжкого телесного наказания» и выслать, как «неприродного россиянина», что осуществилось в марте 1783 г. При этом выдали

«арестанту в пути кормовых 70 коп.» от Риги до Курляндской границы [РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2574. Л. 45].

Кадет Каргопольского Карабинерного полка Жозеф Дю Розуа был арестован в августе 1794 г. по обвинению в дезертирстве и подстрекательстве к мошенничеству. Несмотря на принятую присягу, по резолюции императрицы, объявленной в Сенате в октябре 1794 г., «француз признается бродягою,...и [повелено] выслать его, как вредного странника за границу с запрещением никогда не входить в Российскую империю» [РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2846. Л. 203].

Таким образом, исследованные архивные источники свидетельствуют о том, что в XVIII в. с выходами из Франции происходило то же, что с приезжими немцами. Произошел окончательный переход военных французов и служилых мирных профессий под юрисдикцию Министерства внутренних дел, Военного министерства и Сената и в качестве наказания в их отношении применялась высылка из России с обязательством, часто собственноручно подписанным наказанным, никогда впредь в Россию не возвращаться. Изменения в правовом статусе и юрисдикции касались приезжих иностранцев всех наций и носили всеобщий характер.

Литература

1. Моя судьба — это я / Княгиня Н.П. Голицына; [сост., вст.статья, пер.с фр.яз., указ. Т.П. Петерс]. - М.: Русский Мирь, 2010. — 464 с.

2. Обзорение Крыма, Новоросии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибаля, 1818-1819; [сост., предисл., коммент., пер. с фр.яз., указ. Т.П. Петерс]. — М.: Русский Мирь, 2017. — 416 с.

3. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальной положение). — М.: Древлехранилище, 2004. —. 54 с.

Научное издание

Язык. Культура. Перевод

сборник материалов всероссийской
научно-практической конференции
(20 февраля 2019 г.)

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка *Ф.А. Игнащенко*

Подписано в печать 24.04.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 12,4. Уч.-изд. л. 9,14. Тираж 100 экз. Заказ 19/10

Одинцовский филиал МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники
Одинцовского филиала МГИМО МИД России

143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3